

Дина Лазарева

Дина Лазарева
**ТОЛЬКО
ПОПРОБУЙ**

Он снова ворвался в мою жизнь, круша все на своем пути. Мой бывший — моя боль и моя первая любовь. Пять лет назад он поверил лжи о том, что я разлюбила и не дождалась его. Не сомневаясь ни секунды, он оформил развод. Спустя годы он осознал, как жестоко ошибался и готов на все, чтобы меня вернуть. Пять лет назад он бросил меня, просто прислав заявление о разводе в ЗАГС, а как теперь будет возвращать?

Глава 1

Ношу по квартире в поисках трусиков уже минут десять, я опаздываю, но мне нужны сегодня именно они: черное нежное кружево и крохотные стрепы. И нет, у меня не свидание, а заключение важного контракта. Но эти трусики — мой талисман, стоит надеть, и все получается как по писаному. Вообще у меня есть еще один талисман, но его я не надевала уже лет пять — это мое обручальное кольцо — тонкий ободок розового золота с россыпью бриллиантов по одному краю. Бывший заказывал его на нашу свадьбу у известного ювелира. Кольцо приносило мне удачу всегда, исполняя любые смелые желания, но вот уже несколько лет я к нему и не притрагивалась. Решаюсь надеть кольцо, талисман мне сегодня необходим. И как только оно оказывается на моем пальце, тут же находятся и трусики. Быстро одеваюсь, уверенная, что сегодня удача у меня в кармане.

Подписание контракта проходит как в тумане, яркой вспышкой врезаются в память только щелчки фотокамер, когда за ручку взялся губернатор, а следом за ним и директор строительного холдинга, выигравшего тендер. Можно выдохнуть — все прошло на отлично, я подготовила все документы, сделка подписана, теперь могу и отдохнуть.

— Надежда Игоревна! — слышу как меня окликают один из сотрудников холдинга, который привозил мне документы, — Надежда Игоревна! Наш генеральный очень доволен сделанной вами работой, и поэтому предлагает еще посотрудничать. Вот контракт, — и протягивает мне документы.

Вот не зря я верю в свои талисманы, реально помогают! Быстро пробегаюсь глазами по тексту, условия прекрасные, причем подпись генерального уже стоит, остается только поставить свою, что я с удовольствием и делаю! Удивлена конечно, что значительная часть текста отведена штрафам за расторжение, кто ж расторгает такие щедрые контракты? Радость так и распирает, что, улучив момент, выхожу из конференц-холла в коридор, и звоню подруге и по совместительству единственному (кроме меня конечно) сотруднику моей юридической фирмы:

— Наташ, не поверишь! Я подписала контракт на сотрудничество с «Базис-М», мы теперь их представители на год и с правом продления! У нас есть работа, и самое главное — деньги! Очень хорошие деньги! А уж какое это признание! — буквально захлебываюсь в своей радости.

Каким-то шестым чувством понимаю, что я уже не одна стою в коридоре, быстро сбрасываю звонок, и в тот же миг чьи-то руки опускаются мне на талию, меня окутывает любимым запахом парфюма и теплый мужской голос с хрипотцой произносит слова, которые я думала, никогда уже не услышу:

— Привет, кисунь! Я тоже очень рад, — делает многозначительную паузу и после нее добавляет — посотрудничать.

Резко разворачиваюсь на каблуках и оказываюсь лицом к лицу к бывшему. Как же он

красив и ни чуточки не изменился. Нагло вглядывается в мое лицо, в то время как я просто не могу вымолвить ни слова, пульс долбится у ушах, мой взгляд буквально примагничивается к нему: вижу, как расширяются его зрачки, затопив чернотой серую сталь радужки. Я столько раз представляла нашу встречу, но в моих представлениях я всегда проходила мимо, не заметив его, а он бросался вслед. А сейчас мы стоим очень близко и сверлим друг друга глазами. Наконец он отводит взгляд, и я уже думаю, что я победила в этой битве, как вдруг замечаю, что он просто опускает глаза вниз по моей шее, вырезу на блузке, опускается еще ниже, отчего я быстро скрещиваю руки на груди, максимально закрываясь от него, и тут же понимаю, что это была ошибка. Бывший просто прикипает взглядом к моим пальцам, и пока я стараюсь убедить себя, что он просто в восторге от моего маникюра, он произносит мягко и почти нежно:

— Смотрю, ты все еще носишь кольцо.

Кровь бросается к лицу, ну не рассказывать же ему, что это мой талисман? Поэтому я с вызовом спрашиваю:

— Что ты вообще тут делаешь?

На что он довольно улыбается и доверительно мне сообщает:

— Как что? Наслаждаюсь твоим обществом, кисунь.

Молниеносно закипаю и решаю поскорей ретироваться, прикрывшись уважительной причиной для бегства:

— Приятно было увидеться, а теперь мне надо переговорить с генеральным директором «Базис-М»

— Это очень правильное решение, целиком его поддерживаю, — взгляд бывшего перемещается с моих губ на глаза, — Я и есть генеральный. Начинай.

Глава 2

Всегда думала, что мне будет, что ему сказать при встрече. А сейчас стою, раскрыв рот. Пока он рассматривает мое лицо и улыбается, как старому другу, которого наконец встретил после долгих лет разлуки! Другу! Градус моего кипения достигает предела, и я заявляю:

— Будем считать контракт расторгнутым! Я не буду с тобой работать! — голос звучит резче, чем требуется, но мне плевать.

— Какая же ты прелесть, кисунь! Мягкая лапа показывает коготки? Мне это нравится, уверен, мы сработаемся. Именно то, что мне надо, — заявляет этот хам. Ему кажется совершенно плевать на мое мнение, и он как ни в чем ни бывало, продолжает, — у меня очень большие планы на наше тесное сотрудничество.

Нет, ну каков нахал, он и не думает стесняться, его взгляд облизал декольте и уже спустился по бедрам к ногам, и теперь от туфель поднимается снова вверх:

— Поэтому начинаем завтра с утра, я бы конечно начал прямо сегодня, но не будем форсировать события, дорогая. Уверен, мы достигнем полного взаимно, — гад делает выразительную паузу, во время которой наконец его глаза сосредотачиваются на моем лице, — понимания.

Он все это произносит слегка небрежно, и только затопившая серую радужку его глаз чернота, выдает, что он волнуется, и что причина его волнений — видимо я. Внимательно рассматриваю его лицо, не могу никак оторваться. Ведь это же он, он, мой Сашка. Моя первая любовь и моя самая большая боль. Выхватываю какие-то мелкие детали, мозг радостно их запечатлевает и, видимо, надежно укладывает в мои воспоминания.

Сознание раздваивается. Я помню его таким, и чуть другим, и сейчас судорожно

пытаюсь запомнить все это новое. Сердце так колотится, что закладывает уши. Вот сейчас он поправит волосы, я думаю об этом на долю секунды раньше, чем он поднимает руку. Я просто знала. И это знание вдруг наполняет меня такой радостью, что я с трудом остаюсь на месте. Ладонки взмокли, пульс долбит в уши, в горле, кажется, я вся — огромное стучащее сердце. Время растягивается, и меня накрывает каким-то пузырьком, звуки становятся глуше и дальше, жизнь там, за пределами бежит все так же, а тут в пузырьке все замедляется, разум раскладывает на фрагменты каждое его движение, стараясь не упустить никаких подробностей. Мое тело предает меня, реагируя на мужчину, которого я считаю предателем, совершенно не так, как я планировала. Вообще то я при встрече думала пройти мимо и не узнать, и вот она я: стою и улыбаюсь как шальная, смотрю на него и не могу насмотреться. Эмоции наслаиваются на эмоции: радость, гнев, удовольствие, что он так смотрит на меня, как и раньше и не отводит взгляд, будто примагничивается ко мне. Я помню этот его взгляд, после него он хватал меня в объятия и целовал, целовал, целовал. Все разом нахлынувшие на меня воспоминания настолько реальны, что я вздрагиваю, когда слышу его тихий и насмешливый голос:

— Не красней так, кисунь.

— Я? Краснеть? Не сочиняй! Я не умею краснеть.

Он понижает голос до шепота и чуть наклонившись, сообщает: — Ну кому ты врешь, врунишка? У тебя кончики ушей порозовели, я же вижу.

Мне вдруг кажется, что он сейчас заправит локон мне за ушко, как раньше. Он ведь так любил это делать, и я с ужасом понимаю, что мое тело подается к нему, и я жду этой то ли заботы, то ли ласки.

Но вместо этого он резко отстраняется от меня, натягивая самую дружелюбно — восторженную улыбку на какую только способен. К нам подходит пресс-секретарь.

— Вы знакомы? Я что-то совершенно упустил, что мы будем тесно сотрудничать, а вы еще не представлены друг другу. Генеральный директор строительного холдинга «Базис-М» Ярлов Александр Владимирович, — Сашка, ой, то есть Александр Владимирович важно мне кивает и приветственно улыбается, а секретарь продолжает:

— Ярлова Надежда Игоревна. Надо же: одинаковая фамилия. Вы родственники?

— Нет, — отвечаем в унисон.

— Чудненько! Надежда Игоревна, позвольте вас украсть на несколько минут? Хочу наедине поговорить, — обольстительно мурлычит чиновник, уверенный, что я не откажу, потому что сразу же берет меня под руку и делает шаг в сторону своего кабинета. Послушно разворачиваюсь к нему и потрясенно наблюдаю, как бывший разве что не рычит, и одними губами произносит мне угрожающе:

— Только попробуй!

Глава 3

Целую ночь не могу уснуть. Только закрою глаза и вижу его. Убеждаю себя, что прошло уже пять лет, и наша встреча ничего не значит, потом пытаюсь придумать, как расторгнуть контракт и бежать, желательно на другую планету. Совершенно измучившись, засыпаю, просто праваливаюсь в сон, и только проснувшись, понимаю, что и во сне он меня не оставил.

Просто потрясающая способность переворачивать мою жизнь, и разрушать все, что устоялось и меня устраивает. Сердце бешено колотится, как будто я марафон пробежала, а не только что проснулась, глаза лихорадочно блестят, мысли все путаются и вьются только

вокруг него. Совершенно сбита с толку, решаю, что сегодня первый рабочий день сотрудничества с новым боссом, и удача мне понадобится. Не могу никак придумать почему именно она мне понадобится, но быстро надеваю обручальное кольцо, все равно он уже его видел. Собираюсь чуть дольше обычного, уговаривая себя, что это просто от недосыпа, а не оттого, что я трижды переодевалась прежде чем выйти из дома.

В офисе поджидает Наташа, ей нужны подробности, она и вчера звонила, но я пару раз скидывала звонок, потом написала ей, что некогда сейчас, и все завтра расскажу. Наташка — моя подруга и моя единственная сотрудница, тут мне повезло. Справедливости ради, ей тоже повезло, работаем вместе, и контракт со строительным холдингом вместе готовили, рассчитывая на хороший гонорар. Вот и подготовили. К гонорару прилагается мой бывший.

В голове у меня такая сумятица, что я даже не знаю, как это все рассказать Наташке. Как я вот сейчас заявлю, что контракт, от заключения которого еще вчера я готова была танцевать и кричать какая я молодец, вдруг стал обузой?

Ната налетает на меня с разбегу:

— Ну что там? Рассказывай? Что за контракт? Какие условия? Я уже себе почти весь гонорар расписала, куда потрачу, — она смеется, осыпая меня вопросами как из пулемета.

— Да нечего особо рассказывать. Ко мне подошел ассистент гендира холдинга, помнишь его? Он еще бумаги нам привозил раза два.

— Да, да, конечно помню — Наташе не терпится перейти к сути.

— Ну вот он подошел с контрактом на юрслуги, я сразу его подписала, условия шикарные просто, — слова застревают в горле.

Наташка не зря отличный юрист, да и подруга тоже наблюдательная:

— Тааак, — тянет она, внимательно всматриваясь в мое лицо, — а что не так-то? Где подвох? Почему ты сейчас рассказываешь мне потрясающие новости с таким скорбным лицом? Помер кто?

— Наоборот, — мямлю я, — скорей воскрес. Из прошлой жизни. Гендир этого Базис-М никто иной как мой бывший муж.

— О! — только и может сказать Ната.

— Вот именно «О», — не выдерживаю я, и начинаю ходить по офису, — я не понимаю, как мы с ним будем работать! Мы должны расторгнуть этот контракт! Но там такие штрафы. — мысль об этом просто невыносима

— Так, стоп! — в отличие от меня Наташка спокойна и собрана, — погоди метаться и расторгать все на свете. Давай попробуем обозначить плюсы и минусы.

— Плюс — это деньги и репутация, после этого контракта считай перед нами все двери открыты. Минус — это мой бывший, в моем городе, на моей работе, рядом! — я откровенно паникую.

— Любишь его? Боишься, что не сдержишься и бросишься ему на шею? — подруга смотрит внимательно.

— Нет конечно! Между нами все кончено пять лет назад! Я его и видеть не хочу.

— Уже лучше. Боишься, что он будет приставать к тебе и домогаться?

— Да не особо. Он сам меня бросил, зачем теперь домогаться? Опять же, даже если вдруг надумает приставать, то, — делаю паузу, подбирая слова, — в общем, если он поймет, что в моей жизни ему нет места, потому что оно занято, то думаю, он быстро успокоится. Да и вообще, — в голову приходит спасительная мысль, — он же наверняка только на подписание контракта прилетал, скорей всего еще неделю максимум тут побудет и улетит

обратно в столицу.

— Ну вот видишь, — подытоживает Наташа, — с плюсами и минусами разобрались. Ты его не любишь, не подпустишь к себе, он скоро улетит, и все останется как было. Правильно? Так зачем налетать на большие штрафы и отказываться от гонорара?

— Правильно, — я соглашаюсь, но на душе скребут кошки, где мое радостное оживление с каким я бежала на работу? Решаю, что подумаю об этом потом, а пока говорю подруге:

— Кстати, Наташ, это ж фамилия мужа у меня, я при разводе не меняла. Если вдруг будут спрашивать, не говори об этом никому пожалуйста. Просто если узнают, что мы родственники, пусть и бывшие, обвинят и его и нас, что мы пользуясь личными связями, продвигаем родственников. Все-таки сама понимаешь, контракт крупный, СМИ будут все вынюхивать, — мне нелегко даются эти слова про родственников и их продвижение, и хорошо, что Наташа на меня не смотрит, уткнулась в ноутбук.

— Ок, без проблем, — уверяет она, — а вот и первое письмо от нашего миллионера. Он ведь миллионер, да, Надь?

— Понятия не имею, мне вообще все равно кто он там, главное... — не успеваю продолжить, как Наташка вставляет свои пять копеек:

— Чтоб человек был хороший, — и залиvisto смеется. Ее хорошее настроение вдруг передается мне, и я тоже начинаю смеяться, убеждая себя, что Сашка, точнее Александр Владимирович Ярлов, мой бывший муж, а ныне — мой работодатель — скоро уедет и мы больше не увидимся, все будет как раньше.

Натка уже читает письмо от Ярлова, поднимает на меня глаза, смотрит внимательно и говорит:

— У нас первое задание от Александра свет Владимировича. Они желают, чтобы мы оперативно нашли ему офис, так как он планирует ближайшие три года головной офис его фирмы размещать тут. И чтоб наш офис, — она опускает глаза в монитор и читает задание — офис юридической компании, представителя заказчика, должен располагаться в том же здании.

Глава 4

Семь лет назад.

Был май, сессия в разгаре, когда меня и моего одногруппника Сергея Белова, вызвали в деканат. Мы были лучшие ученики потока, так что вызов мог быть связан только с практикой юридического факультета. Тот день врезался в мою память, ведь это был день нашей первой встречи. Мы с Беловым зашли в кабинет, навстречу нам поднялись из-за стола наш декан и какой-то незнакомец. Высокий, очень красивый, в сером, отлично сидящем костюме, он был настолько не похож на всех мужчин, которых я раньше встречала в своей жизни, что я не могла оторвать глаз и откровенно любовалась им. Мужчина отвечал на мой взгляд своим долгим изучающим взглядом.

Декан выступил вперед и представил нас друг другу:

— Александр Владимирович Ярлов, генеральный директор строительной компании, хочет взять вас на практику, и при условии удачного ее прохождения, возможно зачисление в штат компании, после окончания ВУЗа, — сказал он. — А это наши лучшие студенты юрфака — Наденька Круглова и Сергей Белов. Уверен, что они справятся.

На практику вышли с понедельника. Я так наряжалась в свой первый рабочий день как будто на самое важное событие своей жизни. Но меня ждало разочарование, шеф, как все в

офисе звали Александра Владимировича, со мной больше не виделся. Задания нам давал начальник юротдела. Я даже начала подозревать, что шеф вообще в офисе не показывается, как вдруг спустя недели две с момента первой встречи, мы столкнулись в коридоре. Вышло очень глупо: я торопилась, почти бежала по коридору, неся свой кофе, Александр Владимирович вышел из-за угла и шел мне навстречу, кажется, даже не замечая меня, а я так разволновалась, увидев его, что поравнявшись с директором, потеряла равновесие, и стакан с кофе, выскользнул из моих рук и упал под ноги.

— Черт! — Я не удержалась от возгласа, — ну вот почему так? — чуть не расплакалась я, а директор остановился, сочувственно оглядел место происшествия и остановил взгляд на моем лице:

— Вы, Надя, так убиваетесь по кофе или по испорченному покрытию? — он иронично поднял бровь.

Кровь бросилась мне в лицо:

— По туфлям! — брякнула я.

— Хмм, вот как? — он опустил взгляд, видимо, решив оценить размер ущерба. — Да, туфли хороши. А кофе я вам куплю, если позволите. — Потом еще раз внимательно взгляделся в мое лицо и произнес: — Ничто не стоит ваших слез.

Кофе он купил, и мы мило поговорили, сидя в кафе. С ним было очень легко, он как-то так строил беседу, что узнал обо мне практически все, задавал море вопросов, внимательно слушал ответы, и снова засыпал меня вопросами. Только на этом все и закончилось, как мне тогда показалось, потому что он стал будто избегать меня.

Наша практика закончилась в конце августа, а первого сентября Александр Владимирович мне позвонил и пригласил прийти в офис. Я тогда подумала, что он мне предложит место в юротделе. Но я ошиблась, место я не получила.

Когда я зашла в его кабинет, он встал, обошел свой стол и оперся на столешницу. Потом, спустя месяцы, он говорил, что жутко нервничал тогда, когда начал наш разговор:

— Скажу прямо: не одобряю личные отношения на работе, это мешает делу. Я сам построил свой бизнес с нуля, и не хотел бы его потерять потому что чувства заслоняют разум. — он резко вскинул руку и поправил волосы, — вынужден сказать, что я очень хотел бы взять тебя. Ничего, что я на «ты»?

Тут же перефразировал вопрос:

— Давай на «ты», пожалуйста, так проще и приятней. Ты не против?

— Нннет. — Я была ошарашена, а он поправил меня:

— Нет, Саша, я не против, — улыбнулся он мне, подбадривая, и продолжил:

— Но больше чем тебя в свой офис, я хочу тебя просто рядом. Если ты будешь работать на меня, встречаться нам — станет табу.

— Встречаться? — От потрясения я с трудом подбирала слова.

Он тихо рассмеялся тогда:

— Конечно встречаться, ты удивительно красивая и умная девушка, любой бы хотел с тобой встречаться.

— И вы? То есть ты?

— И мы, и я, — он был очень очарователен, включил свое обаяние на полную мощность. — Я понял, что не хочу тебя потерять. Ты сходишь со мной в кафе? Или кино? Или куда обычно ты ходишь на свидания?

— Я не хожу, — только и смогла вымолвить я, — но лучше просто погулять.

— Так ты согласна? — его улыбка могла бы растопить все льды Антарктиды.

Тогда он открылся мне с другой стороны: не как солидный директор фирмы, а как веселый молодой парень. Александр Владимирович, то есть Саша, повел меня гулять в парк аттракционов. Кажется, мы прокатились тогда на всех. Сходили в комнату страха, где посетители садились в тележки, скрепленные составом между собой, и ехали в полной темноте, а из темноты на нас наступали скелеты, бряцая костями. Потом было колесо обозрения, и Сашка рассказывал мне море историй о своей жизни и о своих мечтах. Потом мы прокатились на американских горках, и было так страшно, что я визжала, а Сашка держал меня за руку и смеялся. И это был такой восторг, что мое сердце готово было выпрыгнуть к нему в ладони. Мы прошли сквозь пешеходный фонтан и вымокли до нитки. Потом кружились на старенькой карусели на лошадках, потом на качелях, и я смотрела в небо, и оно качалось, то приближаясь, то отдаляясь. Это было просто волшебно, а когда стемнело, мы бродили по аллеям парка и говорили, говорили, говорили и никак не могли наговориться.

Когда он проводил меня домой, я сама качнулась в нему, и он обвил меня руками и поцеловал, очень нежно, а когда отпустил, казалось, что все вокруг изменилось. Но все было прежним, изменились только мы, в наших сердцах поселилась любовь, и с каждым днем той осени она росла и росла. Мы разговаривали обо всем на свете, вместе готовили еду на нашей кухне, или срывались и ехали за город просто посмотреть как падают разноцветные листья. Что б мы не делали, это наполняло нас счастьем, потому что мы были рядом, вместе.

Мы поженились в январе, был такой мороз, но нам было все равно, мы были влюблены. Друзья крутили пальцем у виска, к чему мол, такая спешка? Можно же в теплое время года, фоточки будут красивые. Но мы не понимали, зачем нам красивые фоточки, когда мы так влюблены, мы не можем ждать.

У нас было одно сердце на двоих, и одно дыхание. Если я начинала фразу, он всегда мог ее продолжить, нам нравились одни фильмы и спектакли, мы хохотали над шутками друг друга, и мы подходили друг другу как две половинки, во всем. Летели месяцы, а наше счастье было таким же всеобъемлющим, как и в тот день, когда он впервые поцеловал меня. Я обожала шептаться ночами в нашей огромной постели, когда свет луны лизал подоконник, мы делились самым сокровенным, у нас не было секретов друг от друга. И это было таким чистым неразбавленным счастьем, что просто замирало сердце. Пока однажды, в день второй годовщины нашего брака, в тишине он не сказал, глядя мои волосы:

— Кисунь, мне предложили новый проект в Москве, там совсем другие возможности. Я хочу поехать. Контракт на год всего. Ты поедешь со мной?

Я распахнула глаза, не могла поверить — это кошмар мне приснился или это новая реальность, где Саша хочет уехать? Мы что, будем жить отдельно? А как же я буду дышать? Тишина стала звенящей. Мне надо было доучиться, и он знал об этом, но хотел поехать. Не сдержавшись, я заплакала и сказала:

— Нет, пожалуйста, только не сейчас. Ты же знаешь, мама моя болеет, и она не перенесет, если я уеду, да и до конца учебы мне всего полгода. Может останешься?

Он сказал тогда, что очень — очень любит меня, но хочет уехать, это для дела, что он будет звонить и писать каждый час, что он заработает кучу денег и бросит весь мир к моим ногам, мне не нужно будет работать, он все решит, мы купим дом на берегу моря, заведем собаку и кошку, родим детей, будем путешествовать. Он долго шептал в ночи про то, как исполнятся наши мечты, а я слушала его, затаив дыхания, и стараясь не всхлипывать, когда

горячие слезы прокладывали дорожки по моим щекам. Я не понимала, почему он так решил, почему мне предпочел работу, хотя говорил, что все это ради меня. Не помню как я тогда уснула, наверно просто у него закончились слова, а у меня закончились слезы. Он улетел через две недели, а еще через два месяца прислал в ЗАГС заявление о разводе.

Глава 5

Хорошо все-таки, что я вспомнила, как Ярлов вел себя в офисе семь лет назад, это помогло здорово успокоиться. Вряд ли он изменился. Мы взрослые люди, и сможем поддерживать обычные деловые отношения. Себя я в этом убедила практически полностью. Тем более, что пока все складывалось как нельзя лучше: общение свелось к деловой переписке сначала по электронной почте, потом в whatsapp.

Офис мы с Наташкой нашли в рекордные сроки — на пятый день уже подписали контракт, и уже через неделю, я поехала знакомиться лично с администрацией строительного холдинга в их новый офис.

Меня встретила секретарша. О, если б я была мужчиной, я, конечно, взяла на работу такую же длинноногую блондинку с кукольным лицом. Она поднялась мне навстречу:

— Здравствуйте, вы — Надежда? Александр Владимирович предупредил, что ждет вас.

Тон приветливый, улыбка дружелюбная, интересно, отчего она мне не нравится? Поймала себя на мысли, что разглядываю эту большегрудую куклу с ногами от ушей.

Тут распаивается дверь, и Саша показывается в проеме:

— Добрый день! Наконец-то вы нас посетили, Надежда! — Его глаза лучатся светом, раньше я б сказала, что в них пляшут чертята, но сейчас списываю все на яркий солнечный свет, заливающий приемную.

Собираюсь идти в сторону его кабинета, но он шагает порывисто навстречу мне и говорит:

— Пойдемте, я вас со всеми познакомлю, — и улыбается совершенно ослепительно: так, что мне хочется повернуть голову и проверить жива ли секретарша, смогла ли выдержать столько направленного обаяния.

— Надежда, у нас сложились дружеские отношения в коллективе, поэтому предлагаю на «ты», так проще, — и сам тут же переходит на «ты»: — Однако, если тебе с кем-то из наших сотрудников будет удобней на вы, то тоже ничего страшного. Эта милая девушка, Эвелина — моя секретарша, я очень доволен нашим сотрудничеством. Обращайся к ней с любыми вопросами, уверен, она сможет тебе помочь.

На лице секретарши сложное выражение, кажется, я ей не то чтобы нравлюсь. Она еще немного выпячивает и без того выдающуюся грудь и рвется помочь:

— Александр Владимирович, — ее голос полон меда, — Давайте я все Надежде Игоревне покажу, не будем вас отвлекать.

Саша отказывается от столь щедрой помощи, мотнув головой:

— Да нет, я сам.

В душе против воли поднимается какое-то гадкое чувство. Я еле сдерживаюсь, чтоб не съязвить, что он еще поплатится за свой отказ секретарше, и чувствую спиной, как она меня провожает долгим взглядом, когда мы идем вдоль по коридору.

Не волнуйся, девочка, я тебе не соперница. Я — перевернутая страница в его жизни. От этой непрошенной мысли чувствую, как горло сжимает спазм. Обида, неразбавленная годами, невыплаканная, сидевшая тихо и незаметно где-то внутри меня, вдруг подымается на поверхность. Я думала, что все давно забыто, но нет, я помню, как мы были счастливы, и как

он бросил меня, не сказав не слова, даже смс не прислал. Ни «прости», ни «прощай», ничего у меня не было, он просто прислал по почте заявление о разводе. Моя гордость не позволила мне написать ему и потребовать объяснений или пытаться разузнать кто или что стал причиной нашего разрыва.

Обида застревает в горле огромным комком, душит так, что невозможно выдохнуть. Кажется, уже столько времени прошло, и уже давно пора отпустить, но нет — стою оглушенная и не могу дышать. На языке разливается горечь, пальцы холодеют, мороз по коже поднимается все выше, и когда он достигает макушки головы, ледяные иглы впиваются в мозг, давая ему сигнал смертельного холода, и меня бьет озноб, зубы стучат друг об друга, руки трясутся, с трудом стою на ногах. Все мои силы уходят на то, чтоб не упасть. В глазах темнеет, и в следующую секунду сильные руки обнимают меня, окутывая теплом.

— Эй, — голос Саши звучит издалека и не на шутку встревожено, — ты что? Что с тобой? — он требует ответа.

— Да ничего, бывает — отвечаю неопределенно. Не рассказывать же ему, что обида на него подбрасывает мне такие сюрпризы.

— Бывает?! — он чуть ли не рычит, — ты больна?

— Сам ты болен, — огрызаюсь я и тут же спохватываюсь, — просто бывает и все. Можно мне горячий чай или кофе? И буду готова продолжать.

— Тебе надо в постель! — заявляет Ярлов, резко разворачивается и ведет меня мимо секретарши в свой кабинет, бросив ей на ходу:

— Эвелин, сделай нам чаю!

Слышу, как она, застучав каблуками, срывается с места. А я, не удержавшись, язвительно замечаю, когда за нами захлопывается дверь его кабинета:

— Я очень удивлюсь, если она не плюнет в мой чай, так красноречиво она смотрела!

Готова откусить себе язык, я ведь это вслух сказала, как-то слишком уж расслабляющее Саша на меня действует что ли. А он смотрит пару секунд совершенно недоуменно и потом начинает смеяться:

— Ревность? Госпожа Ярлова, как интересно, — и тут же безо всякого перехода, резко обрывает смех и строго произносит: — Я обещаю подумать об этом сразу же, как отвезу тебя домой и уложу в постель.

Глава 6

Сидит и смотрит на меня, а я знаю его этот фирменный взгляд Он означает, что все, уперся, сейчас его никто и ничто не сдвинет с места. Но я попробую:

— Какая постель, Ярлов? Какой дом? Ты о чем вообще?

— Нууу, если у тебя сомнения насчет постели и дома, то готов предложить свои. И дом, и постель. В конце концов, ты носишь мое кольцо, так что мы почти женаты, госпожа Ярлова.

Он вроде бы и ехидничает, но смотрит внимательно, пытаюсь понять, стало ли мне легче. А я согрелась, обида больше не плещется внутри, зато растет раздражение. Меня ужасно злит его самоуверенный тон и наглые слова.

— Никуда я не поеду!

— Поедешь, иначе придется устроить тебе постель прямо здесь. Я видел, что тебе стало плохо, — медленно втолковывает мне, как маленькому ребенку, — я еще разберусь с причинами, но пока надо не допустить последствий. Поэтому я тебе как доктор сейчас советую, тебе надо в постель.

Вот это он не подумав сказал, одновременно эта мысль приходит к нам обоим в голову, я понимаю это потому, что он резко замолкает и смотрит прямо мне в глаза, стараясь там найти ответ на вопрос о чем я думаю. Смотрим друг на друга, его взгляд темнеет, и, судя по всему, мы вспоминаем сейчас одно и то же.

Лет шесть назад он также укладывал меня в постель, обожал меня лечить. Только лечение у него было свое, как он утверждал, персонально разработанное для меня. Он лечил меня руками: заставлял раздеваться и ложиться на живот, а сам полностью одетый, садился рядом и начинал гладить меня, не пропуская ни единого сантиметра тела. Особо старался там, где я говорила, что больно или ему казалось, что там надо погладить.

Сашка просил меня представить, что как будто он своими руками наносит на меня краску. Я должна была выбрать цвет, а потом когда он заканчивал, должна была сказать, где еще недокрашено, тогда он возвращался и гладил там — то с нажимом, то еле касаясь, то быстро, резко, как будто торопился закончить, и через минуту невыносимо медленно. Потом переворачивал меня на спину и «красил» дальше, мог еще потребовать выбрать другой цвет, чтоб закрасить предыдущий, утверждал, что плохо закрашивается, и надо еще потерпеть пока он закончит все. И я терпела, растекалась от желания, от его настойчивых, теплых рук, а он гладил и гладил и гладил.

Воспоминания обжигают память. Он первый приходит в себя, почти отшатывается. Голос хриплый:

— Прекращай ломаться, а то мы так неизвестно до чего договоримся! — радужка у его глаз стала почти черная, огромные зрачки затягивают и не дают отвести взгляд.

— Да тебе не откажешь в изворотливости, нашел крайнюю! — возмущаюсь я тому, что мы, оказывается, договариваемся.

— Мне вообще не стоит отказывать, — нагло заявляет он, и в этот момент его Эвелина приносит чай.

Резко оба замолкаем и молчим, пока она, цокая каблуками, несет чашки, ставит их на стол и удаляется. Во время этой вынужденной паузы в нашей пикировке, я решаю, что больше не поддамся ни на какие его провокации, и на все предложения буду отвечать односложно «нет».

И когда на моих губах уже начинает расцветать победная улыбка, он неожиданно спрашивает:

— Почему ты носишь кольцо, которое я подарил?

Вот же гад, всегда умел выбивать меня из колеи. Хотя тон его будничным, как будто на собеседовании интересуется моим опытом работы, вспыхиваю, сердце ухает вниз и потом сразу же прыгает вверх, отчего пульс долбит в уши, и стараюсь говорить как можно спокойнее:

— Оно мне нравится. Просто нравится, без подтекста.

— Ладно, — кажется его устраивает такой ответ. — Тогда расскажи, как ты живешь? Замужем была? Дети есть?

— Это допрос? Хорошо. Замужем была, — делаю паузу, со странным чувством удовольствия наблюдая, как Сашка мрачнеет. Тут же начинаю злиться на себя из-за того, что все еще зову его Сашка. — А вообще все это не твое дело.

— Почему не мое? У нас намечается очень плотное сотрудничество, я должен знать семейный статус, — произносит он совершенно расслабленно. — Ты пей чай и поедем. С мужем развелась, да? Так что насчет детей?

— Развелась. — Говорю и удивляюсь, почему ему даже в голову не приходит, что я рассказываю про наш с ним брак? Может уже и забыл, что мы были женаты, а я тут от каждого его слова проваливаюсь в воспоминания. Бесит, Саша! Какой же ты мерзавец! Но я беру себя в руки и продолжаю наш странный диалог:

— Детей нет. Но я это исправлю, — отвечаю твердо.

Глава 7

Невольно улыбаюсь, ведь я так мечтаю о детях. Все подружки уже обзавелись сыночком или дочкой, пока я строила карьеру и горевала по бывшему.

— Пока не исправляй, — заявляет он, — подумаем, когда можно будет. Сейчас у нас проект, не до детей пока.

У меня даже дыхание перехватывает от его наглости, я закашливаюсь, на что он снова внимательно смотрит на меня, подхватывает пиджак и ключи от машины:

— Все, поехали, тебе надо расслабиться и отдохнуть. Не спала небось толком, Кисунь? Можешь не сопеть сурово, я знаю, что ты сейчас скажешь, что никуда не поедешь. Скажешь? Тогда звоню Эвелине и требую кровать сюда и постельное белье. Будешь отдыхать тут, раз домой не хочешь ехать. Так что поехали, не будем пока тебя компрометировать.

Хочу уже было возмутиться, но вдруг понимаю, что действительно дико хочу спать. Может, я и на Ярлова так реагирую от недосыпа? Реакции подводят, внутренние тормоза отказывают, я слишком открылась, признаю, он победил, я действительно мало спала последние месяца два и устала, значит, отдых мне не повредит.

— Хорошо, — соглашаюсь я, — только я поеду сама.

— Кисунь, что ты вредничаешь? Не буду я к тебе приставать. Просто довезу до дома и уложу в постель. Ты же носишь кольцо без подтекста, — напоминает мне он мои же слова, — а я хочу позаботиться о тебе тоже без всяких там скрытых смыслов. Просто потому что я могу и хочу. Все. Допила чай? Пошли.

Ну вот почему, слушая это, я растекаюсь лужицей, не хватало еще слезу пустить от умиления. Ладно, решаю: пусть заботится. Может он всех сотрудников по домам развозит, и эту Эвелину тоже и с работы и на работу и так по кругу. Один раз можно, от одного раза ничего не будет — уговариваю себя и вслух говорю:

— Поехали. Только я далеко живу. Готов везти?

Он готов. Спускаемся в лифте на подземный паркинг, молчим, я нервничаю, мне неуютна эта тишина, к счастью, лифт скоростной и быстро выпускает нас наружу. На парковке он сразу же начинает звонить по мобильному.

— Вон видишь, сектор В, там изумрудная Тесла, — объясняет он, на секунду отвлекаясь от звонка, потом снова начинает говорить в телефон у и отстает от меня.

Что ж, у меня есть время прийти в себя. Совпадение или нет? Пару месяцев назад я в своем аккаунте написала, что как только заработаю денег, то куплю себе изумрудную Теслу. Редкая машина в нашем городе, да и цвет необычный. Я даже толком не помню, как родилась эта мечта. И вот она передо мной. Правда не моя, а бывшего. Он что, следил за мной? Или еще хуже — у нас совпадают вкусы? Пока стою и разглядываю это чудо, он оказывается сзади меня:

— Нравится? Решил, что больше ни у кого такой нет, еле достал, цвет исключительный. И сюда привез. Как думаешь, у нее есть двойники? Иначе мне придется купить и их. Не люблю, чтоб у кого-то было тоже самое, что и у меня. Это как-то неправильно, — он смотрит, как я люблю машину и заявляет видимо, чтоб добить меня: — У меня есть

надежда: она одна во всем мире.

— Уверена, что да, — произношу неохотно. Сердце подскакивает, последний шаг к машине дается с трудом.

Зато мой спутник полон энергии, распахивает передо мной дверь и поторапливает:

— Ну чего замерла? Думаешь сбежать? Не получится, я подкупил охрану, тебя задержат, — он хохочет над моим ошарашенным выражением лица, — садись давай, поехали уже!

Одновременно садимся в машину, и только закрываются двери, мир слишком сужается. Слишком мало пространства, и мы слишком близко, я смотрю на его руки, как он держит руль, смотрю как дергается кадык, когда он глотает. Плечо ощутимо печет от близости и жара его тела. Усилием воли заставляю себя смотреть на дорогу, а не на водителя. Хотя, судя по моим ощущениям, водитель успевает и меня разглядывать и следить за дорогой. Внутри меня будто сверхчувствительный прибор, позволяющий чувствовать взгляд бывшего. Вот он мазнул им по профилю, остановился на шее, скользнул вниз, прожег коленки, теперь глядит на дорогу и потом снова на мой профиль.

— Расскажи что-нибудь, Кисунь, раз ехать долго.

Я вздрагиваю от неожиданности, думала, мы так и будем молчать всю дорогу. Решаю, что не буду давать ему повод подтрунивать надо мной, что я язык проглотила, и на ходу выдумываю тему:

— Мне сегодня снилось, как будто я лечу на самолете. Обожаю летать, — вдохновенно вру я, ведь на самом деле последний раз я летала на самолете еще с ним, то есть это было больше пяти лет назад. — Обожаю путешествовать.

— Одна? — вскользь бросает он.

— Можно и одной, но лучше вдвоем, — ложь рождается легко, как будто я готовила ее заранее, чтобы сейчас сказать ему.

— Как интересно, — тянет он, разглядывая мои коленки. — И куда бы ты хотела полететь, если бы надо было лететь сейчас?

— Мы приехали, Солнц, — и прикусываю язык. Память подводит, стирает из головы прошедшие пять лет, когда он так близко и так запросто расспрашивает меня, как в то наше первое свидание, когда ему все обо мне было интересно. А я отвечаю, забыв про свои обиды. Ерунда какая-то. Мы разведены, он бросил меня. Ну как же можно было так оговориться?

Но он или реально не замечает, или искусно делает вид. Потому что сверяется с навигатором, сворачивает во двор и ловко паркуется, вызвав во мне зависть, поскольку я обычно делаю пару кругов, прежде чем найду место в своем собственном дворе, а ему вот с первого раза сразу же везет, место как будто ждало его. Чертыхаюсь про себя, что он привык, что все-то его ждут, что все у него так легко. Почему же у меня все так непросто?

— Так куда летим, Кисунь? — прерывает он мои размышления.

Глава 8

— В Гонконг, — роняю я, выбираясь из машины.

— Отличный выбор, — комментирует мой экс-муж, следуя за мной. Кто б сомневался, что он выполнит свои обещания уложить меня в постель? С ужасом думаю, что дома беспорядок, я так много работала, что некогда было заботиться о доме и готовить еду. Тут же одергиваю себя, что это не свидание, а мне вообще-то все равно.

Но как ни пытаюсь я уговорить себя сохранять спокойствие, все равно волнуюсь. Однако бывший никак не комментирует, что дом не новый, лифта нет, а дома не убрано.

Хотя может реально мужчины не замечают беспорядка? Пытаюсь вспомнить, что у нас было с уборкой пять лет назад, и краснею. Убирался всегда Сашка.

Попав в мою квартиру, он неуловимо меняется: слетает властность и ироничность. Думаю, что вообще сложно сохранить властность, сняв ботинки. Усмехаюсь про себя, что человек в дорогом костюме и часах стоимостью в несколько моих годовых зарплат, смотрится не так уж пафосно, когда в носках проходит на мою кухню. Осматривается как уличный кот, которого взяли в дом, и он поверить не может, что тепло и сухо, и возможно будут кормить. Не угадал, котик, кормить в этом доме нечем. И тут я понимаю, что ощущение уличного котика было не то что ошибочным, оно просто было неполным: каким-то шестым чувством осознаю, что гость ищет следы моей жизни, силится понять по обстановке одна ли я живу и давно ли одна. Он вынюхивает соперников — вот что он делает.

— Так. Все! — я завожусь не на шутку, — спасибо что подвез, это было очень мило. Скрасил поездку беседой — тоже спасибо. А теперь тебе пора!

Он, кажется, совсем не удивлен. Смешно было рассчитывать, что я смогу его так легко выставить из дома.

— Надежда Игоревна, а давайте обсудим пару рабочих моментов. А то вы сбежали с работы, пользуясь давним очень близким знакомством с генеральным. Однако, я считаю, что работа прежде всего. Поэтому готов поработать с вами дома. Представим, что мы в карантине, не будем выходить из комнаты и совершать ошибку.

— ЧТО? — я возмущена, а он вроде как именно этого и добивался. Сидит совершенно расслабленный и ухмыляется.

— Ладно, давай серьезно. Мы уже договорились быть с тобой на «ты» и вроде даже преуспели в этом. Теперь давай усложним правила. Лучше, если никто не будет знать, что мы с тобой были женаты. Видишь ли, у меня госконтракт, и получается, что я на государственные деньги нанимаю тебя. Вроде бы конфликт интересов. Хотя у меня никакого конфликта, но, сама понимаешь, — он разводит руками, — придраться могут хоть к чему.

— Я все понимаю, — прерываю я его речь, — это дело прошлое и давнее, тем более давно забытое. — Если ты перестанешь меня звать Кисуней при всех, так вообще будет прекрасно.

Он тут же ловит меня на слове:

— То есть наедине быть Кисуней ты согласна, девочка моя?

— Я не твоя! Ты прекрасно все понял, — закипаю не на шутку.

— Конечно. Посуду давай только не будем бить. Хотя, если ты хочешь, то можешь и побить, — всегда восторгался, как ты быстро разогреваешься. Или закипаешь. Я уже не помню за давностью лет, чем именно. — Он явно издевается.

— Все, Александр Владимирович, давайте свое задание и можете идти работать дальше, — ледяным тоном произношу я.

— Вау, что-то я начинаю убеждаться в некой привлекательности женского доминирования, давно такое практикуешь? — и при этом послушно достает телефон и отправляет мне файлы. — Готово. Посмотришь попозже. Я пока чай тебе заварю, иди ложись в постель, а то совсем себя не бережешь. Поберегу я.

И пока я считаю до десяти, пытаюсь успокоиться, он в который раз меняет тему:

— Слушай, Кисунь, а чего ты взъелась на Эвелину?

Что ж ты будешь с ним делать? Меня реально штормит от него, от его наглых вопросов, просто от того, что он возник из ниоткуда и теперь сидит на моей кухне и, кажется, очень

хорошо себя тут чувствует в отличие от меня. А я не понимаю, что со мной. Обида никуда не делась, я просто никогда ему не прощу, как он меня бросил. На обиду наслаивается возмущение его поведением — он ведет себя так, как будто ничего и не произошло, и мы старые приятели, с кем можно по дружбе обсудить любые темы и подшучивать друг над другом. Но только мы не друзья. И от этого всего горько. У меня не получается делать вид, что все хорошо. Мне то хочется разговаривать с ним на любые темы, он так хорошо меня понимает, то хочется броситься на него с кулаками. Шумно выдыхаю и говорю:

— Наоборот, это я ей не понравилась почему-то.

И тут в дверь стучат.

Глава 9

— Серьезно, Саш? Ты вызвал курьера? — я удивлена.

— Да, подумал, что тебе захочется поесть, — он деловито раскладывает что-то из пакетов, — кстати, и мороженое тебе купил. Ты же однолюб, надеюсь? И все также любишь фисташковое?

— Да, мое любимое, спасибо, — таю я, не хуже мороженого.

— Ну не буду тебе мешать, отдыхай, — вдруг заявляет он, пока я готовлюсь к очередной словесной битве и пытаюсь унять колотящееся сердце.

Он повзрослел, раньше не припомню, чтобы за ним водилась забота и желание накормить. А сейчас вот пожалуйста, хотя тогда мы были муж и жена, а сейчас — чужие люди. От осознания этого становится горько. Глупо конечно надеяться, да и зачем? Повторяю много раз про себя как мантру «Мы — чужие люди», когда за ним захлопывается дверь. Но не могу ничего с собой поделаться и бегу смотреть в окно, как он выходит из подъезда. Размашистым шагом, такой красивый в своем костюме, что я невольно люблюсь им. А что? Имею право, тем более, что он никогда об этом не узнает. И не успеваю я додумать эту мысль, как экс-муж резко разворачивается и смотрит в мое окно и, конечно же, видит меня. Губы его расплываются в улыбке и он улыбается и машет мне рукой. Я запоздало прячусь за шторку, ругая себя за то, что смотрела и что он поймал меня за этим. Ох, хорошо, что он мороженое мое любимое привез, и я отправляясь к холодильнику, улыбаясь.

На следующий день мы встретились с Александром Владимировичем в офисе, где он выглядел как серьезный босс, как говорят «застегнутый на все пуговицы», холодный и властный, легко раздающий приказы и уверенный, что все немедленно бросятся их исполнять в самом лучшем виде.

Задания, которые мне скинул он по телефону в тот день, когда отвозил меня домой, я выполнила через два дня, отправила ему на почту. В ответ пришло короткое «принято», и ближайшие три дня мы общались исключительно по электронной почте или изредка сталкивались в коридорах. Пока в пятницу меня не пригласили на совещание по проекту. Каждый отдел отчитывался перед шефом и получал новые задания, а я пыталась запомнить, кто есть кто в этом огромном коллективе. Делала пометки по имени отчеству говорящих и их сферам ответственности, когда меня оторвал от этого занятия голос Александра:

— Вероятно, Вы все уже так или иначе познакомились с Надеждой Игоревной, но сейчас представлю ее официально, — он смотрел прямо на меня, и все повернули головы вслед за ним в мою сторону. — Итак. Надежда Игоревна, наша юрист на аутсорсе, будем с ней плотно сотрудничать в ближайшее время, в структуру нашей фирмы она не входит, поэтому все поручения, которые вы уже готовы ей дать, оформляем в письменном виде и

передаем мне, а я буду решать достойна ли проблема внимания Надежды.

Я смотрю на него с недоумением, не то чтобы это нарушение субординации, но разве у него есть время просматривать юридическую рутину, чтобы отсеять то, чем я буду заниматься. Вижу, что все взгляды повернулись к нему, у кого-то во взгляде недоумение, кому-то все равно, кто-то заинтересован, а руководитель продолжает:

— Кроме того, в настоящее время Надежда будет заниматься вопросами получения технических условий строительства нашего комплекса от поставщиков коммунальных услуг, а вы сами понимаете, дело это хлопотное и сложное. Техусловия должны быть готовы к подписанию уже через неделю, так что не будем отвлекать Надежду и Наталью кажется, да? — он обращается ко мне.

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова: по сути Александр Владимирович все мои контакты замкнул на себя. Просто прекрасно. Тем временем, он все говорит:

— Еще раз повторю, что никто сейчас не отвлекает Надежду, все юридические вопросы, излагаем в письменном виде. Я это все проанализирую, и возможно, найдем юристов, кто будет заниматься текущей деятельностью. Надежда у нас сейчас только на Надежду Игоревну, — он пытается шутить, и кто-то из присутствующих действительно улыбается.

Чувствую, что всеобщее внимание ко мне приковано намертво, все наверняка рассуждают, что я за важная персона, которую можно достать только через генерального. А он не облегчает мое положение и продолжает говорить о том, какую прекрасную сложную работу я проделала, что просто чудо какое-то сотворила, хотя я знаю, что никакого чуда не было. Обычная работа, сделанная хорошо. Но теперь таращусь на него во все глаза, не пойму за что такие щедрые похвалы? Это аванс за будущие труды? Это повод, чтоб проверить мою выдержку — как я буду реагировать на незаслуженное избыточное внимание целого офиса? Или просто метод мотивации меня как сотрудника? Мол, если похвалили, то и стараться приходиться больше. Видимо, задумываюсь я крепко, что слышу только окончание фразы, что через две недели намечается командировка с целью посещения крупной строительной выставки и заключения контрактов, всем командированным надо подойти отдел кадров.

Генеральный завершает совещание, благодарит всех за внимание, и когда все поднимаются с мест, стуча отодвигаемыми стульями, громко произносит:

— Надежда Игоревна, вас я прошу остаться.

Глава 10

Саша

Попросил ее остаться. Замерла на месте, сидит и смотрит на меня огромными глазами испуганного олененка. Да не съем я тебя, Кисунь! Хотя очень хочется. Не думал, что будет меня так вести от нее. Решил, что забыл, отболело уже давно. Не виделись с ней пять лет. Как же я ее поначалу ненавидел.

Нет, сначала я хотел бросить весь мир к ее ногам. Сам из бедной семьи, знаю не понаслышке, что такое, когда у родителей не хватало денег даже на еду. Помню, как ссорились мои родители из-за денег, как плакала мама, как смотрела она на отца, будто он подвел ее. Мы конечно не голодали, но многого были лишены, потому что денег не хватало. И это ощущение нехватки денег как причины всех бед и стало поводом для меня дать себе обещание — у меня деньги будут всегда, моя семья не будет никогда ни в чем нуждаться. Старался изо всех сил, в двадцать семь лет был уже генеральным директором небольшой фирмы, куда Кисуня пришла на практику.

Она была вся для меня, как будто где-то на небе взяли мой список того, что я хочу, что

мне нравится, и воплотили в жизнь в ней. Она была моя. МОЯ. Все в ней было правильно: и как она говорит, и как злится, о чем мечтает и как ест мороженое.

Мы быстро поженились, она училась, я работал. Казалось, еще чуть-чуть, и я буду король мира, а она — моя королева, надо просто чуть больше работать. И я работал, и когда контракт подвернулся московский, ни секунды не сомневался, сразу сказал «Да» и только потом подумал, что Надя то и не в курсе, и что она вряд ли сможет поехать. Она так плакала, когда узнала. До сих пор не знаю, как я это выдержал: сердце разрывалось, но я верил, что это для нее. Я куплю ей весь мир. Быстро разбогатею и вернусь за ней, к ней.

Работы навалилось море, некогда было даже разговаривать тогда особо, да еще разница во времени. Не замечал, как дни пролетают, складываются в недели. Пока однажды от компаньона своего и друга по совместительству не узнал, что не только я занят, но и она занята, что встречается с другим, что у них любовь, а меня забыла. Слушал тогда, замерев и не чуя сердца, что тот, другой, старше и богаче, что все у нее есть теперь: и дом, и новая дорогая машина, и путешествия. И понимал, что даже злиться на нее не могу. Она всего этого достойна была, просто я не успел это все ей дать. Дал другой. Поэтому и не стал спрашивать и разговаривать, просто послал заявление о разводе. Ждал, что она позвонит хотя бы. Не позвонила. Забыла, вычеркнула из своей жизни.

И тут друг спустя пять лет на корпоративе признался, что соврал тогда, видел, как я рвусь домой, что хочу улететь, и что все равно мне на проект стало, когда она была далеко, а он боялся, что я брошу все, сорвусь с проекта, а я нужен ему был, работал как семижильный, все силы вкладывал в проект, который вырос в свою фирму, а потом и в холдинг. Без меня бы не получилось, не достигли бы тех результатов, как со мной. Вот он и сказал, что меня не ждут. То есть получалось, что это не она мне изменила, а я придурок, бросил ее. Я просто к месту прирос, когда слушал его, еле сдержался, чтоб в драку не полезть. Но убедил себя, что раз она не звонила сама, то может не так и беспочвенны были обвинения: явно она другого себе нашла.

Тогда и решил, что найду ее, все свои старые связи подниму, но найду, посмотрю, как живет, извинюсь. Пять лет прошло, она уже явно простила, забыла все. Мы чужие друг другу люди, просто мне надо с ней поговорить. Нашел. Владелица юридической фирмы. Фамилию мою оставила, девочка моя. Даже не помню, как родился план нанять ее на работу. Вцепился тогда в этот план как бульдог. Никаких денег не жалко, хотел контракт с ней. Всегда в жизни все было по-моему, и в этот раз судьба не подкачала: контракт моя бывшая подмахнула не глядя на фамилию нанимателя. Ну а потом и я нарисовался. Хотел позлить ее, что она, не глядя подписывает бумаги, но взгляд споткнулся о кольцо. Она все еще носила мое кольцо. Как провода в голове закоротило — моя она. С моим кольцом, моей фамилией, точно — моя, не отпущу больше ни за что. Держись, Надюш, объявлена операция по возврату бывшей жены. Тем более, что никакая ты мне и не бывшая. Штамп в паспорте о разводе я так и не поставил.

На совещании стал ее хвалить, смотрю, смущается, думает незаслуженно. Вот странная какая, она же действительно умница, цену себе не знает, все ей кажется, что ничего особого она и не делает. Живет на работе, а дай моим волю так они ее работой засыпят, сразу им надо указать, что нечего рассчитывать свои мелкие вопросы решать с ее помощью, для этого есть профессионалы не такого уровня. Вроде все поняли, смотрят на нее с уважением. А она сидит с отсутствующим видом, явно что-то в голове своей вертит, про командировку рассказывал минут пять, так она наверно и не слышала. Вот сидит напуганная и хмурится,

думает, чего от меня ожидать? Я б сейчас схватил бы тебя, Кисунь, да утащил бы куда-нибудь на край света. Но вместо этого говорю:

— Кисунь, ты как? Все прослушала? Куда летим?

Глава 11

Две недели пролетели совершенно незаметно. Согласования я получила. И была очень довольна собой, правда было только одно но! Все это время я не снимала свое старое обручальное кольцо. Поэтому точно сказать — то ли я такая молодец, и все подготовила без ошибок, то ли реально талисман действовал — было сложно. Тем не менее, авторитет в коллективе я заработала немедленно: ведь подписать за четырнадцать дней технические условия на строительство жилого комплекса — это что-то из разряда фантастики. По крайней мере, я собой была очень горда.

Наташка мне спела дифирамбы, не забыв упомянуть и свою роль:

— Надь, ну ты крутая! Или тебе сам губернатор помогает? Давай колись! — она почти плясала, глаза сверкали и вопила так, что слегка закладывало уши: — Нет, серьезно? Все подписали? И крайгаз? И теплоти?? ВАУ! Слышишь: просто ВАУ! Это подвиг, реально подвиг! И мой, между прочим, тоже! Как это нам с тобой все удалось?! За десять дней! Оооо, я требую внести это в книгу рекордов Гиннеса! Нет, про это можно снять кино! К черту кино! Я просто скромно прошу прибавку!

Я засмеялась: какая все-таки Наташка молодец! Своего не упустит никогда. А эта молодец тем временем переключилась со своих заслуг на мою проблему:

— Кстати, как работается с бывшим? Ты его скрываешь, а я его видела. Ты когда в Теплосети вчера поехала за техусловиями подписанными, позвонила его секретарша, — Наташка смешно пародирует ее, выпячивая губы и делая приторным голос: — Прошу вас заехать и завезти личные документы Надежды Игоревны.

— Ты что отвезла мой паспорт? — я округляю глаза.

— Ну да, она сказала, что ты в командировку летишь, выставка там какая-то, вылет в субботу, срочно паспорт нужен. Ну я и повезла, — она пожимает плечами, мол, а что-такого?

— Наташа! — Я готова бить себя по лбу. — Ну ведь можно было просто номер отправить или первую страницу. Да и суббота — это же послезавтра!

— А, я не подумала, прости, — подруге не кажется это важным. Ее интересует другое: — В общем, приехала я, так помощница его сразу сказала, что это к нему лично занести надо. Надя! А чего ты не говорила, какой он красавчик? Ты совсем ничего о нем не рассказывала. А он достоин самого подробного рассказа. Я его видела буквально пять минут и старалась изо всех сил произвести впечатление, тебе-то он бывший, — она бросила испытывающий взгляд на меня, — а мне бы, может, и подошел бы, — заявляет она без обиняков.

Смотрю на нее во все глаза. Вот это новости. Мы работаем вместе три года, и первый раз я слышу от нее комплименты какому-то мужику. Да что там какому-то — бывшему моему! И это не просто комплименты, она хотела ему понравиться? Сашке? Стараюсь отвлечься от своих мыслей, потому что в них сейчас какой-то ураган бушует: то ли ревность, то ли что — разобрать не могу. Ната продолжает:

— Так вот захожу, сидит за столом важный дядя. А глаза поднял — мальчишка! Взгляд какой-то озорной, только через секунду стух, стал холодным. Что-то мне сдается, он рассчитывал увидеть тебя, а не меня.

— Может секретаршу свою? — не могу удержаться я от выпада.

— Кстати да, может и ее, — Наташа не возражает. — Она там у него такая фифа! Хотя нет, не думаю. Он не похож на такого парня, кто тащится от фифочек. Я ему больше подхожу! Или ты. Но тебе то не нужен, верно? Или как?

Наташка — хитрая лиса хочет выведать все и сразу.

— Не знаю, — отвечаю я, — я была уверена, что не нужен. Но он вроде бы заботится обо мне. И при этом он не пристаёт. Это приятно. Может я просто отвыкла от мужского внимания?

И следующие пятнадцать минут я обстоятельно под прицелом внимательных глаз подруги рассказываю все как на духу, начиная с момента нашей встречи месяц назад. Наташа иногда задает вопросы, а я очень рада, что могу наконец выговориться. Как будто сжатая пружина внутри меня наконец-то может расслабиться. Я просто рассказываю, и мне отчего-то становится легче, просто все происходящее, облеченное в слова, вдруг становится ярче и проще. Смерч в моей голове, закручивающий мысли и чувства и гоняющий их по кругу, неожиданно прекращается, и все становится на свои места. Нет, я по-прежнему не понимаю, что он хочет и чего хочу я, но я четко вижу, что уже произошло. Всего месяц прошел, а я снова привыкла к нему, как будто не было этих пяти лет разлуки. Нет, я не простила его, просто мне нравится, что он есть и что зовет меня Кисуней. Но я об этом и под пытками не признаюсь конечно.

— Может эти отношения называются дружба? — предполагаю я.

— Дружбы не бывает, — безапелляционно заявляет Наташка, — хотя если ты его списываешь во френдзону, то может я его себе приберу?

Глава 12

Даже не знаю, что сказать. Молчу, глупо уставивший на подругу. Буквально вижу, как что-то щелкает в ее голове, и она переводит тему с нужности Саши лично мне на его приятные мужские достоинства и быстро тараторит:

— Ну так я о чем? — делает паузу, ожидая подсказки от меня что ли?

И не дождавшись, продолжает:

— Захожу в кабинет, а там он сидит. Красивый! Скулы такие, что залипнуть можно — острые, как я люблю! Глазищами своими как зыркнет на меня после того, как понял, что зашел не тот, кого он ожидал, — Наташка дипломатично обходит скользкую тему кого ж именно от там ожидал.

А я понимаю, что мне не нравится мысль, что он мог ожидать секретаршу свою. Поэтому уцепляюсь за Наткино предположение, что это не его уровень, и выбрасываю ее из головы. А Ната тем временем продолжает:

— Короче, скажу тебе, я поняла как он строит своих подчиненных: он так на меня посмотрел, что я там замерла на ковре у него как кролик перед удавом. Жуть какой строгий взгляд! Даже подумала, не было ли у меня галлюцинаций — ведь сначала то показался взгляд озорной. Дошло, что у него разный арсенал для разных людей. Но он дежурную улыбку нацепил и встал даже из-за стола. — Наташа похоже решила рассказать все в мельчайших подробностях. — Какой у него костюм! Ты видела? Явно шили на заказ, потому что обтянуть такие широкие плечи и узкие бедра и чтобы нигде не морщило и не болталось — это явно индивидуально, не массмаркет.

Мой экс-муж точно произвел впечатление на Наталью. Решаю наконец прервать свое затянувшееся молчание и спрашиваю:

— А он паспорт мой тебе вернул?

— Какой паспорт? — Искренне недоумевают подруга. И тут же спохватывается: — А! Твой паспорт! Вернул конечно. Отсканировал все страницы у обоих и тут же вернул.

— А почему вы расстались? — любопытство Наташи разогрето до предела.

— Не знаю, темная какая-то история, — я опять погружаюсь в воспоминания пятилетней давности. Давит виски, мне до сих пор больно это вспоминать. Я как будто под воду нырнула, и не хватает воздуха, отчего голос мой звучит глуше: — Он уехал на какой-то проект в Москву, сначала мы созванивались, верней пытались, потому что когда он мог разговаривать, не могла я из-за разницы во времени мы никак не совпадали, и все разговоры были короткие и дурацкие какие-то, оборванные. Он про работу, я про учебу. Потом стали переписываться, тоже глупо вышло. Он кидает мем, пока я проснусь, уже глупо вроде как отвечать, ну и не отвечаю, и он молчит.

Когда проговариваю это, то понимаю, как это по-дурацки звучит. Сейчас я повзрослела на пять лет и понимаю, какие темы можно было найти, я бы сейчас писала и звонила, и плевать, что у него совещание — поставит на беззвучку, потом прочтет или перезвонит, как освободится. И от этой мысли прошивает жар:

— Какие мы дураки были, я обижалась, что он уехал, и ничего не видела от этой обиды. Но он-то видимо тоже обижался, что я не пишу и не звоню, а на его сообщения отвечаю односложно, сбрасываю вызовы. Я думала, что он от этого соскучится и быстрее вернется. Только он прекратил почти писать, фразы стали все короче, пока не прекратились в один день. А через неделю меня звонком вызвали в ЗАГС.

Мне плохо от этих воспоминаний, опять начинает бить озноб. Последние фразы я произношу, стараясь не стучать зубами друг об друга:

— Оказалось, он прислал заявление о разводе, и я должна была его подписать.

Я ведь помню этот звонок как вчера. Незнакомый номер, противный голос, и жизнь расколота на До и После. Положила трубку, а сердце как бешенное колотилось. Хотела выпить воды, а руки так тряслись, что уронила стакан, он разбился у моих ног. Потом второй повторил его судьбу. Тишина такая оглушающая стояла в нашей квартире, мне казалось, что я с ума сойду от тишины. И звон бьющегося стекла наполнил квартиру звуком. Я наверно выжила благодаря случайно разбитым стаканам, звук разлетающихся осколков был как напоминание, что жизнь есть, все не замерло в один момент. И я закричала и схватила еще стакан и уже намеренно бросила его об пол, и снова, и снова, и снова. Пока не перебила всю посуду. И когда она закончилась, вместе с ней высохли мои льющиеся потоком слезы и затих мой крик, я просто не могла больше. Я вышла из дома и поехала в ЗАГС.

— Поехала в ЗАГС, все подписала. Нас развели. Конец истории. — заканчиваю я.

Наташка протягивает стакан воды, и как поняла только, что я дико хочу пить, губы так пересохли, что больно. Сердце колотится, озноб бьет, хочется закутаться в одеяло, чтобы хоть немного согреться.

— По-моему, это не конец, — произносит Наташка, — вот увидишь.

Глава 13

Если она и планировала что-то мне сказать насчет того конец это или не конец, то она все равно б не смогла, потому что мой телефон пикинул входящим сообщением. Мы обе опустили глаза на дисплей моего телефона, где на экране уведомлений всплыло «новое сообщение от Александр Владимирович». Наташка хмыкнула, а я открыла сообщение и ахнула: сообщение состояло из авиабилетов. В Гонконг. Вот уж не ожидала, почему-то при

слове командировка в моей голове возникала Москва или Санкт-Петербург. Подозрительно это было, я ведь две недели назад просто так ляпнула в разговоре про Гонконг. И я думала, что вылет будет в субботу, а оказалось, что ночью с пятницы на субботу, что означает, что до вылета мне осталось всего несколько часов, которые я провела в беготне, доделывая дела, передавая подписанные технические условия и попутно пытаюсь как-то собраться в поездку.

Я написала Саше, что надо б заранее предупредить о таких вещах, что я не успеваю собраться, на что получила короткое сообщение, что можно и не собираться. «Там все есть, Кисунь! Все, что надо купим. Паспорт бери и телефон». Я в ответ спросила кто еще летит, но это сообщение уже осталось непрочитанным, и я больше не спрашивала.

Как зашла в аэропорт, как будто стрелка компаса во мне настроена, я среди толпы сразу увидела его, он стоял вполоборота, а я все смотрела и смотрела. Он был не в костюме, а в джинсах и темно — серой футболке и, возможно, это и сыграло со мной злую шутку.

Не знаю отчего, но я ощутила, как будто я попала в Дежавю. Я и он в этом же самом аэропорту пять лет назад. Мы оба были в джинсах и серых футболках, его — чуть темнее, почти черная. Мы стоим, обнявшись среди зала, из моих глаз текут слезы. Мне было так больно его отпускать. Воспоминания наслаиваются на реальность, я с силой моргаю и понимаю, что в нынешней реальности он резко поворачивается и почти бежит ко мне, перед ним расступаются люди. Мы как связаны тросом, и он движется точно между нами натянут канат.

Кажется, теряюсь во времени. Вот мы пять лет назад, я даже оделась сегодня так же. О чем я думала вообще? Да у меня не было особо времени думать — одергиваю себя. И кажется, что я там, пять лет назад: вот только что смотрела ему вслед как он уходит, и тут он развернулся и возвращается ко мне. В мозгу грохочет: «Неужели не улетит? Неужели выберет меня, а не работу и деньги?»

И вот он уже заглядывает мне в глаза, он так близко, что даже сложно дышать. Его запах съедает кислород вокруг меня, я вдыхаю его как яд, он что-то творит с моей головой. Ничего не понимаю, только чувствую, что из глаз текут слезы.

Горло схватывает спазм, звуки отдаляются, и становится не по себе, меня будто накрывает огромная волна, неминуемо и беспощадно. И я уже не знаю, как там на поверхности, я под толщей воды. Она давит сотнями атмосфер на мои плечи и сдавливает грудь. Хочется тряхнуть головой, чтоб звуки стали четче и очень хочется закричать, но я лишь как рыба, выброшенная на берег, открываю и закрываю рот, пытаюсь найти чем дышать и хлопаю глазами.

Я сейчас задохнусь в этом аэропорту. Не могу позвать на помощь. Сердце долбит по ребрам с такой бешеной скоростью, что даже не чувствую пауз между ударами. Удар-удар-удар.

Перед глазами плывет, не могу сфокусировать взгляд, кажется предметы то дальше, то ближе. И вдруг перед глазами возникает встревоженное Сашино лицо:

— Эй, Кисунь! Ты чего? Прекрати меня пугать! — Он резко трясет меня за плечи, а у меня дергается голова от этой встряски. И вдруг прижимает меня к себе и гладит по волосам:

— Тише, тише, ну ты чего? — Бормочет он, и странным образом эти тихие слова пробиваются ко мне сквозь толщу воды накрывшей меня паники. — Давай, три-четыре, вдох, дыши, дыши, дыши! Раз, два, три, четыре, выдох. Раз, два, три, четыре — вдох. И повторяет эти простые слова пока мое дыхание действительно не выравнивается, пульс перестает

долбить в уши. Я прихожу в себя, и становится ужасно стыдно своей панической атаки, не знаю, что и сказать. Как я скажу ему, что перенеслась в тот день, когда он улетал от меня пять лет назад, и опять испугалась, что он улетает от меня? Как это вообще можно объяснить?

Но кажется ему не нужны объяснения, как только мое дыхание становится нормальным, а сердце больше не выскакивает из груди, он спокойно спрашивает как ни в чем ни бывало:

— У тебя есть багаж, нужно сдавать? Пойдем быстрее, а то скоро регистрация окончится. Надо поторопиться, паспорт давай! Знал бы, что ты такая нервная, сам бы собрал и привез. Все будет хорошо, я помню, ты любишь летать. Да и летим мы вдвоем. Вдвоем, слышишь? Я никуда не денусь, Кисунь, даже не надейся отделаться!

— Я не полечу никуда! — заявляю я на его увещевания.

Глава 14

Бывший недоверчиво смотрит, наверно испугался, что действительно не полечу. А может у него также перемешалось время в голове? Мы ведь оба как нарочно сделали все, чтоб запутаться: оделись также, как и пять лет назад, я еще кольцо обручальное ношу, не снимая, последнее время. Да кто б его снял на моем месте, если оно реально работает? Мне никогда в жизни так не везло, как последние недели. Все получается, будто кто-то записывает мои желания и исполняет со стопроцентной точностью. Мне даже бывает не по себе от такой своей удачливости. Объясняю себе все это тем, что Сашка всегда был невероятный счастливчик, про таких говорят «в рубашке родился», он сам это знал и пользовался напропалую. Вытянуть единственный выученный билет на экзамене — это Саша, выиграть тендер, обойдя соперников на один рубль — тоже Саша. И на меня просто чуть распространяется действие его нереальной удачливости, потому что я ношу его кольцо — так я себе объясняю происходящее. Да и вообще-то по большому счету вся моя удачливость заключается в подписании контракта с правительством края, быстром согласовании технических условий и прочих рабочих моментах, а все эти рабочие моменты связаны с ним, и в итоге работают в его пользу, так что мы оба тут счастливчики получаемся. Только он больше.

Каким-то шестым чувством понимаю, что бывшего тоже отбросило назад во времени в его воспоминаниях. И если я погрузилась в свои размышления про удачливость, он похоже проживает тот день пять лет назад. Вцепился в меня и пытается заглянуть в глазу, прочесть там ответ на вопрос полечу я с ним или нет. О, как бы я хотела отказаться! Сейчас, когда стала мудрее на пять лет, когда он все сделал, чтоб мы полетели вместе, а я бы развернулась сейчас и ушла, а он бы смотрел мне в спину как тогда смотрела ему вслед я. И не могла понять, как мне жить дальше.

Но мой синдром отличницы не позволяет привести свою угрозу в действие, и я покорно хватаюсь за ручку чемодана и иду вслед за Александром, который схватил меня за руку и тащит как на буксире.

На регистрации выясняется, что летим мы первым классом.

— У нас же дальний перелет, — объясняет мне Саша причины почему такой тариф.

И только, зайдя в самолет, я понимаю одновременно две вещи. Первая вещь — почему требовались объяснения отчего у нас первый класс. Вторая — что пришедшая мне в голову в аэропорту идея не лететь была в общем-то отличной идеей. А теперь стюарды уже закрыли дверь в самолет, как только мы с ним ступили на борт, и глупо требовать выпустить меня обратно. Замираю на несколько мгновений, прежде чем сделать первый шаг. Еще бы: у нас

отдельное купе, с закрывающимися дверями, внутри раскладывающиеся кровати. Стюардесса с улыбкой предлагает нам шампанское с клубникой и сообщает, что меню находится на столике.

Сашка кладет ладонь мне на талию и с нажимом чуть придает мне ускорения, самолет уже начинает выруливать на взлетную полосу. И так как я все равно медлю, произносит, наклонившись к уху:

— Кисунь, давай вперед уже, стоя полетим что ли? Ты же смелый котик, не дрожи как осиновый лист, хорошо долетим! Давай шагай уже! Стоя взлетать все равно не разрешат, — усмехается он.

Чувствую себя в ловушке, ну не стану же я скандалить и требовать поменять мне место в экономе классе? Улыбаюсь этой глупой мысли и усаживаюсь в удобное кресло, рядом тут же плюхается Саша и умело управляет с кнопками управления: поднимает нижнюю часть повыше. И перегнувшись через меня, предлагает:

— Смотри, вот кнопка поднятия вот этой нижней части для ног, вот эта — спинку регулировать, можно вообще кровать разложить, но это после взлета.

От нервов хватаю бокал шампанского, который так и манил меня танцующими вереницами пузырьков. Выпиваю сразу половину, не чувствуя вкуса, и ставлю бокал обратно. Стюардесса сразу же приносит клубнику, а мой сосед тут же просит к клубники сливки. Я чуть не хватаюсь за голову от его наглости, но не успеваю моргнуть, как сливки оказываются в креманке на моем столике.

Тем временем, самолет отрывается от земли и взмывает в воздух. Решаю допить шампанское, тем более, что оно действительно вкусное и холодное, да и клубника пахнет сногшибательно. Беру ягодку и по совету Саши макаю ее в сливки, кладу в рот и запиваю шампанским. Вот это вкус! И удивительным образом меня больше уже не смущает мой сосед, он кстати тоже допивает свой бокал и предлагает:

— Кисунь, если хочешь можем местами поменяться, может ты хочешь посмотреть на облака?

Он наклоняется слишком близко ко мне, и я отшатываюсь от него, а он видимо решил посмеяться надо мной:

— Кис, расслабься, я не планирую тебя соблазнить на высоте, перестань дергаться, можем просто фильм посмотреть или поболтать. Полет длинный, еще и поспать успеем. Давай пока начнем с еды? — он берет меню и начинает изучать, — позволишь заказать тебе еды на свой вкус? Тогда фильм ты выбираешь, идет?

Он накрывает своей ладонью мою холодную руку и говорит:

— Замерзла совсем, сейчас отогрею.

Глава 15

Прилетаем в Гонконг ранним утром, в аэропорту нас встречает водитель на Тесле. Саша вчера сказал, что мы быстро заселяемся в гостиницу и торопимся на выставку, поэтому надо выспаться в самолете, чем я собственно и занималась почти весь полет. Отрубилась сразу же после бокала шампанского и даже не поела. Зато утром успела позавтракать в самолете. Оказывается, самолетная еда может быть вкусной, а не стандартным набором «курица или рыба».

В Шангриле нам дают два люкса на верхних этаже, откуда открывается завораживающий вид на залив и на центр города, весь утыканный небоскребами.

Только видом насладиться мне некогда, буквально через десять минут после заселения,

звонит портье и сообщает, что вертолет подан.

— Так просто быстрее через залив, — отвечает Саша на мой вопрос нельзя ли было обойтись без полета, а просто добраться на такси.

Зато вертолет довозит нас за несколько минут, и я их никогда не забуду. В память отпечатываются яркие картинки как вертолет плавно отрывается от площадки на крыше гостиницы и взмывает в небо над заливом, как скользит над гладью воды и яхтами, качающимися на волнах и как потом быстро снижается над берегом и приземляется на площадке рядом с выставочным залом.

На выставке в Экспо-центре полно народа, я не готова к такой толчее, поэтому жмусь к Саше поближе, боясь потеряться. Он чувствует мой страх и властно берет меня за руку, как будто так и надо, зато я успокаиваюсь и просто иду позади него на пол шага. Вдруг он резко останавливается так, что я чуть не влетаю в его спину, но успеваю вовремя затормозить и даже нацепить дежурную улыбку. Саша жмет руки каким-то китайцам, попутно представляя меня и китайскую делегацию друг другу. Говорит он на английском бегло, и поэтому я чуть не пропускаю момент, когда он произносит, что я — его жена, миссис Ярлова, имя у меня труднопроизносимое, поэтому можно просто Хоуп. И он привез меня, чтоб наконец показать мне Гонконг.

У меня естественно готова отвиснуть челюсть, но я справляюсь с шоком, и даже не теряя свою голливудскую улыбку произношу, что мне очень приятно познакомиться и выражаю уверенность, что город мне понравится. Иностранцы одобрительно кивают.

Дальше мы очень много перемещаемся от стенда к стенду. Где-то Саша останавливается, берет буклеты, подолгу разговаривает, где-то проходит мимо, мельком взглянув. Я следую за ним тенью, но мне и так интересно: я впервые на такой крупной выставке. Папка с бумагами, рекламными буклетами и визитками пухнет на глазах. В обед Саша ненадолго вытаскивает меня что-то перекусить, обещая полноценный ужин только к вечеру. Так проходит два дня. Я так устаю на выставке, что просто валюсь с ног, в номере падаю на кровать и тут же засыпаю. Зато в понедельник выдается выходной день, выставка окончена, первые переговоры назначены на вторник, и я решаю, что хочу прогуляться по городу и открыть свой счет в банке.

Вообще-то я предполагала, что это будет легко, но мне отказывают в трех банках еще до бранча, на котором мы договорились встретиться с Сашей, чтоб потом вместе поехать на экскурсию.

— Кисунь, ты чего такая кислая? — интересуется он, поедая салат, — невкусный чизкейк?

Нехотя рассказываю ему о своих проблемах, на что он ухмыляется и говорит:

— Малыш, ты глупенькая такая, сейчас все порешаем. Покажу тебе мастер-класс!

И мы действительно после нашего позднего завтрака идем в банк, где он сообщает, что он мой муж и что директор крупной фирмы. Клерки чуть ли не кланяются, и, о — чудо! Открывают счет!

— Как тебе это удалось? — недоумеваю я.

— Кисунь, это же восточное общество, почитают традиции, тут важно для женщины быть замужем, это сразу авторитет, тем более, если муж генеральный директор крупной корпорации, ты сразу выше рангом, — смеется он.

Не могу никак понять он нарочно меня дергает с этим браком, или просто хотел помочь с открытием счета, и соврал работникам банка, благо фамилия у нас одинаковая? Но,

видимо, эта тайна так для меня тайной и останется.

Мы выходим на улицу и попадаем в царство небоскребов, они улетают ввысь своими пиками, загораживают небо, множат в зеркальных стенах друг друга. По узким тротуарам несутся потоки людей, рискуя увлечь за собой любого, кто попадет на пути. Я чувствую себя такой маленькой девочкой, и так приятно, что Саша спокойно идет рядом, он действительно не приставал ко мне ни в самолете, да и в гостинице снял разные номера. И при этом всем он действительно заботится обо мне. Грустно только, что видимо он давным-давно вычеркнул меня из своей жизни, мы теперь с ним просто старые знакомые.

— Так что видишь, как хорошо, что ты носишь мое кольцо несмотря ни на что! — Эти слова как удар под дых.

Привычно на языке разливается горечь, меня так и подмывает спросить на кого он меня променял, почему так поступил со мной, за что? Но я конечно же не спрашиваю. Легче мне от этого знания не станет. Только больное любопытство все никак не утихнет, оно желает знать, получилось ли что-нибудь у него с той, кому он меня предпочел. Если получилось, то, где она сейчас, почему он со мной гуляет по Гонконгу, а не взял свою секретаршу. Ревную, хотя никаких прав на это не имею. Пора мне уже его отпустить, начать свою жизнь. Да и его опека мне уже начинают надоедать. Как будто я без него не справлюсь, а я отлично справлялась, пока он не приехал и не перевернул мою устоявшуюся жизнь верх дном. Я ему докажу, что у меня все отлично! И что кольцо его ничего не значит для меня!

Поэтому недолго думая, скачиваю тиндер на свой телефон и лайкаю несколько первых попавшихся анкет.

Глава 16

После обеда Саша заявляет, что сам проведет мне экскурсию. Я ожидаю чего угодно: вертолета над заливом, роллс-ройса, везущего нас на скачки или пятидесятиметровой яхты. Но мои ожидания не оправдываются абсолютно: Саша приводит меня к остановке общественного транспорта.

— Мы поедем на автобусе? — спрашиваю я, поражаясь выбору.

— Да, на двухэтажном. Тут ходит автобус пятнадцатого маршрута, главное сесть на первой остановке, чтоб можно было выбрать места на первом ряду слева на верхнем этаже, — бывший полон энтузиазма.

Только занимаем места, автобус трогается. Не могу оторвать глаз от улиц города, такая завлекающая эклектика, смесь Запада и Востока. В зеркальных башнях небоскребов отражаются другие небоскребы и нежные белые облака, бегущие на ярко-синем небе. Сотни вывесок с иероглифами под веревками с развешенным на них бельем. Сочная зелень тропических деревьев, разбавленная нежными цветами. И людской муравейник: толпы людей бегут внизу по переходам, ныряют в узкие улочки, забегают в кафе и магазины.

Автобус поднимается выше к горам, и Саша шепчет мне:

— Сейчас начнется самое интересное.

Я так увлеклась разглядыванием улиц, что забыла про Сашу, сидящего рядом. Он почти мурлычит, словно довольный кот:

— Я вижу, тебе нравится. Сейчас будет вообще классно!

Дорога в этом месте круто берет вверх, и автобус кренится на бок над обрывом, я вздрагиваю от неожиданности и вцепляюсь в руку своего соседа. Он накрывает мою ладонь своей и говорит:

— Ну все, малыш, теперь мчим на пик! Сейчас будет все выше и выше.

Он явно знает, о чем говорит, потому что автобус поднимается по серпантину, опасно склоняясь над обрывом, который сменяется почти отвесной скалой. Автобус проходит мимо нее буквально в двадцати сантиметрах, одно неверное движение водителя — и камень раскрошит боковые стекла. Иногда ветки деревьев цепляют автобус, отчего я ошутимо вздрагиваю и еще сильнее сжимаю Сашин локоть.

Да это американские горки какие-то, а не поездка на автобусе. Ощущения непередаваемые. То я как замороженная не могу оторвать глаз от открывающихся видов центра города и залива с десятками белоснежных яхт и огромного лайнера, пришвартованного у пристани, то я, отпрянув от стекла, близко прижимаюсь к Саше, лишь бы быть подальше от края обрыва, над которым скользит наш автобус, то вскрикиваю, когда тяжелые ветки лупят по бокам и стеклу второго этажа, на котором мы сидим. Почти на самом верху подъема после очередного витка дороги, я вижу здание — спичку, иначе не назвать: такое оно тонкое и длинное. Наверно там на этаже одна квартира. И пока я фотографирую это нелепое строение, из-за поворота показывается череда низких по гонконгским меркам домов этажей в десять. Сплошь стеклянная стена бликует от лучей солнца, нижние этажи утопают в зелени.

— Посмотри! Вот наверно отсюда сногшибательный вид, особенно вечером! — Восклицаю я, не в силах удержаться.

— Уверен, что да, — откликается Сашка и замолкает.

Автобус привозит нас на верхушку пика, отсюда весь город как на ладони, мы поднимаемся на смотровую площадку и прикипаем взглядами к морю и проносящимся над ним легким белым облакам и панораме города. Оторваться очень сложно: вид действительно завораживает.

— Давай сфотографирую, Кисунь? Тебе очень идет вид. И свет чудесный, — предлагает Саша.

Чуть не ляпнула в ответ: «Кто ты и что ты сделал с моим мужем?» Ведь раньше его надо было упрашивать сделать фото, а тут сам предлагает. Но вовремя прикусываю язык, осознавая, что он мне не муж, поэтому ничего не говорю, а просто протягиваю телефон и киваю, соглашаясь. Он делает несколько снимков, когда к нам подскакивает фотограф и предлагает фото на память. Сашка тут же обнимает меня, и прижимает спиной к своей груди. В мою спину отчаянно долбит сердце, не мое, но ритм такой же бешенный. Порыв ветра подхватывает мои волосы, что бывшему приходится их отводить от себя. Фотограф щелкает кнопкой, и через минуту Саша покупает готовое фото. Мы на нем похожи на влюбленных, Сашка крепко держит меня, как будто боится отпустить, я улыбаюсь, чуть оглядываясь на него. Никто не смотрит в камеру, мы смотрим друг на друга.

— Мне нравится, — заявляет экс-муж.

Потом мы пьем кофе в кофейне в видом на залив. Я люблюсь видами, а Саша не отлипает от телефона. И только минут через тридцать опускает телефон и интересуется:

— Ну как тебе? Ты довольна? Не зря выбрала Гонконг?

— Так ты из-за моих слов сюда поехал? — смотрю на него во все глаза.

А он уходит от ответа и говорит совсем другое:

— Кстати, Кисунь, мы завтра съезжаем из гостиницы, я снял другие апартаменты.

Глава 17

Что тут скажешь? Мое обручальное кольцо — талисман что надо, потому что по возвращении в гостиницу, я открываю тиндер и вижу, что розданные мною вчера лайки не

прошли даром. Сердце стучит как бешенное: я никогда не пользовалась приложениями для знакомств. Но какой-то дьявол вселяется в меня, и с отчаянной решимостью я отвечаю на сообщения, стараясь не задумываться зачем вообще я это делаю. Основная мысль сверкает в моей голове как бриллиант — я должна показать бывшему, что я не ждала этого все эти годы и сейчас тоже ни на что такое не надеюсь. А надеюсь ли я? Не знаю, в голове какая-то немыслимая сумятица.

Решаю, что не буду думать, это же просто переписка. Переписка с целью мести или с целью излечения своих обид — не знаю, не хочу знать. Мечтаю доказать, что я что-то стою, что нравлюсь мужчинам. Тем более, что с экрана телефона на меня смотрит красавчик с европейской внешностью в форме пилота, отвечаю ему первому.

Ладонки потеют от волнения, но я верна своему решению, и открываю еще одну анкету. И снова везение — симпатичный азиат, обещающий показать самое сердце Гонконга. Как только отправляю ему дежурное «Привет!», мне буквально через пару минут приходит от него «Привет! Хочешь увидеть жизнь моего города, как вижу его я?», и я, довольная, решив, что сейчас получу экскурсию, такую же как утром от Саша, но сейчас от местного жителя. Воспринимаю это невероятной удачей, потому что во мне живет предубеждение, что на сайтах знакомств как минимум половина — извращенцы, а вторая половина — уроды и придурки. Парня, возраст которого я не могу определить, у азиатов похоже нет возраста — зовут Ли Хуа Син, но он предлагает звать его мистер Син.

Самое впечатляющее ждет меня через полчаса, когда парень из первой анкеты пишет, что хотел бы со мной встретиться за ужином. Его зовут Джим, судя по фото, ему чуть больше сорока, он интересуется местная ли я, и где я остановилась.

И по итогам короткой переписки на вечер у меня два предложения — экскурсия по сердцу Гонконга от местного жителя мистера Сина и ужин в ресторане с Джимом. Снимаю кольцо — было бы странно с обручальным кольцом ходить на свидания — и кладу его в сумочку.

Джим оказывается американским летчиком, и немедленно сообщает, что женат и у него две прекрасные дочери. Но он много двигается по миру, и у него традиция, что в каждом новом городе у него должна быть девушка.

— Это талисман, понимаешь? — он предельно откровенен, — если у меня есть секс накануне рейса, то рейс пройдет без происшествий. Мне никто не отказывает, ведь ЧП в самолете — это очень опасно. Если ты не согласишься, ты подвергнешь риску меня и пассажиров. Хочешь оставить моих детей сиротами, а жену вдовой?

У меня глаза на лоб лезут от такой извращенной логики:

— Нет, я не понимаю, — заявляю я, — ищи кого-нибудь другого на роль спасителя, я — пас.

Он даже не расстроен, просто деловито подзывает официанта и сообщает, что счет отдельный. Ладно, у меня есть еще одно свидание с мистером Сином, утешаю я себя, когда иду обратно к своей гостинице, он обещал меня забрать на лобби в десять вечера, чтобы показать ночь в городе миллионеров.

Когда я спускаюсь вечером в лобби, первое что я вижу, это Саша, мило беседующий с какой-то девицей, что лишней раз меня убеждает, что я все правильно делаю. У нас у каждого своя жизнь, мы — просто друзья. Тем не менее, он меня замечает, как и замечает того, к кому я иду.

Мистер Син по ощущениям мой ровесник, и мне действительно интересно с ним, он

рассказывает море историй про Гонконг и про опиумные войны, про Триады, поделившие город. Мы несемся по стремительно пустеющим улицам на его бентли, ныряем в какие-то закоулки, где бамбуковые леса, опоясывающие ремонтируемые фасады зданий, чуть не царапают бока его машины. Заходим в бары, неизменно оказывающиеся его собственностью. Я уже сбилась со счета сколько мохито я выпила, в крови бурлит адреналин от быстрой езды по узким запутанным улочкам. Одна за другой гансут подсветки небоскребов, а за ними и пестрящие красным и золотым вывески лавочек и забегалавок.

Город засыпает.

Похоже, что я тоже сплю, и только когда он приводит меня в казино, прихожу в себя и спрашиваю:

— Казино ведь запрещены?

— Конечно, но ты ведь хотела увидеть сердце Гонконга, каким вижу его я? Я показываю, тебе нравится. Пошли играть!

Глава 18

И он уверенно идет к столам, персонал склоняется перед ним в почтительных поклонах, а а меня пронзает догадка, вероятно он и есть владелец этого подпольного казино. В голове верещит сигнал тревоги.

— Я отойду припудрить носик, — стараюсь говорить как можно спокойней.

Он кивает. Я иду в туалет, и хоть мне до жути стыдно признаваться Саше, что я пошла на свидание, а теперь испугалась и прошу его приехать за мной. Но боюсь я больше, чем стыжусь, поэтому набираю его номер.

— Да! — рывкает он так, что я чуть не роняю трубку.

— Саш, я потом все объясню, не мог бы ты меня прям очень срочно забрать? Я тебе точку на карте, где я нахожусь, скинула в мессенжер. Я не знаю где я, но кажется, я нашла неприятности, — не могу удержаться и всхлипываю в трубку.

Он чертыхается и бросает короткое:

— Сейчас буду. Все ок будет, поняла?

Мне даже чудится, что я слышу, как взвыл мотор на том конце провода. Или это Саша зарычал, психуя. Гадать бесполезно, лишь молюсь про себя, чтоб не отмахнулся от моей просьбы.

Я возвращаюсь в общий зал, откуда порттье меня проводит в вип-зону, где, по его словам, меня ожидают. Вхожу и понимаю, что мне действительно пора уходить. На столе перед мистером Сином несколько пакетиков с белым порошком, а сам он склонился над белой дорожкой. За столом сидит еще несколько китайцев, все разговаривают между собой на незнаком мне языке. Совсем другими красками подсвечиваются рассказы моего визави про опиумные войны и триады. В один миг доходит, что это не только история, но и настоящее тоже. Руки холодеют, паника окатывает меня ледяной волной. Сердце ухает и никак не желает возвращаться в привычный ритм. Стараюсь идти как можно медленней и не смотреть на стол, глупо надеясь, что может мне все это просто показалось?

— Присоединяйся, принцесса, — зовет мистер Син.

— Извини, но принцессе пора домой. Я наверно пойду, мне пора домой.

— Нет- нет, Хоуп — он переделывает мое имя на английский манер, — отсюда нельзя просто выпрыгнуть, это поезд, который уносит тебя с собой, можно сойти, когда он остановится и скажет, что тебе пора, — речь моего экскурсовода становится тянущей, мне по-настоящему страшно, кажется я заигралась в свои игры, забыв, что играю здесь не только

я.

Я внезапно вижу, что он опасен, что адреналин бурлил в крови, потому что чувствовал исходящую от его опасность, а не просто из-за высокой скорости его машины.

И тут портье сообщает что-то мистеру Сину, отчего я напрягаюсь еще больше, так как все разговоры ведутся на кантонском, но мистер Син выходит, нахмурившись, а я, пользуясь случаем, немедленно отыскиваю в своей сумочке обручальное кольцо и надеваю его. Пожалуйста, мне очень нужна удача!

Чувствую себя совершенно не в своей тарелке, на меня посматривают окружающие как будто я диковая птица, странным образом влетевшая в эту компанию. Я напугана, что кажется сейчас разревусь, поэтому решаю пойти ва-банк. Стараюсь надеть на лицо маску ледяного равнодушия, с достоинством поднимаюсь со своего места и тоже выхожу в зал. Народу там чуть прибавилось, и я надеюсь, воспользовавшись толпой, выбраться на улицу.

Но не успеваю сделать и трех шагов, как мой взгляд напарывается на Сашу, он молча стоит и сканирует пространство, замечает меня, внимательно ощупывает с ног до головы, и сразу же отводит взгляд.

Он стоит рядом с какими-то тремя китайцами, которые кланяясь, и при этом не опуская глаз, что-то говорят мистеру Сину. Тот слушает, потом оборачивается на меня и хватая меня за руку, смотрит на кольцо, как будто оно что-то значит для него.

Но видимо значит. Потому что он гораздо спокойнее отпускает мою руку, разворачивается на каблуках, и уходит. Саша хватая меня за локоть и тянет словно безвольную куклу, но так даже лучше — самостоятельно я вряд ли сейчас способна двигаться. Мы выходим на улицу впятером, Саша быстро кланяется китайцам, благодарит их.

— Все? Долг закрыт? — Интересуется самый старший из них.

— Да, — отзывается Саша глухо и снова произносит уже по-китайски «спасибо». Тянет меня в сторону, под раскидистые лапы каштанов, прочь, прочь от казино. Тут наши желания совпадают, я тороплюсь, еле успеваю за его быстрыми шагами. Очень хочу вычеркнуть сегодняшний вечер из жизни.

— Ты нормальная вообще? — Яростно шипит он на меня. — Ты куда полезла? Жить надоело? Адреналина захотелось? Надя! Это же Гонконг! Про триады слышала когда-нибудь?

— Да, — сиплю я, не признаваться же, что сегодня вот и слышала. Из первых рук можно сказать. Меня подташнивает. О чем я думала вообще?

Он вдруг останавливается и прижимается лбом к моему лбу, крепко обнимая меня и прижимая к себе:

— Тьфу ты, черт, напугала меня. А если б я не успел? А если б друзья наши китайские не согласились помочь и хорошо, что сами тут играли. Везение просто нереальное!

— Прости, я не думала, что это так опасно, — слезы катятся против воли, ноги становятся ватными, я б осела на землю, но Саша подхватывает меня и с силой тащит в машину, усаживает и уже захлопнув дверь и отрезав нас от города, говорит:

— За тобой глаз да глаз нужен, не отходишь от меня ни на шаг, поняла?

Реву и киваю, разом накачивает и осознание и раскаяние. А Саша тихо-тихо щепчет в мои волосы, что я даже не пойму до конца, может послышалось мне?

— Ты меня сводишь с ума.

Глава 19

Саша

Если б по какой-то дурацкой случайности я б не знал, для чего нужны деньги, то понял бы это сейчас. Чтоб моя кисуня высыпалась в самолете. Это такой кай — смотреть на нее спящей. Я и забыл, верней запретил себе вспоминать о том, как сладко она спит. Как хочется охранять ее сон, чтоб ничто не мешало.

Или каким восторгом загорелись ее глаза, когда поняла, что полетим через залив на вертолете. Получается, то все-таки не зря я всего добился, что могу себе позволить удобство и комфорт для нее, заботиться о ней.

Так восторгается городом, столько непосредственности и счастья, что искрится вся. А я чувствую, что хотят ее все. Китайцы глаз с нее не сводят, сразу сказал, что жена моя, чтоб пресечь на корню все поползновения, улыбаются вроде, кивают, поняли. Вообще поймал себя на мысли, что греет меня осознание того, что Кисуня в моем обручальном кольце ходит. Приятно. Я остолоп, тут все ясно. Но может у меня есть шанс, я не все просрал, если она пять лет кольцо носит?

Только она решила не упрощать задачу, чтоб не зазнавался так сказать. Так хорошо прогулялись с ней, спустился в лобби, там какая-то мадам ко мне привязалась, где тут ресторан, да куда идти. Пока объяснял, чутьем, спиной, нервами своими — уж не знаю чем — почувствовал: Кисуня идет. Хотел было окликнуть, так все удачно складывалось — теслу арендовал, планировал покататься с ней по городу. Только зараза эта лишь походя кивнула и мимо пронеслась. Ладно б одна, но она с китайцем, да с каким! Чутье сразу взвыло: аларм! Опасность! Приготовиться!

Я и приготовился: прыгнул в теслу и за ними кружил по городу. Понял через час примерно, что китаец этот совсем непростой: он засек слежку, стал кружить по узким улицам, выбирая сложные места, останавливаясь то и дело. Попросил своих безопасников пробить, те быстро сработали и на ватсап прислали досье, от которого я походилел. По нему выходило, что дуруха эта катается сейчас с одним из членов триады, владельцем сети подпольных казино. А уж когда Кисуня позвонила и попросила ее спасти, именно так ее просьбу понял. Потом она мне все объяснит! Зубы заскрежетали. Но к счастью вспомнил, что компаньон наш китайский — сам игрок, набрал его и напомнил про долг. Тот опешил. Все-таки в этом мире забирать игрушки у серьезных дядь не сильно то принято. И тут на пользу сработало, что изначально представил ее как жену, жена — святое.

Так и объяснялись в казино, когда мистер Син к нам вышел, что вот мол, супруги повздорили и жена пошла мстить и кататься на чужой машине с чужим мужчиной. Уж не знаю, что там компаньон наш объяснял, но Син посмотрел на мое кольцо, потом на Надино, понял, что да, жена. И отпустил. Не знаю, что сработало. Везение? Семейные ценности у главы мафии? Не буду думать, пофиг.

Вышли из казино. Надыхаться не могу, долбаный кайф. Вообще конечно правильно было ее обнять и успокоить, видел же, что напугалась, но хотелось поскорее уйти с этого места, тащил ее как ненормальный, шипел что-то на нее. Черт, как она вообще жила все эти пять лет? Если она за полчаса находит приключения на свою задницу?

Плачет. Ну что мне с ней делать? Решил апартаменты сниму, вот как она просила — на вершине пика Виктории. Одни на нас двоих, чтоб под круглосуточным надзором была. Моим. Напугался так за нее, понял, что все эти годы где-то всегда думал о ней, как о части себя. Что мне главное, чтоб с ней все хорошо было.

Сидит вот в машине, глаза и нос распухли, наревелась, а мне кажется самой красивой. Замелькали картинки перед глазами, какая она нежная и мягкая по утрам.

Припарковался недалеко от гостиницы. Склонился к ней и поцеловал. Просто сил не было никаких чтоб сдерживаться. Слишком близко она, слишком стрессанул сам. Хотелось ее присвоить, привязать к себе, чтоб не делась никуда.

— Тише, тише, — уговариваю ее и сцеловываю слезы.

Утешать ее — это и наслаждение и пытка. — Не плачь, Кисунь. Тшш, все уже закончилось, я тут, я рядом. Расскажешь хоть?

— Хотела на свидание сходить. Вот сходила — она даже соврать мне может, так расстроена.

— На одно хоть? — во мне поднимается злость, вот набить бы морду этому мистеру Сину, может полегче бы было?

— На два, — вздыхает.

Мелкая зараза.

— Давай ты пока завяжешь со свиданиями, ок? Вообще-то на все твои свидания претендую я, ладно? Мне не откажешь?

Глава 20

Утром следующего дня выселяемся из гостиницы, и Саша кратко сообщает, что снял апартаменты. Апартаментами оказывается квартира на третьем этаже того самого жилого комплекса, которым я восхищалась по пути на пик Виктории.

— Извини, Кисунь, место эксклюзивное, и были только эти апартаменты. Двух снять не получилось. Прости, — он извиняется таким довольным тоном, что я подозрительно смотрю на него, — но ты же хотела пожить тут? Я сделал. Однако, жить в разных местах было бы неудобно. Завтра с раннего утра выезжаем встречаться с нашими потенциальными партнерами, а так как они присылают машину, то вообще не вариант гонять ее и в апартаменты и в гостиницу, — запросто объясняет он происходящее.

Все-то у него просто, а я в панике оглядываю обстановку, но успокаиваюсь, насчитав как минимум три спальных места.

Потом встречи, переговоры, снова встречи, дела захватывают так, что я совершенно забываю, что нам предстоит ночь в одной квартире.

Когда мы вечером возвращаемся в апартаменты, на город уже опускаются сумерки, окрашивая в невероятные розово — фиолетовые цвета небо и залив, Вся эта фантастическая красота многократно отражается в зеркальных фасадах небоскребов.

Я очарована городом, перед мысленным взором мелькают то футуристические многоуровневые дорожные развязки, утопающие в зелени, то роскошно украшенные витрины дорогих магазинов, то белые перчатки водителей автобусов и такси, то красивые машины, снующие про улицам. Мне так хорошо, что на губах блуждает улыбка.

А Саша в восторге от проведенных переговоров, его энергия бурлит во взгляде и в возбужденном голосе, адреналин так и шаршит, что заставляет меня предложить купить бутылку вина и суши, чтоб отпраздновать заключенные сделки. Саша соглашается, и мы заходим в небольшой ресторанчик поужинать и выпить вина, и только потом едем домой.

Заходим в апартаменты, и Саша шепчет прямо мне на ухо:

— Не зажигай свет, смотри! — Хватает меня за руку и тянет к окну.

Под нашими ногами раскинулся огромный город, сверкающий огнями. Я не могу оторвать глаз, эти миллионы огней завораживают взгляд. Убегают до самого горизонта, соседствуя с бархатной чернотой вод залива. Мне нравится резкий контраст ярких переливающихся огней города и черноты моря. У береговой линии вода отражает

иллюминацию небоскребов, а дальше — совершенная темнота. Будто черная дыра засасывает все огни и превращает их в иссиня-черный бархат ночи.

Саша подходит со спины и обнимает меня, кладет свой подбородок мне на макушку и шепчет:

— Шикарно, да? Ради такого вида можно и умереть. Хорошо, что мы сюда приехали.

— Хорошо, да, — соглашаюсь я с ним, — спасибо тебе!

— Да мне за что? — удивляется он. — Тебе спасибо.

— Очень красиво, глаз не оторвать, — произношу шепотом.

Нервы натягиваются до предела. Мне очень нравится, что он сейчас рядом. Я благодарна за то, что вчера он примчался спасать меня от неудачного свидания, которое совершенно непонятно чем могло бы закончиться. Меня передергивает от воспоминаний, но красота за панорамным окном не дает мне нырнуть в пучину мыслей о вчерашнем вечере, оставляя на поверхности только хорошее — Саша приехал и увез меня в гостиницу.

Я чувствую, что мы сейчас как отражение картинки за окном: сияющие огни и зияющая чернота. Мы на самой границе между ними. Мои чувства к нему никуда не делись, его слова также как и раньше заставляют мое сердце биться чаще. Мне нравится, что он зовет меня «Кисуня» как и пять лет назад, когда мы оба были влюблены и счастливы.

Но я никак не могу ему простить, как он бросил меня одну, ему настолько было наплевать на меня, что прислал заявление о разводе по почте. Эмоции накатывают волнами. Только что я любовалась им в отражении стекла и представляла, как мы хорошо выглядим рядом, будто мы пара в настоящем, а не в прошлом. А сейчас я снова пытаюсь сглотнуть и не могу, комок застрял в горле — моя обида делает неприятные фокусы с моим телом.

Отчего же меня так штормит рядом с ним?

А причина всех моих бед решает добавить мне и так зашкаливающих эмоций: он наклоняется к моему уху и произносит:

— Забудь! Есть только здесь и сейчас. Завтра будет новый день, но сегодня давай насладимся этим вечером.

И независимо от своей воли, будто он только что выключил ее рубильником, я произношу:

— В сумерках хочется счастья. — И чуть не закрываю рот руками, как это вырвалось у меня? Хорошо, что темно и не видно, как мучительно я краснею.

Только мне не дают шанса провалиться в самоуничтожительные рассуждения. Саша наклоняется ниже и ниже, пока совсем на заслоняет мне весь свет, и накрывает мои губы своими, и стискивает меня в объятьях.

Глава 21

Мое тело предает меня: я лгну поближе к мужскому телу. Мне нравится чувствовать твердость его груди и силу рук, стискивающих меня все крепче. Во мне будто вшита программа реакции на его нежность, его запах, а он программист, написавший ее под себя.

Мне нравится, как его ладонь зарывается в мои волосы и давит на затылок, не позволяя сбежать от поцелуя. Я чувствую, как каменеет его пресс, и как он вжимается в меня бедрами, и это кружит мне голову. Или это бокал вина, выпитый за ужином? В голове взрываются пузырьки удовольствия, сердце рвется навстречу Сашкиному сердцу, которое отбивает чечетку о мои ребра. У нас один пульс на двоих — это сводит с ума.

Целуемся как сумасшедшие, я уже и забыла, как любила с ним целоваться, а сейчас вспоминаю и наслаждаюсь.

— Кисуень, ты такая красивая, — Саша улыбается в мои волосы, когда говорит это, отчего колкие мурашки пробегают по моей коже.

Хмыкаю и ежусь от его щекотного дыхания и с опаской поднимаю глаза. Тону в его взгляде, чернота затопила серую радужку, и затягивает меня в самую глубину, сложно даже дышать.

— Саш, — зову я.

— Ммм? — Тянет он и так пристально смотрит в мои глаза, будто рассчитывает узнать все мои секреты. Важно лишь не отводить взгляд и по натянувшейся между нами нити, можно будет проникнуть во все тайны, хранящиеся внутри.

Самая большая моя тайна в том, что я не уверена, хочу ли я снова попадаться в умело расставленные им ловушки. Он очень хорошо целуется, он нужен мне, и с ним я была безоблачно счастлива пять лет назад. Но он предал меня, и кто знает, не предаст ли снова? Мой контракт с его фирмой закончится через год, он улетит в Москву по окончании, а может даже и раньше. А я снова останусь одна с разбитым сердцем. Он проникнет мне под кожу за пару часов, я знаю, он умеет. Как я потом буду вырывать эти воспоминания? Я не уверена, что смогу это пережить во второй раз.

— Саш, спасибо за вечер, но не стоит продолжать, — шиплю я, слова застревают в горле.

— Киса-киса, — он отстраняется, и мне тут же становится так зябко, что я обхватываю себя руками. — Пойдем, сделаю тебе чаю. Хочешь?

На меня вдруг накатывает такая усталость, что я не могу стоять. Скидываю туфли, и сразу уменьшаюсь на добрых десять сантиметров. Сашка прослеживает за мной взглядом, не может понять, как так я вдруг уменьшилась в росте, в глазах на миг мелькает тревога.

Хмыкаю: неужели думал, что я решила по стеночке сползти в обморок? Не дожدهшься, дорогой! Плитка, правда, на полу ледяная. Встаю на цыпочки, чтоб поменьше соприкоснуться с холодом. Сашка неотрывно смотрит на мои ноги, и вдруг подхватывает меня на руки со словами:

— Кисуень, ну куда босая по холодному полу? Заболеть не хватало.

— Эй, поставь, где взял! — Моему возмущению нет предела, но ему похоже на это наплевать. Несет меня как пушинку, а я шепчу, глядя в его глаза: — Я тяжелая!

— Какая прелесть, — иронизирует он, чуть подбрасывая меня на руках, — толстененькая киса.

Приносит на кухню и усаживает меня на стол.

— Чтобы лапки до пола не доставали и не мерзли, Кисуень. Не хулигань, сиди смирно. А то придется связать.

От возмущения забываю все слова, только шиплю, на что он совершенно по-мальчишески хохочет и говорит:

— О, киса показывает зубы. Ну ничего, я умею с кошками ладить, сейчас будем ладить с тобой, кисуень.

А сам в это время заваривает чай и достает коробочку с пироженными:

— Любой толстененькой кисе для поддержания баланса красоты, — несет он какую-то чушь, но я улыбаюсь этой ерунде. — Нужно по вечерам в моменты невзгод или, напротив, ожидания чуда, нужно пирожное. А поскольку имеющаяся в наличии киса у нас еще и принцесса, то пироженки ей положены с настоящего английского чаепития. Представь: я добыл их, вырвав из рук шейха, в на знаменитом пятичасовом чаепитии в отеле Пенинсула.

Там сплошь шейхи, принцессы и миллионеры.

Саша давно снял пиджак, а теперь еще и рубашку расстегнул, стоит передо мной, шутит про шейхов, поигрывая бровями, и закатывает рукава у рубашки. Он явно одевается в дорогих магазинах, рубашка наверно стоит как весь мой гардероб, потому что она так четко обрисовывала его напрягшиеся мускулы, когда он нес меня на руках. Хочется потрогать ткань, и я, не успев подумать, тяну к нему руку.

— Киса хочет на ручки? — он выгибает вопросительно бровь.

— Нет, я хочу пойти спать. — Начинаю закипать. Он такой притягательный, еще и включил свое обаяние на максимум.

Но прежде чем отпустить меня в постель, он скармливает мне изумительно вкусную лимонную меренгу.

— Люблю покладистую кису, — заявляет этот нахал. — Когда она сидит на столе, болтает ножками красивыми с покрашенными коготками, хорошо кушает и мурлычит. Тебе идет.

— Кисам нельзя на стол, — парирую я, но уже заранее чувствую, что в этой игре его мне не переиграть.

— Конечно нет, — соглашается он, — Кисе надо на ручки и в постель.

Глава 22

Просыпаюсь оттого, что солнце заливает светом мою подушку, слепит глаза. Кажется, я наконец победила джетлаг, мучивший меня дня три после прилета домой, потому что чувствую, что выспалась, да и время ощущаю верно, понимая что сейчас часов девять утра. Я взяла отгул на работе, чтоб выспаться, и выспалась раньше, чем он начался — на часах без десяти девять. Теоретически я могу успеть на работу, просто чуть опоздаю. Но я решаю лениться, остаться дома и попробовать привести в порядок свои мысли.

Вчера мне в этом решила помочь Наташка, вцепившаяся в меня как акула и потребовавшая детального отчета.

— Командировка прошла успешно для Сашиного бизнеса, он вернулся довольный и очень воодушевленный перспективами роста компании, — начинаю я, а Наташка демонстративно зевает.

— Это ты в отчете напишешь, давай про себя рассказывай! Ты-то как чувствуешь? — требует дотошная подруга.

— Была ли она удачной для меня? Вероятно, да. — Улыбаюсь, вспоминая, как мне понравился город, какой он красивый и разноплановый. — Но меня очень пугает Сашин напор, такое впечатление, что этот человек по имени «вижу цель — не вижу препятствий» совершенно точно вознамерился воскресить наши отношения.

— Вот как? И в чем это выражается? — Наташка чуть не подпрыгивает от любопытства.

Приходится ей рассказать и про свои неудачные свидания и про то, что последние три дня мы жили наедине вдвоем в апартаментах, правда спали в разных спальнях.

— Мы только целовались, а потом я сказала «нет», и он отступил, накормил меня лимонной меренгой и отправил спать, и на следующий день вел себя как ни в чем не бывало. Я совершенно не знаю как это понимать?

— Ну может быть он просто слышит тебя, и уважает твое право сказать «нет»? — предполагает подруга.

— Возможно. Или это какая-то новая ступень игры. Зовет меня Кисуня, всем представлял там как свою жену. Вот, правда, не понимаю зачем это ему? — я искренне

недоумеваю.

— Да ну тебя, Надя. Такой годный мужик вокруг тебя увивается. А ты морду воротишь, — Наташка всегда была тот еще переговорщик.

— Не забывай, пожалуйста, что он меня бросил даже не по телефону, а вообще молча! — Негодую я. — И потом пять лет где-то шастал, явно не в монастыре сидел!

— Кстати, о монастырях, — вдруг интересуется подруга, — А ты в монастыре сидела?

— А я да. — признаваться в таком немного стыдно. Я вроде молодая, красивая. Давно выяснила, что пятерым из десяти мужчин, я нравлюсь, не прикладывая никаких усилий. Еще троим — с минимальными усилиями. И оставшимся двоим — если постараюсь.

— Сначала я ошарашена была, все не могла поверить, думала, что он осознает сейчас, вернется, он же любит меня, а я — его. Так прошел первый год. Спустя год, я поняла, что возврата к прошлому не будет. Он точно забыл меня, и я тогда постаралась вытравить его из своей памяти и из своей жизни. Поменяла квартиру и круг знакомых, погрузилась в работу, создала фирму свою. Как-то не чувствовала, что нужен мне кто-то. Привыкла быть одна. — Закрываю я, вырисовывая витиеватый орнамент на бумаге.

— Ну ты даешь, подруга! — не пойму чего в голосе Наташки больше: возмущения или восхищения, — тогда стоит может взять паузу и не бросаться на первого встречного?

— Он не первый встречный!

— Ха! Я так и знала, — Натка смеется, — ну не первый и не первый, но что-то давай с этим делать.

— Вот это самое сложное, не могу принять никакого решения, — выдавливаю из себя очевидное.

— Тогда просто стоит взять паузу может? Или дать Саше твоему шанс? И тут у тебя преимущество: вы уже разведены и уже не виделись пять лет, хуже не будет. — вещает эта оптимистка.

Вчера я была истощена после этого разговора с подругой, а сегодня, вспоминая его, мне кажется, что я найду выход, что все будет хорошо, и что вот-вот что-то случится. И это предвкушение выдергивает меня из кровати, заставляет слегка накраситься и надеть свое любимое платье, которое мне чертовски идет, и пойти гулять. Совершенно не могу оставаться на месте, хочется идти и смотреть на небо, слушать пение птиц, вытаскивать наушники из ушей, поесть свое любимое мороженое, подумать, пройтись по бульвару и выпить кофе в любимой кофейне.

И я почти выбегаю на улицу в своем предчувствии, что скоро что-то случится. И не успеваю пройти и пару кварталов, как почти врезаюсь в старого знакомого.

— Привет, Надя, — он восторженно смотрит на меня, — Куда бежишь такая красивая? Как вообще дела?

— Привет, Макс, — я немного смущена, он ухлестывал за мной, пока я не встретила Сашу. — Да особо никуда, просто гуляю.

— Ну раз так, то может выпьем кофе? Вспомним былое? — предлагает он.

Глава 23

Макс, оказывается, открыл свой бизнес, и он довольно успешен в нашем городе. Он много рассказывает о том, что его фирма строит дома, и я решаю, что он влюблен в свое дело. Потом мы вспоминаем студенческие годы и спрашиваем друг друга, кто о ком что знает.

— Даже странно, что мы не виделись с тобой ни разу после окончания

магистратуры, — недоумевают он. — Хотя понятно: ты замуж выскочила за богатенького и некогда было с простыми студентами отношения поддерживать. Но многие простые студенты уже не так просты, как раньше. Ты как, счастлива замужем? Сколько детей?

— Детей нет, и я разведена, — мне с ним легко разговаривать, вроде бы старые знакомые, почти друзья, но сейчас как случайные попутчики, встретились — и разбежимся снова на годы.

— О как! — Его брови в изумлении ползут вверх, — так ты свободна? Вот это номер. А я, знаешь, так и не женился. Не нашел ту единственную.

Разглядываю его лицо, силясь понять интонацию — иронизирует ли он, или тоска, мелькнувшая в глазах — реальная? Но он меняет тему и начинает расспрашивать меня, чем я занималась эти годы, хвалит за успехи. Мне так приятно, похвала — всегда было мое слабое место.

— А сейчас чем твоя фирма занимается? — Интересуется он.

Медлю секунду, перед тем как ответить, но быстро беру себя в руки и отвечаю:

— У нас эксклюзивный годовой контракт на юридические услуги с «Базис-М», это крупный строительный холдинг, они недавно зашли на наш рынок, — решаю, что сообщать факт, что это фирма моего бывшего, не стоит, зачем Максу эта информация?

Что-то мелкает на его лице, не могу разобрать, и он воодушевленно произносит:

— А да, я видел, огромный баннер на проспекте натянут. Стой, это они выиграли тендер на строительство микрорайона?

— Они, да. И я им в этом помогла, — не могу удержаться от хвастовства, — наша фирма готовила все документы на тендер, так что в этом есть и моя заслуга.

— Ого, да ты крутая! — Макс не скупится на похвалы, которые как-то незаметно переходят в комплименты. И мы сидим на веранде потом еще час, беседуя обо всем понемногу. После чего, обменявшись телефонами, расходимся.

А на следующий день на работе приключается коллапс, и я, отпустив Наташку, остаюсь одна доделывать документы. Этаж постепенно пустеет, и я не замечаю, как за окном уже темно, и зажглись фонари, а значит время явно больше десяти часов вечера. Отзвучали гулкие шаги, удаляющиеся по коридору к лифтам, и снова воцарилась тишина. Еще полчаса работы, и еду домой — решаю я про себя и погружаюсь в бумаги.

— Ты чего творишь? — на пороге возникает мой шеф и по совместительству — бывший муж. — Я уже собрался уходить и вижу, что у тебя горит свет. Все ушли уже давно, ты что тут делаешь?

Он стоит на пороге, в коридоре темно, а в моем кабинете включен свет, поэтому не вижу его лица, только силуэт, но по голосу понимаю, что он хмурится, хотя голос звучит весело. Он застыл в проеме двери, не заходит и не выходит, ему наверно хорошо видно, и мою растрепавшуюся за день прическу и то, что я сбросила туфли и сижу босая. Ерзаю на стуле, пытаюсь нащупать ступнями туфли и незаметно их надеть, не опуская глаз. Вглядываюсь в темный силуэт, но конечно же кроме очертаний широких плеч и его стройной фигуры, ничего не вижу. Куда он смотрит? Может на мою блузку, на которую я час назад поставила пятно, когда пила кофе?

— Да работы привалило, — выдавливаю наконец, отмирая.

— Это понятно, всем привалило, но сидишь тут только ты. Где твоя Наташка хотя бы? Все уже ушли домой и видят десятый сон.

— Я тоже уже ухожу, — говорю я на это. — Между прочим, ты тоже вот только вышел.

— Мне можно, а ты в первую очередь женщина, а потом уже работник года. — Выговаривает мне он, — как ты планировала возвращаться? Или вообще думаешь в офисе ночевать? Вставай уже, пошли, домой отвезу. Сегодня уже на работу с утра.

Когда он таким тоном говорит, возражать ему бесполезно, это я по опыту знаю, поэтому нашариваю наконец свои туфли под столом и со стоном в них влажу.

— Что такое, Кисунь? — Тут же откликается на мой стон.

— Туфли, — сообщаю я на мой взгляд очевидные вещи, но вдруг понимаю, что наверно ему неведомы эти мечты о снятых туфлях: — Ноги устали, тяжело туфли натягивать снова. Надо наверное сменку носить для ночных смен.

Саша не оценивает моей игры слов:

— Ночные смены в офисе для тебя запрещены с этой минуты. А туфли можешь не одевать, если хочешь, могу отнести тебя на руках.

Но я конечно не хочу. Поэтому просто босиком иду по коридору до лифта, а уже на парковке он, не спрашивая, подхватывает меня на руки и несет до машины как пушинку. В машине едем молча, я даже начинаю дремать, и будит меня Сашин тихий голос:

— Слушай, как красиво тут ночью, я и забыл уже какой красивый наш город. Небо это. Помнишь ты говорила, что у нас такое темное и низкое небо летними ночами, но кажется, оно обволакивает тебя со всех сторон мягким, как подтаявшее масло. Я не понимал сравнений тогда. А сейчас вижу. Хочется нож туда воткнуть и кусочек себе отрезать.

— Угу, — бормочу я, так и не вспомнив, когда я такое говорила. Я ведь и сама небом не любовалась уже много лет.

— Ты спишь что ли, Кисунь? Голос сонный такой, — лениво интересуется он, резко сворачивая с проспекта на тихую улочку, ведущую к моему дому. Луна очерчивает его профиль и руки на руле, от резкого поворота руля напрягаются мышцы на руки, и тонкая ткань его дорогой рубашки так красиво подчеркивает их.

Видимо, я действительно сплю, потому что неожиданно для себя говорю:

— Красиво.

И к счастью, он решает, что я про звездное небо и про огромные вязы, склонившиеся на дорогой и подсвеченные фонарями, а не про него.

И мы снова замолкаем каждый о своем и молчим до самого моего дома.

Глава 24

Вечернее солнце неумолимо клонится за горизонт, окрашивая волны реки в удивительный розовый цвет. Похоже, пиарщики решили всем показать в нашем небольшом городе, что «Базис-М» не только круто строит жилые комплексы, но и круто отдыхает. Корпоратив по случаю дня строителя и дня рождения компании решили проводить на открытой террасе на берегу реки, где накрыты белоснежными скатертями круглые столы, ломящиеся от угощений. Терраса утопает в зелени, от реки идет вечерняя прохлада, остужая горячий зной летнего дня.

Уже сказаны все поздравительные и хвалебные речи, и корпоратив плавно переходит в неформальную стадию, когда все общаются со всеми, переходя от стола к столу. Приглашенные музыканты играют кавер-версии популярных песен. Я люблюсь закатом сквозь опущенные ресницы, краем глаза отмечая, что несколько пар вышли потанцевать.

— Потанцуем? — заслоняя закатное солнце, надо мной склоняется молодой парень из соседнего отдела.

Он, кажется, приносил мне кофе на этой неделе несколько раз, пока я совершенно

зашивалась и работала, не поднимая головы. А я не могу даже вспомнить, как его зовут. Но тем не менее, легко соглашаюсь, люблю танцевать, хотя очень редко это делаю. Но детские занятия бальными танцами навеки привили мне стройную осанку и чувство ритма.

Выходим в центр, свободный от столов, и присоединяемся к танцующим парам. Мой партнер настолько молодо выглядит, что мне очень хочется поинтересоваться есть ли ему восемнадцать. Но танцует он хорошо, и ведет меня уверенно, правда, очень волнуется, когда задает мне банальные вопросы. Я вижу, что он очень хочет понравится, а то, что я ему понравилась выдают его прижимающиеся бедра и осязаемым бугром в брюках, будто старшеклассник притащил из школы в кармане пенал, и забыл о нем, прижимая меня в танце.

Музыка еще не стихает, когда моим ухом раздается строгий голос шефа:

— Вадим, вам наверное домой пора, уверен, что мама волнуется.

Отчего мой партнер заливается краской и так быстро ретируется не попрощавшись, что окончание фразы Саша говорит уже в пустоту:

— Пришла пора взрослых танцев.

— Фу, как некрасиво, — говорю я, — зачем ты его обидел? Он ведь совершеннолетний и может танцевать с кем угодно и сколько угодно.

— Ему да, но ты танцуешь со мной, — безапелляционно заявляет этот нахал.

— Не буду я с тобой танцевать, — пусть попробует меня переупрямит.

— Ты ведь хочешь танцевать? — Недоумевает он искренне.

— Хочу. Но после этого демарша не буду.

— Очень зря. Ты же в курсе, как тебе хорошо со мной, — он делает паузу и продолжает спустя пять ударов моего сердца: — танцевать? Зачем отказываться из вредности? Когда можно получить удовольствие?

Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что на нас косятся с любопытством окружающие. Стоим посреди зала и препираемся.

— Ладно, — уступаю я, — давай станцуем, но только один танец.

Он действительно хорошо танцует, и мое тело расслабляется в его руках, не надо думать как двигаться, надо просто отдаться ведущему партнеру, и рисунок танца сложится сам, независимо от воли танцоров. Музыканты, как по заказу свыше, начинают играть танго. Парочки разбредаются по углам, и мы остаемся одни на танцполе. Когда-то давно, когда еще были женаты, мы брали с ним уроки танго. Учитель танцев был влюблен в танго, очень хвалил нас и говорил, что танго — это вертикальное выражение горизонтального желания. Тогда так и было, от нас шаршило током, это и без танго было заметно. А что теперь я не знаю, сложно что-то заметить снаружи, когда внутри меня поднимается ураган. Это все его запах, сводящий меня с ума, будящий темные желания, вцепиться в его волосы, и потянуть их, оттягивая голову назад, чтоб его голова запрокинулась, и тогда провести языком по его кадыку, укусить за шею. Сглатываю и с силой моргаю, пытаюсь розогнать морок.

Мы дотанцовываем танец в молчании, после чего Саша берет меня за руку и отводит к своему столу, где сидят его заместитель и главный инженер, которые радотно приветствуют меня и пеняют почти в унисон:

— Александр Владимирович, вы всех красивых женщин прячете куда-то, за нашим столом одни мужланы. Хорошо, что вы Надежду Игоревну привели в наши надежные руки! Вас кстати, Эвелина искала.

И эта ведьма легка на помине, возникает вдруг перед столом в своем супер

обтягивающем платье, под которым сложно подозревать наличие нижнего белья. Она смотрит хмельным взглядом, при этом чуть не падает на Сашу и заявляет томным голосом, хватая его за локоть:

— Я так хочу танцевать, что просто вынуждена вас попросить принести мне бокал мартини. Или шампанского.

И он послушно встает и идет за шампанским или за мартини для этой куклы.

Глава 25

Попадаю под град комплиментов от своих приободрившихся отсутствием грозного шефа коллег-соседей по столу. Не то чтобы я была непривычна к мужскому вниманию, но сегодня оно просто зашкаливает. Да, я наряжалась и в салоне провела несколько часов, пока мастера колдовали над прической, маникюром, педикюром и макияжем, но я убедила себя, что вся моя подготовка — она ради меня, просто чтоб я чувствовала себя не хуже других на корпоративе.

Похоже, мастера перестарались: я тут лучше всех. Эвелину в расчет не берем. Подозрительно кошусь на нее, пока она увлечена высматриванием моего бывшего, отправившегося к бару. Конечно, когда еще генеральный побудет на побегушках у секретарши?

Я так увлекаюсь своими размышлениями, что чуть не пропускаю вопрос от Сашиного зама:

— Надежда, вы ведь местная жительница? Вероятно, город знаете отлично? Может быть, найдете время провести мне экскурсию? Насколько я понимаю, Александр Владимирович ваш бывший, — он выделяет это слово интонацией и ловит мой взгляд, — земляк. Так что ему ваше внимание не так требуется как мне. Можем прямо сейчас поехать, все равно тут все уже заканчивается. И давайте уже на «ты».

— Экскурсии не то чтобы мой профиль, — пытаюсь я снизить градус его внимания.

Но тут же включается главный инженер, который накрывает мою ладонь, лежащую на столе, своей и говорит:

— А мне нравится ваш профиль, я его достаточно изучил. Хотите изучить мой?

И пока я застываю, не зная, как реагировать, и подбираю слова, рядом вырастает Саша с бокалом мартини и бокалом шампанского, которые он протягивает Эвелине со словами:

— Прощу. Всегда к вашим услугам.

И тут же угрожающе нависает над столиком и практически рычит:

— Профиль Надежда ничей изучать не будет, ей уже достаточно профилей. В нашем коллективе достаточно женщин, кто с удовольствием разделят ваши увлечения по экскурсиям и профилям и вообще чему угодно. А Надежду Игоревну мы такой ерундой грузить не будем, у нее другое предназначение.

Сидящие мужчины кивают с пониманием, а Саша, спустя несколько минут извиняется и, сославшись на необходимость немного пообщаться с коллективом, отходит от стола. Следом за ним подрывается Эвелина, заявляющая, что она тоже коллектив.

И меня тут же приглашает танцевать сначала Сашин заместитель, а потом и главный инженер, которые видимо решили не согласиться с мнением генерального про других женщин, и продолжают буквально атаковать меня своим вниманием.

Улучив момент, сбегая от этих мужчин к чисто женскому столику бухгалтерии, и уже подумываю тихо улизнуть с вечеринки, как обнаруживаю, что в моем клатче нет телефона. Вероятно, я его забыла на столе, когда экстренно сбегала от назойливого внимания Сашиных

коллег.

Иду к столу генерального с твердым намерением забрать телефон и сразу вызвать себе такси. Но подойдя, обнаруживаю, что главный инженер изрядно пьян, смотрит на меня мутными глазами и сообщает:

— Забыла телефон? Кто же так делает, милочка? Муж наверно звонил раз десять, а может и двадцать. Я звук отключил уже, так надоел. Мужа Максом зовут? Такой настойчивый, кошмар просто. Получишь наверно дома по первое число.

Мне показалось, или в его голосе послышалась мечтательность? А он продолжает:

— Шеф тоже чего-то взбесился. Не знал что ли про Макса твоего? Дура ты, вот ты кто. На кой черт ты его бросила?

— Кого я бросила? — Не понимаю я ничего из этой пьяной речи.

— Точно дура, — резюмирует мой собеседник, — как кого? Ярлова ты бросила. Я его пять лет знаю, он когда приехал в Москву, мы там на проекте и познакомились, сдружились. Я тоже приезжий, не москвич, на том и сошлись. И вот уже пять лет и сотрудничаем. Хороший он человек, честный и порядочный. А ты дура! — припечатывает он.

— Ну ладно, правда, я не очень понимаю с чего я вдруг дура? — Не могу ничего поделывать, ноги приросли к полу, мне отчего-то становится сверхважно узнать именно у этого человека, что там произошло пять лет назад с Сашей, почему он быстро и молча развелся со мной, да так, что я еще и дурой оказываюсь в глазах его коллеги.

— Как почему? Ты же ему изменила и бросила его, Витька ж тогда сказал, что всё, с другим ты живешь уже, нечего рваться в родной город, надо в Москве оставаться, новую жизнь строить. На него смотреть в те дни было страшно, он так в работу зарылся, вот фирму тогда и создал, жил ей. Благодаря ей наверно и выжил. Пять лет горя не знали, Ярлов пашет как вол. И тут снова ты. Красивая такая. Нравишься всем, даже мне нравишься. А шеф мне морду потом начистит. По-дружески. Сейчас вот заму своему, а потом мне. Поехали может ко мне? Спасемся от его гнева. Все равно у тебя какой-то Макс есть, так что ловить нам нечего обоим.

— Где Саша? — Только и могу вымолвить я. — А Витька — это зам Сашин, да? Виктор Максимович?

— Ага, он самый.

— Где они? — в голове складываются детали пазла.

— А кто их знает. Морду наверно шеф пошел Витьке бить. Слишком Витек за тобой увивается. А тут тебе еще Макс какой-то звонит постоянно.

Глава 26

После разговора с подвыпившим коллегой мне не по себе, я решаю не вызывать пока такси, а просто побыть в одиночестве. Ухожу с освещенной мягкими огнями веранды и ступаю в темноту ночи, просто иду на звук волн и запах воды, и когда выныриваю из-под крон деревьев, посаженных вдоль набережной, то застываю от восторга.

Здесь именно так, как мне надо сейчас. Тишина. Лунная дорожка, играющая в темноте бликами на глади воды, ведет к полной луне, будто приглашает прогуляться с шумной вечеринки к чему-то потаенному и скрытому от обычных глаз.

За моей спиной слышны обрывки разговоров и звуки музыки, доносится смех. А тут так умиротворенно, что мои переживания потихоньку укладываются в голове осознанием, что Сашу обманули, рассказав, что я не жду его, что он пять лет назад просто дал мне развод, думая, что я живу с другим. Понимание ложится на душу горечью, никто не виноват. И

виноваты мы оба. Я со своей гордостью, что не писала ему, все ждала, что придет, выбрав меня, а не работу. Он виноват в своей доверчивости, что поверил другу и не потребовал ни доказательств, ни объяснений.

Из глубины души поднимается обида, я чувствую ее царапающим горло комом. Только на этот раз она не застревает в горле, как обычно, а поднимается выше и давит на лоб, телу становится холодно, а голове жарко. На глазах выступают слезы, мне так отчаянно грустно, что мы все разрушили.

И вдруг понимаю, что обиды во мне больше нет, есть сожаления и грусть по произошедшему. Боль отпускает, и вдруг чувствую такую легкость, что даже не могу удержать смешок. Это чувство отсутствия обиды прекрасно и дарит воздушную легкость телу и мыслям. Будто я вся была покрыта слоем пыли и опутана паутиной, а сейчас вдруг все стряхнула с себя, и вижу все чисто и отчетливо, ничего не мешает и не спутывает.

И в это мгновенье, словно ждал своего выхода за кулисами, из темноты вырастает рядом со мной бывший.

— Привет, — шепчет он.

— Привет, — отзываюсь.

И молчим. Мне очень хочется рассказать, что я все знаю, что мне так легко от этого знания. Пока я пытаюсь сформулировать свои мысли, облечь в слова, Саша произносит:

— Прости меня, Кисунь. Я такой дурак был. — В его голосе слышится неподдельная грусть.

— Я тоже, — признаюсь я с неохотой.

И он начинает рассказывать мне шепотом о том, какие черные дни пережил тогда, пять лет назад, как злился на себя, что не заставил меня поехать с ним, злился на меня, что я быстро нашла ему замену, потом снова злился на себя, что не смог удержать, что видимо был недостаточно хорош, раз я выбрала другого, снова злился на меня — и так про круг, и много-много кругов.

Я не перебиваю, понимая, что ему надо выговориться. Отпустить свою злость, как я только что отпустила свои обиды.

— Я никому об этом не рассказывал, — заключает он, — не мог просто. А потом как-то забываться стало, как пылью покрылось, — повторяет он мою же ассоциацию, отчего я скидываю на него глаза.

Похоже, мы все так же на одной волне. И сегодня эта волна сожалений о потерянном времени и грусти, но и отпущения боли.

— Пылью. — Повторяю я рефреном за ним, — понимаю.

— Да. Потом со временем работа заняла так много места, что и злиться вроде бы перестал уже. Но иногда что-то такое накатывало и быстро отпускало. Решил, что дело прошлое, пора жить свою жизнь. А ты? Как ты справлялась?

Он порывисто шагает ко мне и легонько обнимает, согревая в объятьях, будто понимает, что мне вдруг становится холодно от его слов, я вынуждена вернуться в прошлое и повторить то, что происходило тогда со мной.

Севшим голосом рассказываю, что была убита, и как нашла смысл жизни в работе, что вот фирму создала и жила ей.

— А кто такой Макс? — невпопад спрашивает он тихо по окончании моего рассказа.

Я даже не сразу могу сообразить, о чем он вообще. А когда доходит, начинаю закипать.

— Никто. Вот просто никто.

— Кисунь, если тебе звонит «никто, просто никто» в ночи сто пятьдесят раз, то я что-то не понимаю в этой жизни.

— Если бы ты отдал мне телефон, и я бы ответила на звонок, то он бы не звонил сто пятьдесят раз, как ты выразился, — парирую я.

— Ладно, — вдруг соглашается он, — не хочу с тобой ругаться. Тем более в такой вечер. Знаешь, такое чувство, будто счет оплатил давно открытый и мучавший меня.

— Я тоже не хочу ссориться, — соглашаюсь с ним, хотя остатки недовольства еще покалывают взрывающимися пузырьками внутри. — Пожалуйста, мне бы хотелось, чтоб ты мне доверял. Макс — это просто знакомый, понятия не имею, с чего он решил устроить вечерний шквал звонков.

— Прости, — повторяет он второй раз за вечер. — Ты дашь мне шанс? Нам шанс? Давай попробуем все сначала.

Глава 27

Я не знаю, что на это сказать, поэтому вполголоса предлагаю:

— Хочешь прогуляться?

— Пойдем, — с готовностью соглашается он, берет меня под руку и шагает вдоль набережной.

— А помнишь, — начинает он, — мы с тобой тут гуляли как-то летом, строили планы, и так были заняты разговорами, что не заметили, как спустилась ночь.

— Помню, — смеюсь я, — ты еще залез на парапет и спел «Когда даже ночью плюс двадцать восемь»

— Духота стояла страшная, — подхватывает Саша, — вот и вспомнилась эта песня.

И неожиданно ловко запрыгивает на парапет и напевает продолжение:

«...Что еще скинуть, что снять, да и некуда бросить

Когда все закипает от одной мне улыбки,

А мысли так быстры, как скорость улитки...»

— Тогда это показалось отличной идеей — добежать до фонтана. И мы добежали, помнишь? Только его, оказывается, выключали на ночь.

— Только нас это не остановило, — продолжаю я, — и мы решили искупаться в реке.

— Здорово было, — мечтательно тянет Саша, — а потом сидели на берегу на теплых еще после жаркого дня камнях, ты не хотела домой, сказала, что надо высохнуть сначала.

Одно на двоих воспоминание кружит голову. Тем временем, теплый вечер обернулся прохладой ночи, Саша снял пиджак и накинул мне на плечи, укрывая меня от налетевшего ветра. И я утонула в его запахе. Почему-то именно запахи уносят меня надежней всего. Я могу сколько угодно помнить слова, звуки. Но стоит почуять знакомый запах, как я улетаю на много лет назад или на тысячи километров отсюда. Вот и сейчас — стоит окунуться в Сашин запах, чуть горьковатый и резкий, и я снова та девушка, что пять лет назад не хотела идти домой после ночного купания в реке. Стараюсь незаметно вдохнуть его поглубже, я так скучала по этому запаху, что хочется набрать полные легкие, запомнить, присвоить, оставить себе.

— Кисунь, ты не замерзла? — прерывает молчание Саша. — Что-то прохладно становится. Пошли отвезу тебя домой.

— Давай до фонтана дойдем. Просто любопытно отключают ли его на ночь или нам просто не повезло тогда, — предлагаю я.

До фонтана довольно далеко идти, и мы не успеваем, потому что в считанные минуты

налетает сильный ветер, в небе сверкает молния, за ней вторая и почти без перерыва — третья. И тучи, закрывшие звезды, разражаются летним ливнем. Сначала крупные капли капают на голову, заставляя поднимать лицо к небу, чтобы проверить: откуда дождь? Только что луна сияла и звезды, но уже все чаще капли попадают на мою кожу. И через минуту капли превращаются в ливень — вода льет как из ведра. Взвизгиваю и пытаюсь убежать, только промокаю в считанные секунды, так что смысла искать укрытие нет никакого. Но мы все равно добегаем до какого-то навеса и прячемся под ним.

Я уже вымокла до нитки и Саша тоже. Рубашка облепила стройное тело, черт-черт-черт это же мой фетиш — мистер Дарси, только не из пруда вынырнул, а попал под дождь. Ткань промокла, и я вижу его широкие плечи и красивые мускулы, как будто рубашки вовсе нет. С трудом отрываюсь от разглядывания мужского торса и с усилием поднимаю глаза выше, встречаюсь с Сашиними потемневшим взглядом, и только тогда понимаю, что не одна я тут занята разглядыванием. Опускаю взгляд на свое платье. Оно облепляет мою фигуру, ничего не скрывая, некогда широкая юбка плотно льнет к ногам, обнимая их и старательно очерчивая бедра. Смотрим друг на друга, тяжело дыша. На небе сверкают молнии и то ли очередной раскат грома, то ли иная неведомая сила бросают меня навстречу Саше, я обвиваю руками его шею, и он впивается в мои губы требовательным поцелуем.

Неужели это происходит с нами? Он крепко держит меня, зарывается ладонью в мои волосы, давит на затылок, фиксируя и не давая избежать поцелуя. Не знаю сколько проходит времени — пять минут или пол ночи — но когда Саша отрывается от моих губ и смотрит на меня таким же черным как ночь вокруг нас взглядом, я понимаю, что ливень стихает, больше не слышно раскатов грома, и ветер больше не рвет кроны деревьев.

— Пошли.

— Минутку, — прошу я. Скидываю туфли и смело ступаю босиком на тротуар. Саша тоже решает разуться, закатывает брюки.

— Ну что, вперед? — спрашивает он, хватая меня за руку и бежит под дождь.

Держит он меня крепко, так что мне тоже приходится бежать. Добегаем до остановки, прячемся под козырьками зданий, ныряем в такси и смеемся. Таксист сетует, что весь салон мокрый, я слышу его голос где-то на заднем плане сознания не иначе как чудом, потому что Саша снова целует меня, и мир весь сжимается до его рук и губ.

Оказывается, такси так быстро ездят по ночам: вот только Саша меня поцеловал, а мы уже приехали, и надо выходить из машины. Он держит меня за руку, не давая зародиться сомнениям, гладит по волосам и снова целует в лифте. На полу от нас остаются лужи. А в зеркалах лифта отражаются многократно наши тела, прижатые друг к другу.

— Кисуня моя любимая, — я скорей догадываюсь, чем слышу эти слова, когда он открывает дверь и подталкивает меня вперед в темноту его квартиры.

Глава 28

Меня будит аромат свежесваренного кофе, пробравшийся в спальню. Это так неожиданно, что я подскакиваю на кровати и сажусь, подтягивая одеяло к груди. Спросонья не сразу могу сообразить где я, и озираюсь по сторонам. Осознание того, что мы переспали, медленно проникает под кожу. Чувствую, как заливаюсь краской: мне понравилось, и я не собираюсь ни о чем жалеть — напоминаю я себе. Саша был так нежен, и мое тело отзывалось на каждое его движение. Картинки прошедшей ночи мелькают перед моим мысленным взором, унося меня из реальности.

— Ты проснулась, кисунь? — доносится из кухни.

Краснею еще больше, закрываю лицо руками и падаю навзничь в подушки.

— Я слышу, ты не спишь, вставай, я кофе сварил!

Оглядываюсь по сторонам, одежды рядом не наблюдается, кричу в ответ:

— Мне нечего одеть! Я не пойду!

— В шкафу полно одежды, — со смехом отзывается он.

Распахиваю дверцы шкафа и наблюдаю длинный ряд белоснежных рубашек. Не долго думая, беру одну из них и выхожу на кухню в рубашке на голое тело, что конечно не остается незамеченным. Бывший оглядывает меня с ног до головы плотоядным взглядом. Хотя какой он теперь бывший? Стесняюсь задать вопрос — кто мы теперь друг другу?

Саша наклоняется и нежно-нежно целует, сладкая истома разливается по телу, делая тяжелыми руки и ноги. Кажется, мое тело готово к продолжению ночи. И, похоже, что Сашино тоже. Отголоски прошлой ночи еще стреляют пузырьками шампанского, будоража кровь, а на них уже накладываются новые ощущения утра вдвоем. Его заботы, запаха кофе, сваренного им для меня. Раньше кофе варила я. От него можно было дожидаться завтрака в постель только при условии наступившего восьмого марта и миллиона напоминаний, что я жду завтрак в постель. А тут — смотри-ка — подрос, научился заботиться, а не только принимать заботу. И кофе научился варить вкусный.

— Чем займемся в свой законный выходной? — Интересуется он, пока я судорожно соображаю, в чем же я поеду домой. Одежда вымокла под дождем. И я даже не помню где он меня раздел или я сама разделась? Помню, что мокрое платье никак не желало сниматься, облепляя грудь, живот и бедра. Снова краснею от этих воспоминаний, и не сразу могу понять, что же спрашивает мой собеседник.

— Не знаю, — отвечаю с заминкой. — Может посмотрим кино?

Я очень не хочу отсюда выбираться. Потому что этот мир сегодняшнего утра так хрупок, что может разрушиться стоит нам выйти за дверь Сашиной квартиры. Ну и одеть мне нечего. И я уже хочу задать вопрос о том, где же искать мои вещи, как Саша предвосхищает его:

— Я все постирал и в сушилку закинул, так что твоя одежда сухая.

— Кто ты, и что ты сделал с Ярловым? — поражаюсь я таким переменам. Тому Саше, которого я знала, и в голову бы такое не пришло. А этот новый — другой.

Не могу понять как себя вести. Приходит в голову мысль, что раз говорит, про сухую одежду, то наверное мне пора. Хмурюсь, обдумывая ее и решаюсь произнести:

— Я наверное пойду.

— Какое «пойду», Кисунь. Одежда высохла, и сразу бежать? Если в этом дело, то сейчас по-новой можно ее намочить, раз так нужен повод, чтоб остаться. Эти выходные — наши, — он подходит сзади и обнимает меня, разворачивая к себе, заглядывая в глаза: — ты ведь не против? Останешься?

Ничего не говорю, просто киваю, пойманная в плен его пристальным взглядом. И только тогда понимаю, что он нервничал, когда спрашивал останусь ли я: плечи расслабляются и руки становятся нежнее. Будто он планировал удерживать меня силой, если я откажусь.

Два дня пролетают незаметно, сливаются в один счастливый и теплый миг. Мы заказываем доставку, смотрим кино, болтаем обо всем, целуемся, засыпаем в объятьях друг друга. Приходим в себя только вечером в воскресенье, я спохватываюсь, что мне нужно домой, и он больше не удерживает меня. Сказка закончилась. Возвращаемся в свои будни. И уже сидя в такси, яркой вспышкой вспоминаю, как Саша в один из моментов шептал мне:

— Кис, ты же понимаешь, что на работе никто не должен знать о нашем романе? Давай пусть все останется как было: мы чужие люди в офисе. Контракт крупный и у моей фирмы с твоей и у моей фирмы с Правительством региона, понимаешь же, что конфликт интересов будет, в результате которого самое легкое — ты лишишься контракта, но скорей всего конкуренты пойдут дальше, и контракта лишусь уже я. Сама понимаешь, там такие миллионы, что конкуренты это не спустят, да и не только они, и прокуратура и ФСБ — все следят за чистотой сделки. Ладно, Кис?

И когда я соглашаюсь, зацеловывает, заобнимает меня, погружает в морок тепла и нежности, что только сейчас, вдали от него, его слова льдистыми иголками впиваются в мое сердце. И хоть умом я понимаю, что он прав, да, конфликт интересов налицо, но заноза сомнений колет незажившую рану. Если он хочет скрыть наши отношения, может для него это — всего лишь интрижка, еще одна легкая победа в череде побед? Становится неуютно от одной только мысли об этом, я стараюсь выбросить ее из головы, и почти получается, но настроение стремительно ползет вниз до того момента, как через полчаса после моего возвращения домой в мою дверь звонят. И открыв дверь, обнаруживаю на пороге Сашу.

— Ты уехала, и стало так пусто и одиноко, хоть волком вой. Рванул следом.

Глава 29

Саша уезжает на работу на такси на час раньше меня. Успев до этого вымыть меня в душе и высушить волосы феном, нежно перебирая пряди, пока я пыталась подремать еще пять минут, сидя верхом на стиральной машинке и прислоняясь к стене. И успев приготовить нам омлет и кофе. Это было так необычно для него, и так меня растрогало до глубины души, что остатки сна совершенно слетели, я смотрела на него во все глаза, пока он уплетал свою порцию и кормил меня. Внутри разливалось мягкое тепло, не тот огонь страсти, что не давал нам ночью спать, а укутывающая облаком невероятная нежность. И мне она казалась даже важнее того, что было между нами ночью. Я вдруг почувствовала себя нужной, той, о ком хотят заботиться, кого балуют, и от этого щемило сердце.

Когда телефон пиликнул уведомлением о прибывшем такси, он поцеловал меня, шепнув:

— До встречи в офисе, Надежда Игоревна, и до встречи вечером, Кисунь, — и рванул вниз по ступенькам подъезда, а я еще какое-то время смотрела ему вслед и слушала стихающие шаги, и только потом закрыла дверь.

Покрутила обручальное кольцо на пальце. Подумала, что не буду его снимать, может это его заслуга в том, что мы снова вместе? Допила кофе, глядя в окно во двор и улыбаясь. Поймала себя на мысли, что так давно не улыбалась просто так, без причины, просто потому что утро прекрасно, что я, кажется, счастлива, и что в глубине души мне одновременно и тревожно и радостно. Очень непривычен коктейль эмоций, наслаивающихся друг на друга. Приходится сосредоточиться, чтоб выделить в нем главную ноту: я счастлива. Вот что я чувствую сейчас — я счастлива. И с этим чувством — я счастлива — собираюсь, потом еду в офис, поднимаюсь на нужный мне этаж и погружаюсь в работу.

От работы меня отвлекает уведомление на whatsapp, Саша пишет, что, к сожалению, сегодня вечером у него никак не получится прийти ко мне, потому что ночью у него рейс, надо срочно лететь в Москву, решать проблемы, которые без него некому ни за что не решить. И пять раз слово «прости».

Настроение резко падает, даже в кабинете становится ощутимо холоднее. Печатаю ему в ответ, что я все понимаю, при этом думая, что ничего я не понимаю. Привыкла к нему за

выходные. Всего два дня и три ночи, и я уже мечтаю о продолжении.

Пытаюсь работать, но никак не могу собраться с мыслями, злюсь на себя и на него, вот почему нельзя было отправить в Москву своего зама? Или полететь завтра-послезавтра, почему его планы не принимают в расчет меня? Надо полететь — летит, а я остаюсь.

И как я не уговариваю себя, что это глупо и совершенно по-детски, ничего поделать с собой не могу: через час строчу новое сообщение, кусая губы: «я пошла пообедать в кафе на первом этаже. Может, присоединишься ко мне случайно?». Мессенджер рисует две галочки — сообщение доставлено и прочитано. Решаю не ждать ответа, как будто я и правда просто проголодалась и пошла в кафе в не зависимости от того, будет ли обедать Саша.

Кидаю телефон в сумочку и выхожу в коридор, и у лифта сталкиваюсь с Сашинной секретаршей, которая, похоже, привела в офис своего двойника. Такая же большегрудая блондинка, как и Эвелина, только чуть роскошней одета. Дамочка ненатурально хлопает нарощенными ресницами и поправляет свои локоны. Она очень влюблена в себя, судя по тому, как она ищет свое отражение в зеркальных поверхностях лифта и любуется собой. Эвелина решает вдруг нас представить другу другу и жеманно произносит:

— Добрый день, Надежда!

— Добрый, — отвечаю ей тем же, краем глаза наблюдая, как вторая блондинка чуть выпячивает свои и без того объемные губы.

— Вот Катя прилетела, сразу с самолета в офис. Катя! — обращается секретарша к ней, — познакомься, это Надежда, юрист наш.

Я жду продолжения, что за Катя такая к нам сразу с корабля на бал пожаловала. И Эвелина, уже заходя в лифт и нажимая на кнопку первого этажа, объясняет:

— А это Катя, девушка шефа. Он сказал ее в кафе отвести, вот и веду.

Сердце бухает вниз, я еле удерживаюсь на ногах, меня буквально окатывает ледяной водой, тысячи иголок впиваются в сердце. Становится сложно дышать, легкие отказываются проталкивать кислород, он застревает где-то в горле. Катя отрывается наконец от разглядывания себя в зеркалах и добавляет обиженным тоном:

— Я сюрприз ему хотела сделать, рванула к нему домой, а его дома нет, значит на работе, тогда и примчала сюда.

Глава 30

Я вся превращаюсь в лед, иначе никак не объяснить, как я умудряюсь спокойно стоять и улыбаться, потом выйти из лифта и выйти на улицу. Как заведенная кукла, повинуюсь заложенной программе — зайти в кафе, сесть за столик, посмотреть в меню невидящим взглядом, заказать обед, дожидаться, когда его принесут, но понять, что есть я не могу. Я вообще ничего не могу, даже дышать трудно. С трудом фокусирую взгляд на Эвелине и Кате за соседним столом, они так громко разговаривают, что я слышу каждое слово:

— А губы ты давно сделала? — спрашивает Сашина секретарша.

— Пару недель назад, иначе бы раньше прилетела, но уколола и ботокс, и губы, и гиалуронку, врач сказала, что надо сначала ей показаться, как встанет все, не улетать.

— Это правильно, красота важнее всего. Ты вся такая на люксе! Он оценит, — уверяет Катю Эвелина.

Да уж, ему будет что оценить. Катя эта — реально кукла. Мне не нравятся такие, но кто я такая, чтоб судить. Мужчинам наверно нравятся. Саша же выбрал ее.

Минуты тянутся жвачкой. А я так и сижу над тарелкой и гляжу в пустоту. Мое сердце разбито на осколки, и они режут меня изнутри.

Саша просто использовал меня, пока его девушка была в Москве, он делал вид, что я ему небезразлична. Или не делал? Никак не могу собрать в своей голове воедино картинку, она то и дело разлетается на осколки, обрывки воспоминаний. Может я все придумала себе? Я ведь не спросила его, одинок ли он, просто вообразила, что он, так же как и я, одиноко прожил все эти пять лет, пока мы были вдали друг от друга. Как я могла так наивно обмануться — не понимаю.

Но я же помню, как он на меня смотрел, такой взгляд ни с кем не спутаешь, в нем читался интерес, влюбленность. Как он обращался со мной, будто я ценность. Был внимателен, нежен, шептал про любовь и обещал больше не отпускать. И я решила, что это правда. А все оказалось враньем. Мне не верится.

Хотя как тут не верить? Одергиваю сама себя и напоминаю себе, что его девушка прилетела, вот она сидит за соседним столом, и он улетает сегодня с ней домой, в Москву, где они наверняка живут вместе в какой-нибудь роскошной квартире или даже в доме. Строят планы на будущее, спят в одной постели, целуются по утрам, когда он уходит на работу, он дарит ей подарки и цветы, она ждет его вечерами с работы или из командировки.

Просто эта его командировка затянулась, и он развлекся в выходные тайком ото всех, используя бывшую жену, то есть меня. Даже далеко ходить не пришлось, я сама упала к его ногам. Стыд захлестывает меня, обжигает щеки так, что приходится прикрыть их руками, пальцам горячо от крови, бросившейся к лицу. Сердце гулко стучит.

Память услужливо подкидывает воспоминания о том, что он просил сохранить наши отношения в тайне, прикрываясь какими-то доводами о конфликте интересов, и я согласилась с ним. Как он коварно поступил со мной, я совсем от него не ожидала. Это ведь было так подло: попросить прощения за то, что бросил меня пять лет назад, для того, чтоб переспать со мной, и бросить сейчас. Может просто не ожидал, что Катя его прилетит, думал, что там будет жить с ней, а тут — со мной? Не могу представить, что Саша способен на такое, но, кажется, я его совсем не знаю.

Мне становится так тошно, что я порывисто вскакиваю с места, и выбегаю на улицу, не видя ничего перед собой.

Дверь кафе с силой хлопает за спиной, в глазах темнеет на секунду, и я прислоняюсь плечом к колонне у входа.

Заставляю себя сделать каждый вдох, но кислород обжигает легкие, больно. Потихоньку прихожу в себя, и почти бегу дальше. Мне надо подышать, не хватает воздуха, я задыхаюсь. Как же так? Почему я так глупо доверилась ему, разве он мог меня обмануть? За что он так со мной? Столько вопросов роится в голове, и все они без ответа. В сумочке звонит телефон, нажимаю отбой, не глядя на экран. Ни с кем не хочу разговаривать. Ускоряю шаг, мне так хочется сбежать отсюда подальше, от офиса, от Саши, от Кати его и от себя. Больше всего мне хочется сейчас сбежать от себя.

Я даже не могу понять, куда и как долго я бегу, задыхаюсь, несколько раз останавливаюсь, чтобы отдышаться, и снова продолжаю свой бег, когда вдруг со всего размаху врезаюсь в мужскую фигуру. С губ уже готовы сорваться извинения, пытаюсь сделать шаг назад, поднимая глаза, но вдруг мужские руки придерживают меня за плечи, не давая отстраниться, и я слышу:

— Вот так сюрприз, Надюш!

Глава 31

— Привет, — выдыхаю я с какой-то необъяснимой благодарностью.

Я и правда очень рада встретить Макса сейчас. Он заинтересованного смотрит на меня и уточняет:

— Куда бежишь? Опаздываешь что ли? Может подбросить тебя? Я на машине. — Он неопределенно ведет подбородком в сторону, показывая, что, видимо, где-то рядом припаркована его машина.

Спустя одно мгновение в моей голове рождается план.

— Отвези меня, пожалуйста, к мосту. Мне нужен свежий воздух. — Выпаливаю я. Мне сейчас все равно, что он про меня подумает и пусть даже сочтет сумасшедшей.

Но он молча поворачивается и бросает короткое:

— Пошли.

И действительно отвозит меня к мосту. Я очень рада, что он молчит все дорогу, просто делает музыку в машине чуть громче, попытавшись завязать со мной разговор и не получив ответа на свой вопрос, который я даже не расслышала.

Паркуемся. Открываю дверцу машины и спешно выбираюсь из нее. Макс привез нас на холм над изгибом реки, с самым лучшим видом на нее, но тут всегда ветрено. Вот и сейчас порыв немедленно подхватывает мои волосы и нещадно их треплет во все стороны, они поднимаются облаком вокруг меня, лезут в глаза и рот. И совершенно неожиданно то, что мне надо собрать их и отвести в сторону, держать рукой, эти простые действия заботы о себе разбивают лед, застывший в моей душе. Как будто лопается пузырь, в котором я была последний час. Кстати, сколько времени прошло? Достая телефон, два десятка пропущенных от Саши, три — от Наташки.

Перезваниваю ей и как можно спокойней говорю:

— Наташ, извини, у меня поре пропущенных твоих, не могла ответить. Знаешь, я неважно себя чувствую, мне надо прийти в себя, поэтому я сегодня в офисе не появлюсь, прикрой меня, пожалуйста. В принципе там ничего срочного нет. Завтра буду в офисе. Сегодня не могу, прости.

— Ладно, — тянет она, и я понимаю, что завтра мне предстоит допрос, а сейчас можно заканчивать разговор.

— Спасибо, Нат, я твоя должница. — Обещаю я.

— Давай, приходи в себя, — бодро произносит она и тише добавляет: — Тут шеф, разъяренный как тигр, ищет тебя.

— Я все документы ему через пару часов по почте отправлю. На работе меня не будет, все срочные дела сделаны, несрочные все планово решаем, так что может прекращать поиски, — отрезаю я и нажимаю отбой.

Замечаю, что Макс внимательно смотрит на меня, наверно слышал, о чем я говорю. Да и все равно, какая разница? Ну слышал и слышал. Я отхожу от машины ближе к краю обрыва, где ветер еще сильнее. Дышу полной грудью здесь. Не знаю, что тому причиной: ветер, треплющий мою одежду и волосы или короткий разговор с Наташкой. Мне нравится тут.

Макс дает мне еще минут десять, залипая в своем телефоне, и только потом начинает болтать о какой-то ерунде, рассказывая городские сплетни и новости, осторожно интересуется моей работой и строительством комплекса. Я включаюсь в разговор, благодарная ему, что он не спрашивает, что со мной, отчего я бегаю по улицам, потом прошу отвезти на реку, где смотрю на волны и молчу. Про работу говорить легко, не надо объяснять, что я такая дура, и поверила Саше, а к нему приехала девушка, может быть даже

она его невеста. И я рассказываю, сколько будет построено домов, объектов инфраструктуры и дорог и как я подписывала технические условия. Макс хвалит мои успехи и задает все новые и новые вопросы, на которые я пространно отвечаю. Мы беседуем довольно долго, пока я совершенно не продрогла от ветра, и попросила отвезти меня в город.

Макс поехал какими-то окружными путями, по дороге беседуя про работу. До моего дома доехали, изрядно постояв в обычных вечерних пробках. И только припарковавшись, Макс, глядя куда-то сквозь лобовое стекло на небо, будто высматривая там что-то важное, сказал:

— Надь, ты мне нравишься, и нравилась всегда, ты же сама знаешь. Может, попробуем, а? Все равно я одинок, ты тоже вроде как свободна. У меня бизнес свой, у тебя тоже фирма. Мне кажется норм расклад, как думаешь?

Какое-то странное предложение, так сразу не могу понять, что меня в нем настораживает. Но объясняю себе, что это я просто обожглась на молоке и пытаюсь дуть на воду. А Макс в это время, в отличие от Ярлова, сразу же сказал, что он свободен, чем заработал тысячу очков в свою карму. Задумываюсь на минуту, как мне ответить.

— Думаю, что я в растерянности. Мы с тобой только про работу разговаривали, и вдруг ты говоришь, — не успеваю закончить мысль.

Он перебивает меня:

— Надь, ну конечно о делах, мы взрослые люди, поговорили о делах рабочих перешли к делам личным, — хихикает он.

— Я устала сегодня, — заявляю я, — был трудный день. Давай потом как-нибудь встретимся и поговорим?

— Давай, — с легкостью соглашается он, по-прежнему рассматривая что-то сквозь лобовое стекло и совершенно не глядя на меня. — Только давай сразу договоримся, что не надо меня игнорить, когда я звоню, ок?

Глава 32

Общаться с мужчиной, в которого ты ни капельки не влюблена, легко. Отстаивать свои границы — запросто. На выпад Макса, что я якобы должна всегда брать трубку и отвечать на его звонки, я просто сообщаю:

— Макс, давай договоримся сразу, что ты не будешь мне диктовать, что и как я должна делать? И тогда мы возможно поладим.

Он наконец отрывается от разглядывания лобового стекла и обращает свой нечитаемый взгляд на меня, легко соглашается:

— Хорошо, я тебя услышал. Давай вечером созвонимся или спишемся, у меня куча дел, извини.

Ничего не дергает меня, ну занят и занят. Вот бы я психовала, если б такое мне Саша сказал. Размышляю о преимуществах общения с Максом и выбираюсь из его машины. Стоит мне захлопнуть дверцу, он бьет по газам, и автомобиль срывается с места. Равнодушно отмечаю, что в отличие от меня, он-то как раз психанул.

Поднимаюсь в свою квартиру. На глазах выступают слезы: еще утром мы завтракали тут вместе с Сашей, мне было так тепло и хорошо в его компании. Казалось, что ему тоже. Как же недолговечно было наше счастье. Да и вообще — было ли оно нашим? Или это все была иллюзия, мое желание поверить ему, вернуть прошлое.

Квартира вдруг становится холодной и пустой. Он был тут всего одну ночь, но все тут прониклось его запахом, его голосом, смехом. Он снова разбил мне сердце. Плечусь еле-еле

на кухню, щелкая пультом, включая телевизор. Очень хочется наполнить дом звуками, тишина давит, напоминает снова и снова, что я одна, он не придет, он выбрал другую, и у них все серьезно. Но стоит включиться ТВ программе, как я понимаю, что не хочу это все слушать, и убавляю звук до невнятного бормотания.

Открываю ноут, наливая себе чай. Прекрасное средство от разбитого сердца — необходимость сдавать отчеты, писать претензии и проверять договоры. Помогает просто на ура. Через час отправляю шефу обещанные документы, и потом еще два часа вожусь с отчетом.

И только вечером достаю телефон из сумочки и вижу, что он сменил тактику. Вместо пропущенных звонков на экране горят уведомления о непрочитанных новых сообщениях. Захожу в мессенджер и читаю, восстанавливая хронологию сегодняшнего Сашиного рабочего дня.

Вот первое сообщение, о том, что он улетает.

Вот мое — с приглашением пообедать.

Спустя час после доставки моего сообщения — его извинения:

«Кисунь, прости, работы навалилось, пропустил твое сообщение, ты наверно поела уже. В любом случае, мне некогда совершенно. Надо срочно лететь в Москву, вернусь — и пообедаем, и поужинаем. Но лучше всего — позавтракаем!»

Еще спустя какое-то время:

«Ты где? Не могу до тебя дозвониться.»

«Перезвони»

«Надя, позвони мне.»

«Это срочно, набери меня, не могу дозвониться.»

Понимаю, что это наверно все написано, когда он понял, что мы с его Катей столкнулись в кафе.

Потому что градус накала снижается. Последнее сообщение отправлено три часа назад:

«Наталья сказала, что ты неважно себя чувствуешь, и на работе тебя сегодня не будет. Очень жаль. Отдыхай. Ты наверно не выспалась просто.»

От этих наглых слов притворной заботы меня захлестывает такая волна гнева, что я чуть не швыряю телефон в стену, но, к счастью, быстро спохватываюсь, что моя злость от этого никуда не растворится. И телефон в моих руках пиликает принятым сообщением:

«Получил от тебя документы, спасибо. Я уже в аэропорту. Увидимся через две недели.»

Против воли чувствую, как накатывает тоска: я скучаю по нему. По предателю, по моей беде и моей головной боли, он снова перевернул всю мою жизнь, не оставив ничего целого, растоптал все мои чувства, а теперь пишет невинные смс.

С тупой иглой, засевшей в сердце, представляю, как рядом с ним в кресле сидит его Катя, он гладит ее по щеке, уговаривает поспать, потому что долго лететь. И она засыпает, положив голову ему на плечо, а он любит ее и поправляет на ней плед, чтоб не продрогла.

Во рту собирается горечь, я так ярко это все себе нарисовала, что как будто увидела своими глазами, и мне больно и обидно видеть, что он любит другую, что они счастливы.

В одну реку не войдешь дважды, решаю я, бывший останется бывшим навсегда. Пора строить новую жизнь и новые отношения. Вот и Макс для этого отлично подходит. А то, что чувств никаких нет, так может оно и к лучшему? Вот к Саше у меня есть чувства, только ему на них наплевать, растоптал и не заметил.

Мысленно возвращаюсь к последнему сообщению, видимо, писал его, когда Катя рядом

была, больше никаких Кисунь, все в деловом тоне. Интересно, через две недели вернется с ней или ее оставит в Москве? Удобно же: она там, а тут можно заводить новые интрижки.

Мне противно даже думать об этом. Зачем откладывать решение, когда оно на поверхности? Беру в руки телефон и пишу сообщение сначала Максу:

«Спасибо за сегодня, ты меня очень выручил.»

И следом Саше:

«Не надо мне писать и звонить, все кончено.»

Глава 33

Саша

Выходные прошли чудесно, проснулись в понедельник (как и воскресенье, и в субботу) в одной постели. Ощущение от этого было правильное, весь этот мир принадлежит мне, и эта женщина — тоже моя. А если это все — мое, то, выходит, я и есть король мира.

Именно с таким чувством и проснулся, покормил Кисуню завтраком, облапал на прощанье и отбыл в офис. Где меня ждал неприятный сюрприз. В головном офисе налоговая начала проверку, мне надо было срочно лететь в Москву. Расстроился, только отношения начали налаживаться с Кисуней, а я должен улететь. А если не дождется? В прошлый же не дождалась. Одергиваю себя, что ее оговорили. Только все равно мысль не покидает — вдруг не дождется?

Но это было только начало. Часам к двенадцати прибыла Катя. Где вообще мой мозг был, когда я с ней два месяца прожил — вопрос сложный. Вероятно, не было мозга. Вообще не помню, как она появилась в моей жизни. Последние недели казалось, что она как-то пришла и осталась, а я столько работал, что и не понял, что она живет в моей квартире. Обнаружил этот факт за месяц перед отъездом на подписание контракта на строительство микрорайона. Обнаружил и сразу решил исправить. Ничего общего с ней не связывало. Эвелине сказал накануне, чтоб в ювелирном купила ей сережки какие-нибудь.

— Катя, у меня много работы, спасибо за уделенное мне время. Вот тут сережки, — протянул ей бархатную коробочку. — Уверен, они помогут тебе быстро забыть меня. Я сегодня улетаю в командировку на три дня, когда вернусь, этой коробочки тут не должно быть. И тебя тоже. Все, давай!

И укатил в командировку, прилетел — коробочки с сережками и Кати в моей квартире не было.

Я уже и забыл про нее. И вот пожалуйста — нарисовалась, не сотрешь. Стоит, ресницами своими хлопает как опахалами, губы еще больше стали, грудь, кажется, тоже. А если она лопнет как шарик однажды? Мои важные мысли прерывает ее голос:

— Саша, я соскучилась, решила прилететь. Я все понимаю, тебе надо было отдохнуть, ты уже отдохнул от меня, и я снова тут. Дай мне ключи от квартиры, я поеду домой и буду тебя ждать с работы.

Она призывно выгибается, поигрывает бровями. Наверно, в ее мыслях я сейчас должен пустить слюни. Чеканю:

— Катя, ты не поняла. Я же еще весной сказал, мы расстаемся. Это окончательное решение, ты забыла, что я сказал?

— Но мне негде жить, — вываливает она супер-аргумент.

— Домой езжай, причем тут я? — искренне удивляюсь наглости.

— Как домой? — Она возмущена. — Я к Москве привыкла. Ты со мной жил, я собиралась за тебя замуж, а сейчас решил уйти.

—Ау, ты себя слышишь вообще? Катя! Мы расстались больше трех месяцев назад. Мне без разницы, куда ты там собиралась и когда. Давай уже, иди поешь в кафе, купи обратные билеты и вперед.

Вызываю Эвелину, говорю, чтоб показала ей, где кафе и помогла билеты купить, и погружаюсь в работу. Когда выныриваю на минуту из бумаг, вижу, что Надя мне писала час назад и звала пообедать. Отвечаю, что не успеваю.

Снова ухожу с головой в графики и цифры, подписание бумаг. В документах не хватает контракта, который юристы наши готовили, по идее его сегодня Надя должна мне отдать. Набираю ее телефон, не берет трубку. Странно. Может на беззвучке стоит, и она не слышит, погружившись в работу? Набираю еще несколько раз, ответа нет. Пишу в мессенджере. Когда она не откликается и спустя полчаса, еще набираю ее раз десять, потом снова пишу. Ответа по-прежнему нет.

Иду к ней в кабинет, телефон она потеряла что ли? Однако, в кабинете ее нет. Зато нахожу ее коллегу Наталью, которая изумляется сначала моему визиту так, как будто привидение увидела, потом также изумляется факту отсутствия начальницы на рабочем месте. И брякает:

—А я думала, она у вас.

—Нет, и я понятия не имею где она, потому что на звонки она не отвечает. — Начинаю заводить, все это мне очень не нравится. — Вы не могли бы уточнить, где она?

—Хорошо,—и послушно берет телефон.

Судя по всему, игнорят тут не только меня, потому что на звонок коллеги Надя тоже не отвечает. Наталья убирает телефон от уха и удивленно смотрит на экран, идет ли звонок. Идет. Я тоже проверял. В голову лезут идиотские мысли, что ее выкрали. Отбрасываю их, мы же не в кино.

Пишу ей еще десяток сообщений, и продолжаю набирать. Через час в дверях моего кабинета появляется Наталья и сообщает, что ее начальство и моя подчиненная «неважно себя чувствует и сегодня не придет», но работа будет вся сделана, я могу не переживать.

Ладно, Кисунь, ответишь мне за это. Спать ты что ли там легла, ну могла бы и написать. Я ж понимаю, ты не выспалась, и помню отчего. Воспоминания о ночи согревают.

Целых две недели не увидимся, зато потом оторвемся. Решаю, что билеты куплю в Сочи, завалимся в гостиницу, и не будем вылезать из постели. Замелькавшие картинки, что я с ней сделаю, очень сильно мешают работать. Но смотреть их так приятно, что я забиваю на работу, и начинаю рассмотреть ее фотки в моем телефоне, думаю, какой подарок ей привезти, чего со мной вообще никогда не случилось.

Глава 34

Во вторник в офисе я не появлялась, носилась по городу, успеть надо было много где. Заключение по договору теплоснабжения строительного участка писала в кафе, попутно глотая обед, так как в офис не успевала забежать в небольшом перерыве между встречами в мэрии и встречами в кадастровой палате.

Хоть я и просила Сашу мне не писать и не звонить, он и писал и звонил. После пары пропущенных звонков, внесла его в номер в черный список, а сообщения удалила, не читая. Сердце при этом билось как крылышки калибри.

Вечером позвонил Макс, подробно расспрашивал, как прошел мой день, и чем занималась сегодня, интересовался, как строительство продвигается. Подумалось, что темы у нас с ним для разговоров в основном рабочие, как на планерке побывала. Но это может

быть оттого, что мы не встречаемся пока? Наверно, все потом изменится. Вот с Сашей мы всегда болтали на разные темы.

Вот же какая ерунда: сравниваю бывшего с тем, кто вообще даже еще и не мой парень. Грустно усмехнулась этому выводу, возникшему в голове, а пока договорились с Максом в кафе сходить на выходных.

Хоть мне и не хотелось идти на работу, где все напоминало о Саше, ответственная часть меня победила, так что в офис я приехала на полчаса раньше начала официального рабочего дня. Через десять минут появилась и Наташка, с коварной улыбкой она прошествовала к столу и заявила:

— А я, между прочим, так и знала, что ты сегодня пораньше придешь, раз вчера из дома работала. Уверена, что еще и попозже уйдешь.

— Я такая прогнозируемая? — улыбаюсь подруге.

— Ага, — вываливает все, как есть. И продолжает: — Ну, давай рассказывай, что стряслось. Что за бегство из офиса? Сначала ты на полтора дня, потом мистер Ярлов на две недели. Мне начинать беспокоится?

— Все сложно, — вздыхаю я.

— Естественно, — соглашается подруга. — И рычащий шеф, рыскающий по офису, в поисках тебя. Тут в понедельник с обеда все, прижав уши, на цыпочках ходили мимо приемной его. Одна Эвелина там восседала. Безбашенная какая-то, а может просто мозгов не хватает, чтоб осознать опасность. Она еще подругу свою какую-то притащила. Один в один как она. Может сестра-близнец кармический? — Хохочет Наташа.

— Я ее видела: такая модель с ногами от ушей, губами в пол-лица, — начинаю описывать я.

Но Наташка меня прерывает:

— Ты в своем уме вообще? Это ты модель. Ярлов твой — тоже модель. Я и то модель. — Она кокетливо поправляет волосы, — а та мымра — это кукла пластиковая, все лицо перекроенное. Детей родит, и не узнают, в кого они. Помнишь, как в той истории про китайца, у кого жена-красавица рожала страшеньких детей?

— Я помню. — Мне что-то сегодня не до шуток, поэтому сразу рублю все на корню: — Она невеста Ярлова.

— Что?? Не может быть!

— Очень даже может. Мне Эвелина сказала, что это девушка его.

— Так, стоп. Будем юристами. Мы же для этого протирали юбки и брюки в ВУЗе, — призывает она, — Девушка и невеста — это чуть разные вещи. Ну и Барби этой резиновой из приемной я бы верить не стала.

— Почему это? — Интересуюсь я.

— Да она сама слюни пускает на твоего Ярлова.

— Он не мой.

— Да? А чего мы тогда обсуждаем невест и девушек шефа? Да и он скачет как бешенный тут, пока тебя нет, и ты по телефону его игноришь. Кстати, зачем?

— Мы переспали. — Признаюсь я под сканирующим взглядом коллеги.

— Ого. Дай отойти от шока. Вроде бы ничего не предвещало, — тянет подруга, все так же пристально глядя на меня. Но не выдерживает, драматические роли ей тяжело даются, так что она смеется и говорит:

— Шучу. Не надо на меня смотреть как побитая собака. Для меня так прям ничего

удивительного. Наоборот, удивительно, что вы долго держались, от вас шарашит от обоих, как от атомной станции, когда вы рядом друг с другом.

Обезоруживающая просто прямота у подруги. За это и люблю ее.

— Шарашит, не шарашит — итог такой, что в воскресенье он ночевал у меня, а в понедельник приехала Катя. И он с ней сразу уехал в Москву на две недели. Мне кажется, что он решил, что меня можно использовать тут, а ее — там. Очень удобно жить на два города.

— Я не успеваю за твоей мыслью. Давай по порядку? — предлагает подруга. — С чего ты взяла, что он будет на два города жить? Он тебе так сказал? Он вроде бы всерьез тут обосновался как минимум на год. Офис смотри какой снял, персонал перетащил. Дальше. Ты мне скажи, что за источник информации такой — слова куклы из приемной? Ты его спросила? Что он сам говорит?

В Наташке похоже погиб прокурор: тон ее становится обличающим, брови хмурятся, того и гляди, потребует меру наказания. И я как подозреваемый номер один говорю про подозреваемого номер два

— А я не знаю, я его заблокировала.

Брови моей подруги взмывают вверх, она недоумевает:

— Что за детский сад вообще, Надь? Даже не думала, что ты на такое способна. Эмоции выключи на минутку, голову включи, а?

И пока я перевариваю ее слова, она продолжает:

— Девица эта, кстати, никуда не уехала, в приемной вчера ошивалась пол дня с Эвелиной, я видела.

Глава 35

Стучу носком туфельки по полу, жду лифт. Со спины ко мне подкралась Катя, промурлыкала почти мне в затылок:

— Доброе утро! Ты Надя, да?

Интересно, и давно мы перешли на «ты»? Оглядываюсь на нее и приветствую:

— Добрый день. Надежда Игоревна, — решаю представиться по имени-отчеству. Протягиваю руку для рукопожатия.

Но это мало помогает, потому что Катя продолжает гнуть свою линию:

— Надя, тебя Эвелина искала, документы передать от Александра Владимировича.

— Хорошо, спасибо, — сухо бросаю ей и, развернувшись от лифта, иду в приемную, чувствуя спиной пристальный взгляд.

Вчера весь вечер думала, действительно, что за детский сад, зачем я заблокировала Сашу, он все-таки не только мой бывший, от которого нервы натянуты не хуже струн, в первую очередь сейчас он мой непосредственный руководитель. Общаться гораздо проще напрямую, без передаточных звеньев, особенно, таких, как Катя эта или Эвелина.

Пока шагаю по коридору к приемной, решаю, что надо вытащить Ярлова из черного списка, и перестать на него реагировать как школьница. Уверяю себя, что я могу общаться только по делу, в итоге он должен будет принять мои правила. Никаких личных тем, сугубо официально-деловое общение. На этой оптимистичной ноте уверенности в своих силах, я на секунду замедляю шаг, достаю телефон и разблокирую Сашин номер.

Захожу в приемную, все еще держа в руках телефон, здороваюсь с секретаршей. Она смеряет меня взглядом и проникновенно сообщает:

— Надежда Игоревна, Александр Владимирович улетел в Москву.

Тоже мне новость! Он же в понедельник еще отбыл, а сегодня четверг. В недоумении смотрю на Эвелину. К чему это она вообще?

— Он вам не может дозвониться, сказал купить вам новый телефон. — Она кладет на стол коробку с новым айфоном. — Я купила. Еще вот документы вам надо посмотреть, он сказал, вам лично в руки передать. Держите.

Протягивает мне несколько листочков, а я залипаю на ее маникюр. Длинные красные острые ногти смотрятся хищно. Она продолжает:

— Я вам по-дружески хочу сказать, — понижает голос, а сама смотрит куда-то за мою спину, и я оборачиваюсь посмотреть, куда направлен ее взгляд.

Ну конечно! В дверях замерла куклой Катя, эротично выгнувшись и приняв какую-то неестественно инстаграмную позу. Выглядит она хорошо, пуговицы на блузке вот-вот брызнут в стороны на груди. Губы приоткрыты, ресницы хлопают опахалами. Что за спектакль, ради кого эта демонстрация ее привлекательности? Тем временем, Эвелина продолжает:

— Александр Владимирович планирует год прожить в вашем городе, для завершения строительства, будет тут квартиру покупать. Он не любит съемное жилье. Тем более, что Катя ребенка ждет. Это вот недавно выяснилось, и он на седьмом небе от счастья.

Катя подхватывает:

— Да, мы так влюблены, и наконец-то будем вместе жить. Ради него я готова на все. Даже пожить в этом вашем провинциальном городе. И общаться с провинциалками. Ходят слухи, что он не просто так вам телефончик купил, а в качестве компенсации за ваше время, потраченное впустую.

На меня как ушат холодной воды вылили. Что это было сейчас?

Катя и Эвелина как две змеи, танцующие смертельный для меня танец. Как только смолкает одна, сразу вступает другая. Я даже слова не могу вставить. В голове гудит, ноги ватные, все мои силы уходят на то, чтоб не сползти по стенке вниз и не разреветься.

— В общем, считайте, что телефончик — это вам подарок от шефа. — Припечатывает Эвелина.

— Я ему рожу ребеночка, и он мне подарит квартиру. Я же так его люблю, просто жить без него не могу. И ребеночек мой тоже. Ему ведь папочка очень нужен. Хоть папочка и на работе все время. И тут всякие ошиваются. — Голос Кати шипит как у змеи. Глаза сужаются. Сейчас бросится еще на меня.

Только можно уже не бросаться, я сама себя загрызу муками совести. Получается, что я — любовница почти женатого мужчины? Я чуть не оставила ребенка без отца. В эти мгновенья я так ненавижу Ярлова, что готова сама ему звонить и требовать немедленно жениться на Кате, раз ребенка ей сделал.

Катя и Эвелина видят, что их яд попадает прямо в цель, я вся горю внутри. Огромными усилиями сохраняю невозмутимость и пытаюсь сохранить лицо:

— Понятия не имею, о чем вы говорите. Нас с Александром Владимировичем связывают только рабочие отношения. Айфон мне не нужен, подарки на работе я не беру, чтобы не быть участницей очередного скандала с получением взятки. Всего вам доброго, удачной свадьбы и легкой беременности! — это максимум красноречия, на которое я сейчас способна.

И уже хочу развернуться и покинуть кабинет, как в моих руках оживает телефон. Бросаю взгляд на экран и замираю: звонит Александр Ярлов.

Глава 36

Наверное потом, спустя лет десять и океан пролитых слез, я пожалею, что отвечу на звонок. Слышать Сашин голос, который сейчас ворвется в мою жизнь, физически больно.

Но сейчас Катя заглядывает в экран телефона через мое плечо, и я быстро выбираю «ответить».

— Привет! Не мог до тебя дозвониться целую вечность.

Чувствую, что он говорит это с улыбкой. Я даже представляю, что в Москве сейчас еще раннее утро. Он наверно только проснулся, завтракает, чистит зубы, смотрит в телефон и тут вспоминает про меня.

Меня злит, что он вот так походя звонит мне. Но больше всего злит, что я думаю об этом и злюсь.

— Доброе утро! Чем обязана такому раннему звонку? — Выплескиваю на него свою агрессию.

— Надь, ты чего?

Понимаю по голосу, как на его губах стремительно вянет улыбка, он хмурится:

— Моя работа не в Москве сейчас, я по вашему времени живу. Давно уже на работе. Даже тебя уже пару раз набирал, но было все время занято, наконец прорвался к самой занятой девушке страны.

Я не понимаю, неужели ему нормально, что его Катя ждет ребенка, а он звонит мне? Нормально планировать с ней жизнь, и тут же заигрывать со мной? Холодно отвечаю:

— Ясно. Так в чем срочный вопрос?

— Ты не одна что ли? — Доходит наконец до него, что не все сейчас дома, как он, попивают кофе и называют бывшим.

Катя и Эвелина, кажется даже дышать перестали, так вслушиваются в наши слова. Обвожу их взглядом и говорю:

— Да, я в приемной. Ваша секретарша только что вручила мне ваш подарок, от которого я только что отказалась. А также документы по благоустройству строительного участка, но я их не успела еще посмотреть. Мне нужно хотя бы час времени, — бодро рапортую я, — и тогда смогу дать предварительное заключение, если необходимо письменное, то тогда полтора часа.

Вихрь чувств потихоньку улегся. Как же была проста и понятна моя жизнь, пока он снова в нее не ворвался ураганом, круша все на своем пути. Сейчас бы я сидела в своем маленьком офисе, без всяких силиконовых секретарш и беременных подруг шефа, готовилась бы к суду, попутно переговариваясь с Наташей, которая не может долго молча работать. Вечером прогулялась бы в парке по набережной, наслаждаясь теплым вечером.

А сейчас мне хочется закутаться в одеяло, спрятавшись от всего мира, и сидеть смотреть старые фильмы и есть конфеты. А лучше — просто исчезнуть. Это было бы самое правильное. Как мне теперь жить?

Чувства к Саше никуда не делись, ему стоило всего ничего все воскресить. Только как нельзя войти в одну реку дважды, так и отношения нельзя повторить. Много лет назад это была взаимная любовь и счастье, по крайней мере, я так думала. Только Саша выбрал работу, а не меня. А сейчас — он со мной изменил своей беременной невесте. И выбирает себя и свое минутное удовольствие, а не меня или Катю эту свою. Значит, что-то общее в наших отношениях тогда и сейчас все же есть: он всегда выбирает не меня.

Пока размышляю об этом пропускаю половину Сашиной речи, чего со мной раньше не

случалось. Все-таки я всегда считала себя ответственным сотрудником, и на работе должна быть в первую очередь работа, а потом уже чувства. Но Саша умеет, и всегда умел из моих чувств устроить цунами, которое я сама не контролирую.

Стыдно ужасно, и я со вздохом говорю:

— Я отвлеклась, можно повторить, что вы сказали?

Он иронично хмыкает, но спокойно повторяет все, что хотел мне поручить. Да, это самое лучшее — сохранить рабочие отношения. У нас еще десять месяцев работы впереди. С возможностью продления, — услужливо подсказывает память формулировку контакта.

— Хорошо, я все сделаю. — откликаюсь я на полученное задание от шефа.

Отмечаю про себя мелькнувшее на лице присутствующих девушек торжество и какое-то сытое удовольствие, и выхожу из приемной.

Если хочу отдыхать на выходные, то видимо сегодня работаю допоздна, да и завтра тоже. Но мне нравится, что я так загружена. Ирония в том, что причина моих бед сам же является причиной моего отвлечения от всех бед, загружая меня работой.

Сухо прощаюсь с шефом, я нажимаю отбой. И тут же пикирует уведомление о доставленном сообщении. Не задумываясь смотрю на телефон и вижу, как на экране всплывает доставленное мне от Саши сообщение «Кисуня моя, я так соскучился».

И именно оно становится моей последней каплей. Не знаю каким усилием воли, я сдерживаю крик, рвущийся из горла. Руками обхватываю горло, душу рыдания и забегаю в туалет. Не понимаю, он что, издевается?

Сквозь выступившие на глазах слезы, веду пальцем по экрану. Открываю чат и с недоумением обнаруживаю, что оказывается мое сообщение, в котором я просила больше не звонить мне и не писать, зависло, не отправилось.

Программа мессенджер уточняет у меня, хочу ли я отправить его заново или удалить. Выбираю отправить и дописываю: «Прошу используй чат для деловой переписки»

Глава 37

В туалете меня нашла Наташка, охнула, пообещала покарать виновных и отвела в кабинет. Закрыла дверь на ключ, молча налила воды, дождалась, когда я допью и спросила коротко:

— Кто?

Я непонимающее на него уставилась:

— Что «кто»?

— Кто довел? — Деловито пояснила подруга, уперев руки в бока.

— Сама дура виновата. — Голос ломается на признании. — Катя эта его беременная, бывший мой скоро папой станет. А я, получается я...

Но даже произнести не могу, что он со мной изменил девушке своей, предал и ее, и меня. И пишет мне по-прежнему как ни в чем не бывало, зовет Кисуней.

— Понятно, — медленно тянет Катя. Заглядывает мне в глаза в поисках ответов и продолжает: — Я вижу тут с наскоку не разобраться. Если это правда так, то козел твой Ярлов, и нечего по нему убиваться тогда. Ты, если захочешь, то завтра десяток таких Ярловых будут тебя добиваться.

— Он не мой! — Почему-то мозг реагирует именно на это.

— Угу, конечно. Сама-то в это веришь?

Вот умеет она вопросы задавать. Пытаюсь заглянуть внутрь себя и понимаю, что я присвоила его. За выходные эти или за время командировки в Гонконг, а может и не

отпускала никогда по-настоящему. Всегда он был мой, пусть даже с паре со словом «бывший». Открытие неприятно колет иголками сердце, смотрю на Наташку во все глаза, не в силах произнести ни слова.

Она каким-то женским чутьем это улавливает и говорит:

— Ладно, что там у тебя за бумаги? Как обычно? Шеф работой завалил? Ну давай может так: сейчас работаем, а как все сделаем, тогда идем в бар и там ты мне все рассказываешь? Или не рассказываешь, и мы просто напиваемся и танцуем на столах? — Во взгляде подруги появляется мечтательность, быстро сменяющаяся пляшущими чертятами.

— Даже не знаю, какой вариант мне предпочтительней, — откликаюсь я на нее предложение, выдавив из себя улыбку.

Когда мы заканчиваем все, что запланировано не сегодня, и, оторвавшись от бумаг и мониторов, наконец поднимаем друг на друга глаза, Наташка произносит убитым голосом:

— Что мы говорим богу баров и девичьих слез по бывшим? Мы им говорим: не сегодня.

— Не сегодня, — эхом отзываюсь я.

— Завтра даже лучше, — Наташка не из тех, кто быстро отчаивается. — В пятницу в барах веселее.

И мы разбегаемся по домам. А на утро я сваливаюсь с ангиной. Глотать совершенно невозможно. Даже дышать и то больно, говорить и вовсе не получается. Пишу Наташе сообщение, что я заболела, не смогу прийти. Чувствую себя ужасно неудобно перед подругой — второй прогул за неделю. Подумать страшно, как меня станут обсуждать коллеги, ведь никто из них не оценит, что вчера мы засиделись почти до одиннадцати вечера, да и сегодня я буду работать из дома, несмотря на болезнь.

Наташка бодро отвечает «Без проблем. Пиши, если что надо. Выздоровливай быстрее», а потом еще добавляет через пару минут «От бара все равно не отделаешься, не надейся» и присылает ухмыляющийся смайлик-чертенка с рожками.

Руки сами тянутся к чату с Сашей, открываю его, но он пустой, после моего последнего сообщения нет ничего. Я даже проверяю на всякий случай, не заблокировала ли я его снова, ведь нам сегодня придется быть на связи, потому что надо обсуждать субподрядные договоры на благоустройство и на остекление фасадов. Но нет, я не заблокировала его, просто, вероятно, в нем проснулась совесть, и он решил действительно прекратить личное общение.

Рассудок подсказывает мне, что это правильное развитие событий, так все и должно быть, и именно об этом я и просила. Но глупое сердце разрывается от боли и сожаления, что он не пишет, не пытается объяснить хоть что-то, не просит прощения. Просто пропал, как и пять лет назад. Будто отношения имеют кнопку «выкл»: нажимаешь ее, и нет больше отношений.

Горло болит невероятно, как будто его когтями дерут обезумевшие кошки. Тело пышит жаром, кажется температура продолжает лезть вверх, я просто вся горю. Холодная вода, под которой долго держу руки и умываю лицо, совсем никак не помогает: стоит мне закрыть кран, как руки в считанные мгновенья снова становятся горячими. Завариваю себе чай, но не могу проглотить даже второй глоток, горло просто огнем горит, даже слезы выступают, когда я всего лишь запиваю таблетку.

Ложусь в постель и проваливаюсь в какую-то полудрему на пол дня, изредка с усилием отрывая голову от подушки, просматриваю, что пишет Наташа, отвечаю ей.

В один из таких моментов, когда я строчу в телефоне ответ ей, сверху возникает уведомление о новом сообщении от Александра Ярлова. Сердце сразу подскакивает вверх и

гулко долбится в ушах, причем так сильно, что даже начинает кружиться голова. Открываю.

Он сегодня решил быть краток. Пишет «Ты где сейчас?»

Отвечаю, что болею дома и обещаю все сделать к понедельнику, прошу дать мне сегодня поспать.

Сообщение мгновенно загорается двумя зелеными галочками: доставлено и тут же прочитано. Но он больше ничего не пишет, и я снова проваливаюсь в сон. Из которого меня через несколько часов выдергивает настойчивый звонок в дверь.

Глава 38

Саша

С понедельника чувствую смутную тревогу, не пойму, что происходит с Кисуней, но некогда сосредотачиваться на этом. Налоговая явно неспроста начала проверку именно сейчас, в мое отсутствие, надо срочно возвращаться в Москву, причем не просто возвращаться, надо ехать хорошо подготовленным, с объяснениями и документами, чтобы комар носа не подточил, не то, что налоговая.

Во вторник прилетаю в столицу ранним утром, и сразу круговорот дел засасывает так, что голову некогда поднять.

До Нади еще не дозвониться никак, зато до Кати — запросто, если бы я ей звонил. Но я не звонил. Хотя она сама оборвала мой телефон. Уже не выдержал в итоге, и прямым текстом сказал, куда ей идти и что я с ней сделаю, если она немедленно не отбудет в указанном мной направлении — домой.

Просыпаться приходилось ежедневно в половину пятого утра, из-за разницы во времени между моим городом и Москвой, а ложиться — в двенадцать ночи или позже, чтобы хоть что-то успевать сделать и в головном офисе, а не только по поводу стройки в регионе. Голова как чумная была все дни. Пообещал себе, что высплюсь, как только вернусь к Наде, вот под бок ее положу и высплюсь. Только сначала разнос ей устрою, почему сама не звонит, почему я не могу до нее уже четвертый день дозвониться. Бесит, Надь.

Хорошенько взбеситься не успеваю, потому что вдруг неожиданно Надя отвечает на мой звонок. Только говорит как-то придушенно, на «Вы» со мной. Понимаю, что не одна, наверное, и сам тоже перехожу на деловой тон, разве что «выкаты» ей не получается.

В голове расцветает мысль, как-нибудь, когда мы будем вместе, попрошу ее на «Вы» обращаться, буду строгим начальником, а она провинившейся подчиненной. Привет, эротическая фантазия с ней в главной роли. Сил уже нет, хочу домой, к Наде.

Пишу ей текстовое сообщение «Кисуня моя, я так соскучился», вижу, что тут же прочла, но не отвечает. Объясняю это себе, что она не одна сейчас, что вот-вот она освободится и откликнется, представляю, что она напишет. Иду варить себе кофе, потом в душ, чтобы хоть чем-то занять себя, а не проверять все время телефон.

Сердце ухает вниз, как на американской горке, когда ее сообщение все же приходит. Перечитываю раз пять прежде, чем доходит смысл. Все кончено, эта мелкая зараза теперь только деловое общение предлагает поддерживать.

Что опять стряслось у нее, ее же реально одну оставлять и на полчаса нельзя, а я решил, что могу на две недели. Получил ответочку. Наказан ты, Александр Владимирович, за самонадеянность. С чего ты решил, что ждать тебя будут.

Перед мысленным взором проплывают и заместитель мой, и главный инженер, которые ей повышенное внимание оказывали, и Макс этот, свалившийся из ниоткуда на мою голову. Со злостью заодно и Катю вспоминаю. Они, что, издеваются все? Такое впечатление, что все

против нас.

И в эту минут звонит Виктор, мой заместитель. Как почувствовал, что я его тут недобрым словом вспоминаю.

Рявкаю в трубку:

— Слушаю!

Витька и не в таком виде меня знает, так что реагирует спокойно:

— И тебе не болеть! — Отвечает бодро, но после начинает запинаться и мямлить: — Тут такое дело, Сань, решил позвонить. Вижу, что ты не спишь, в сети был. Вопрос не рабочий — сразу говорю, так что можешь расслабиться.

Наоборот, именно эти слова меня и напрягают. Чуть не рычу уже:

— Что опять?

— Слушай, я просто по-дружески. Виноватым себя чувствую, хоть и вроде простил ты меня. Но вот наверно шанс по-настоящему прощение заслужить. Так бы ни за что не позвонил.

Медленно закипаю, не нравится мне в его словах примерно ничего. Не понимаю, за что извинения. В голове складывается картина, что Надю мою увел. Прощения не будет никакого, просто придушу.

— Надя? — Больше произнести ничего связного не могу. В груди разливается жар и ярость.

Он по одному слову все понимает, как я и думал, не зря сто лет знакомы. Честный друг, решил плохие вести сам первым принести.

И чуть не раздавливаю телефон в своей руке, когда друг произносит:

— Она. Так и думал, что ты из-за нее на все готов. В общем, секретарша твоя вместе с подругой Катей придумали разыграть Надю.

— Чтооо? Ничего не понимаю, какие еще розыгрыши?

— Ты не психуй сразу, потом попсикуешь. — Продолжает он: — Я случайно сегодня услышал, как они переговаривались, что расскажут Наде твоей, что Катя — твоя невеста, что беременная она, а ты полетел к свадьбе готовиться.

— Так. Сейчас же быстро выставляешь Катю из офиса. Какого черта вообще ее охрана пускает? Охране по первое число сам выдам. А ты пока Эвелине скажи, — не успевак закончить мысль.

— Погоди, — перебивает Виктор, — это не конец. Они Наде реально рассказали, тут уж я специально пошел слушать. Увидел, как в приемную ее позвали, ну и пошел за ними. Все слышно было прекрасно, дверь они не закрыли. Так что Надя теперь в курсе, что ты будущий отец и муж Кати. Я виноват, что пять лет соврал тебе, что она не ждет. Может после этого простишь? Я как шпион, бродил по офису то за Эвелиной с Катей, то за Надей твоей. Видел потом, как она рыдала. Куда ей тягаться с такими гадюками?

Решение приходит быстро. Благодарю друга, прошу его немедленно Эвелину уволить. Нажимаю отбой. Покупаю билеты домой. Один раз я уже выбрал работу. Теперь выбираю себя. Нас.

Глава 39

Не могу оторвать голову от подушки, и решаю, что я никого не жду, дверь не пойду открывать. Мне сейчас самое главное выспаться, на остальное просто нет сил. Но к трезвону добавляется еще и стук в дверь. Кто-то так колотит по ней, что я опасаюсь, как бы вовсе не выбили.

Видимо, чтобы меня доконать, начинает еще звонить и сотовый телефон. У меня еле хватает сил на то, чтобы приподняться на локтях, нашарить на тумбочке телефон, и поднести трубку к уху, нажав на «ответить», не глядя на экран. Глаза сами распахиваются, хотя до этого я все проделала с закрытыми, когда я слышу Сашин строгий голос:

— Открывай дверь, Надь! Я под дверью и знаю, что ты дома. Открой дверь или вынесу ее. Я не шучу. — Он кажется зол до крайней степени.

Еле сиплю в трубку, собрав все последние силы:

— Я болею, уходи.

Его тон мгновенно меняется:

— Кисунь, открывай. Ты сможешь. Вставай и мягкими лапками давай до двери, Кисунь.

Наверное я плохо соображаю, потому что не помню, почему мы поссорились и вообще ссорились ли мы. Помню, что я была обижена. Может, потому что он развелся со мной пять лет назад? Вроде потом был Гонконг, и я простила его. События наслаиваются одно на другое, глаза сами прикрываются горячими веками. Жарко, очень жарко. Проваливаюсь в забытие. Не понимаю сколько прошло времени — час или минута? — когда снова раздается трель звонка и стук в дверь.

Не иначе как чудом добираюсь до двери, с трудом поворачиваю замок, открывая дверь. Дальше она сама распахивается будто на слоу моушен, медленно, на грани реальности, и я чувствую, что падаю вниз. И жду удара об пол, но он не случается, меня подхватывают сильные руки.

Реальность качается вокруг меня, и в ту же секунду я чувствую знакомый запах, который окружает меня, забивается в ноздри и отравляет мозг.

— Ты приехал, — то ли говорю, то ли думаю я.

— Я приехал, — отзывается он, унося меня от двери в комнату, и спрашивает: — Ты врача вызвала? Какая у тебя температура? Горишь просто вся.

На что я только могу открыть глаза и посмотреть на него. Отчего он крепче прижимает меня к себе, и я слышу, как гулко стучит его сердце, отзываясь в моем теле бешеным ритмом.

— Не вызвала? — Не унимается он.

Прикрываю глаза, реальность уплывает. Память возвращается и подсказывает мне, что я бросила его, потому что его девушка ждет ребенка. Зачем он приехал?

Не осознаю точно, что происходит, наверно он находит градусник, и меряет мне температуру, нервничает, ругается, хлопает дверцами шкафчиков на кухне, потом приносит чай с лимоном и медом. Садится рядом со мной, как будто я маленькая девочка, и с чайной ложечки поит меня маленькими плоточками. Я морщусь, больно глотать, но он заговаривает мне зубы, увещевает:

— Давай, Кисунь, открывай маленький ротик, доставай язычок, соси лимон.

— Кисло, — морщусь я.

— Конечно кисло, — весело соглашается Саша и продолжает: — Теперь ложечку чая, он сладкий. Я скорую вызвал, у тебя температура выше сорока.

В подтверждение его слов в дверь звонят, он уходит открывать дверь, и я слышу, как он говорит в коридоре:

— Жена заболела. Температура сорок и один. Вот сюда пожалуйста мыть руки, а потом вот сюда в комнату. Лучшие лекарства выписывайте, деньги не проблема.

Когда, сделав мне жаропонижающий укол, бригада врачей уезжает, Саша склоняется

надо мной, допаивает меня чаем, и хрипло произносит:

— Вирусная ангина, Кис. Ну ты меня и напугала. Не делай так больше, ладно? — и с усмешкой продолжает: — Но мне очень понравилось смотреть, как тебе делают укол в попу. Думаю, попросить у них рецепт на уколы. Буду сам тебе ставить. Ты такая беззащитная, вся в моей власти.

Распахиваю глаза, впиваясь в него взглядом. Не могу понять: он серьезно или просто хочет вызвать меня к жизни через мое удивление его наглости? Наверно все-таки второе. Если это так, то ему удалось. Сердце стучит возмущенно, и только то, что я и так красная от высокой температуры, позволяет мне не покраснеть от его слов.

Проваливаюсь в сон, а когда открываю глаза, шторы в моей комнате закрыты, не могу понять сколько сейчас времени, и с вырвавшимся стоном, начинаю нашаривать телефон на тумбочке. Через секунду в дверях появляется Саша, интересуется:

— Ты как, Кис? Жива? Сейчас чай сделаю. Врач сказал, надо побольше теплого питья. А ты спишь по пять часов, не стал будить. Лекарства привезли уже, сейчас будем таблетки пить, горлышко лечить.

— Ты что тут делаешь? — С трудом воссоздаю картинку сегодняшнего дня в памяти.

— Играю в твоего спасителя. Вообще-то я рассчитывал, что ты будешь благодарна за свое спасение. — судя по тону, он смеется, но в голосе проскальзывают нотки тревоги.

— Спасибо, — сиплю я, обдирая горло и от этого закашливаюсь.

— Молчи лучше, — он подходит, наклоняется ко мне, и как в детстве трогает губами лоб. Чертыхается и говорит: — Ты просто горишь. Требовать от тебя рассказа сейчас бессмысленно. Пей чай и спать. Я не уйду, не надейся. Поживу пока с тобой, может научишься мне доверять.

Глава 40

Провела в постели два дня, которые слились в единый ком воспоминаний жара, боли в горле, тумана в голове, и чего-то еще неосознаваемого, какой-то тревоги что ли на самой грани сознания. Просыпалась, смотрела на закрытые днем и ночью плотные шторы, на царящий в комнате полумрак, неизменный стакан воды и лекарства на прикроватной тумбочке. Из кухни слышался приглушенный Сашин голос, когда он говорил по телефону, шум воды и хлопанье дверцами — значит готовит завтрак или обед. Как ни странно, эти звуки успокаивали меня, и я снова проваливалась в сон.

В пятницу вечером звонила Наташа, спрашивала, что принести и чем помочь, и пока я собиралась силами, чтобы что-то ей сказать, превозмогая боль в горле, Саша, стоящий рядом и наблюдавший за моими мучениями, мягко забрал телефон из моих рук и сказал в трубку:

— Наталья, добрый вечер, это Александр. Спасибо Вам за заботу, но не надо. Я сам все сделаю и организую. Да и вдруг Надежда заразная, опасно это вам, не стоит приходить.

На что верная подруга сначала поинтересовалась:

— А она точно не в заложниках? Почему сама не говорит со мной? Дайте ей трубку.

Но потом, когда он, закатив глаза, поднес трубку к моему уху, Наташка взорвалась своим фирменным:

— Вау, Надь! Ты молчи, ничего не говори. Я поняла, ты в заложниках, тебя не выпустит начальство из цепких лап. Так что я умываю руки и ухожу отдыхать. Звони если что. Ну и поправляйся побыстрее. Если хочешь, конечно, поправляться. При таком-то уходе. Я бы не захотела точно. — Голос становится мечтательным.

Смеемся обе. Верней, она смеется, а я обдираю горло рвущимся смехом, охаю от боли,

морщусь и сипло выдавливаю из себя:

— Пока, потом позвоню.

К вечеру воскресенья жар немного спал. Я проснулась от рассерженного Сашиного голоса, мне было не разобрать слов, но по интонации стало и так понятно, что ругает кого-то на чем свет стоит. Подумалось еще, что не хотела бы я сейчас оказаться на месте его собеседника.

Приподнялась на подушках, и огляделась по сторонам, когда мой взгляд упал на место на моей постели, которая должна быть заправлена по моим представлениям. Только постель была расправлена и смята. С колотящимся сердцем я вдруг ярко вспомнила, что во сне ко мне прижимался Саша, гладил по волосам, шептал, что надо потерпеть и скоро боль пройдет, приносил лекарства или воды, клал на лоб свою холодную ладонь и обтирал меня влажным полотенцем.

Память услужливо разворачивает картину и дальше, до малейших деталей напоминая про Катю его и их общие планы на ребенка. Мне становится трудно дышать, но на этот раз не от боли в горле, а от боли разбившегося сердца. Поперхнувшись воздухом, закашливаюсь, и на этот звук Саша открывает дверь в комнату и просовывает голову. Прикрыв ладонью трубку, глуша звук для телефонного собеседника, он смотрит на меня, шепотом говорит:

— погоди минутку, я сейчас освобожусь. — Кивает на телефон и снова скрывается в коридоре.

Но дверь так и остается приоткрытой, и я слышу окончание его разговора.

— Эвелина, я, кажется, ясно выразился? Мне такие болтливые на работе не нужны. Пособие тебе выплатили, билет до Москвы купили, как и твоей подруге Кате. Я вас обоих по-хорошему прошу: быстро улетайте обе. Просто на глаза мне не попадайтесь никогда! — Гремит его голос так, что даже я вжимаю голову в плечи. Но Эвелина видимо привыкшая, потому что она что-то отвечает ему, но Саша перебивает и ледяным тоном чеканит чуть ли не по слогам в трубку:

— Я все сказал. Обе — вон из офиса и из города!

После чего заглядывает в дверь и совершенно спокойно и ласково произносит:

— Проснулась, Кисунь? Выглядишь лучше намного, хотя бы взгляд уже живой, а то пугала меня расфокусированным.

Он приближается ко мне, склоняется и трогает губами лоб. Мое сердце стучит как бешенное. Я ничего не понимаю. Почему он так разговаривал с Эвелиной? Неужели из-за меня? Просто хотел скрыть, что скоро станет папой и поэтому выгнал Катю из города? Миллионы вопросов взрываются в голове, но я не успеваю задать ни одного, потому что Саша отстраняется от меня и произносит:

— Кисунь, я с самолета сразу к тебе, и от тебя не отходил все эти дни, но мне сейчас домой надо, я быстро сгоняю хотя б переодеться, завтра мне на работу. Я сейчас чай тебе принесу, а сам поеду.

Глава 41

Проходит еще два дня, прежде чем я чувствую в себе силы выйти на работу. Саша больше так и не пришел, но я не могу сказать, что я его и ждала. Правильней сказать, что я его ждала, но была уверена, что он не придет. Так что сюрприза не случилась. Я уже взрослая девочка, и все понимаю. Сюрпризы бывают редко. А приятные сюрпризы — так и вовсе раз в год, и то только у маленьких девочек на новый год. Сейчас не новый год, да и я давно выросла, так что ничего не жду.

Он, правда, звонил, но телефон стоял на беззвучном режиме и я не услышала, через пару часов он прислал сообщение, что не может приехать и потом все объяснит. Я примерно представляла, что он собирается мне объяснять. Что наш прошлый брак давно в прошлом, что мы можем быть друзьями, а может он и роль любовницы для меня заготовил — не знаю. Но он должен был быть с Катей, они вместе должны были ждать ребенка и строить свою новую прекрасную жизнь, полную любви и счастья.

При мыслях об этом, меня уже не обдавало жаром, а просто накатывала тупая тоска и отчаяние, весь мир погружался в серые краски. Я даже плакать не могла, то ли сил не было, а может быть просто выплакала уже все слезы еще в первый раз, когда он ушел от меня пять лет назад.

Когда я вышла на работу первый день после болезни, слабость была такая, что ноги немного дрожали, хоть я и стараюсь скрыть, что я болела.

Я помню, что Саша ухаживал за мной во время болезни. И я очень ему за это благодарна, но также я помню, что Катя беременна от него, а он хочет скрыть от меня этот факт. Совершенно не понимаю для чего ему это, разве что скрыть беременность ради сохранения наших отношений!

— Ты в курсе, что приемная пуста, а эйчары ищут новую помощницу или предпочтительней помощника руководителя? — поинтересовалась она, заговорщицки мне подмигнув, как только я вошла в наш кабинет.

— Да мне все равно, — равнодушно сообщила я. — Ну подумаешь, отослал свою девушку и свою секретаршу в Москву. Просто он всегда не любил показывать отношения на работе. А беременность как скроешь? Вот и отправил в другой город. Надеется наверное, что никто ничего не узнает.

— Думаешь? — спрашивает подруга, — мне кажется, ты не права. Он глаз с тебя не сводит. Змеищ двух этих он просто выгнал, потому что достали тебя. А ты ему дорога, и твое спокойствие дорого. Он выбрал тебя, понимаешь? Не Эвелину эту губасто-грудастую суперпрофессиональную. Не раздумывал, а выбрал тебя.

Слушаю ее, и на сердце становится чуточку теплее от ее слов, наверно так расцветают робкие цветы надежды. Не зря говорят, что она умирает последней. А у меня, видимо, и вовсе не умирает, это же моя суть и есть, меня даже зовут так.

— Только знаешь, мне почему-то кажется, что две эти гримзы еще где-то проявятся, не исчезнут они просто так.

— Конечно проявятся, как минимум, Катя так точно. Она же беременная от него. — Кисло соглашаюсь я.

— В смысле, Надь, ты реально веришь в эту беременность? Он безвылазно сидит тут уже три месяца, откуда ребенок? У нее бы уже живот на нос лез! — Авторитетно заявляет Наташка.

— Я ей верю. Не может человек придумать беременность. Да и Саша мне ни разу не сказал, что не он отец.

— Ты определись уже, а? — Голос подруги полон сарказма. — Где твоя хваленная логика? Он может и жил с ней, но это в прошлом. И расстались они раньше, чем вы снова повстречались. Да и вообще я видела, как он смотрит на нее и как на тебя! На нее — как на муху надоедливую, а на тебя — как на свою строго охраняемую собственность! Чувствуешь разницу?

Наташка неисправима, но мне приятно слышать ее слова, хоть я и уверена, что она

ошибается или просто хочет подсластить мне пилюлю.

Я не успеваю возразить, как у меня звонит мобильный, на экране незнакомый номер. Беру трубку, собеседник сухо интересуется, правильно ли он звонит Ярловой Надежде Игоревне и потом сообщает, что мне необходимо подождать и меня сейчас соединяет с заместителем Губернатора. Через пару минут в трубке раздается голос:

— Добрый день, Надежда Игоревна! Как ваше здоровье? — И не делая паузы для моего ответа продолжает: — У меня появилась некая личная информация касательно вашего сотрудничества с фирмой «Базис-М» и ее генеральным директором, вашим однофамильцем, — он выделяет последние слова интонацией, произнося их с нажимом, — Ярловым Александром Владимировичем. Я думаю, нам стоит обсудить ее с глазу на глаз. Поэтому ожидаю вас в четверг к двенадцати часам у здания Правительства. Вас встретит мой помощник и проводит куда следует.

Глава 42

Телефонный звонок оставляет ощущение тревоги. Рабочие вопросы заместитель Губернатора решает через своих подчиненных, последний раз мы с ним общались на подписании контракта. Тогда я была ему благодарна, что пресс-секретарь увел меня к нему от Саши.

Я помню выражение Сашиного лица и его слова «Только попробуй!», когда я шла в сторону кабинета заместителя Губернатора вместе с пресс-секретарем, но в памяти стерся наш разговор. Встреча с Сашей показалась более важным воспоминанием и была запечатлена памятью в малейших подробностях, будто подсвеченная театральными софитами, в то время как все остальное происходящее вокруг было скрыто в полумраке.

Сейчас же, когда кладу трубку, едва успев произнести на прощанье «Хорошо, поняла», прежде чем собеседник нажал на отбой, вспоминается только ощущение от нашего прошлого разговора. Какие-то скользкие полунамекы-полуугрозы. Изю всех сил напрягаю память, но, как ни стараюсь, самого разговора не могу вспомнить, потому что это и не разговор был вовсе, а вот примерно такой же монолог, не предполагающий моего участия. Мне в такой же манере как сейчас, было сказано, что за мной будут следить и у меня нет права на ошибку.

Наташа волнуется:

— Кто это был? Что такое? На тебе лица нет.

— Ковтун Игорь Степанович собственной персоной, помнишь такого?

— Ого! — чуть не присвистывает Наташка. — Вот это люди тебе звонят на мобильный. Номер сохрани на всякий случай, даже если это номер секретаря, все равно добратся проще будет при необходимости.

Понимаю, что она абсолютно права, и вношу номер в телефонную книгу, попутно решая, что звонить на этот номер я буду только в случае практически смертельной угрозы, настолько мне неприятно с ним общаться.

Смутное беспокойство перерастает отчего-то в уверенность, что об этом разговоре нужно сообщить Саше, в каких бы странных и запутанных отношениях мы не состояли. И при отсутствии отношений тоже.

Однако в приемной пусто, кабинет генерального закрыт. В дверях приемной сталкиваюсь с главным инженером, который радуется встрече со мной как ребенок, получивший новогодний подарок на месяц раньше:

— Надежда! Просто шикарно, что вы на месте. А то шеф в Москве снова решает проблемы, телефон отключен у него. Вас тоже он велел не трогать, пока вы болеете. У нас

проблема. Мы расселяли с вами старые дома, попавшие в зону строительства, а сегодня узнаем, что там еще порядка двадцати жильцов остались без расселения. Вы же понимаете какие это деньги?

— Откуда информация? — быстро включаюсь я.

— Источник надежней некуда. — язвительности в его тоне хоть отбавляй. — Сейчас почту принесли, а там представление прокуратуры на устранение нарушений.

Он протягивает мне толстую пачку документов.

После чего я практически бегу в кабинет, но в коридоре встречаю еще начальника отдела продаж, который тоже чуть не рвет на себе волосы, и хватая меня за руку, удерживая, начинает тараторить:

— Надежда Игоревна, у нас проверка по эскроу-счетам покупателей, инициированная отделом по защите прав потребителей Индустриального района города.

Остановливаюсь как вкопанная и спрашиваю его:

— А сколько всего покупателей?

— Да цифры смешные: двое всего. Мы же даже рекламу еще не давали, просто в новостях прошло, что строительство нового микрорайона ведется в городе, но это в мае было. У нас хватает средств вывести всю стройку до земли, не продавать на этапе котлована, а продавать на уровне второго-третьего этажа, то есть по идее мы в сентябре только планировали начать. А эти двое в один день появились, и были так настойчивы, оба как-то запутанно связаны с Правительством края, в общем, договоры мы подписали, деньги один заплатил полностью первоначальный взнос. У второго ипотека, тоже скорей всего не сегодня, так завтра придут. С чего вдруг проверка не понимаю.

— Ясно, — коротко бросаю я: — Давайте документы, сейчас будем разбираться во всем.

Врываюсь в свой кабинет, пересказываю проблемы Наташе, на что она говорит:

— Как думаешь, я загоняюсь, или я права, что все эти проверки и звонок тебе от заместителя Губернатора как-то связаны, но мы пока не разберемся с расселением неучтенных жильцов и проверкой по эскроу-счетам, не поймем в чем же связь?

— Мне почему-то тоже так кажется, — неохотно признаюсь я, — хоть это и звучит все крайне бредово.

Мы работаем почти до полночи. Я успеваю съездить и в прокуратуру, и в районный отдел по защите прав потребителей, поговорить там со специалистами и получить копии документов.

Подняв наконец голову от бумаг, я долго смотрю в темное небо за окном, и неожиданно в стекло начинает биться пара мотыльков. Они так летят на свет и бьются изо всех сил, что Наташа тоже поднимает глаза, переглядываемся с ней, и тут меня осеняет:

— Наташ, мне кажется, я правда совсем не уверена, что за этим всем стоит заместитель Губернатора. Похоже, мы дорогу ему перешли что ли. А дорогу мы могли перейти покрупному только в одном — выиграла тендер на строительство, который был нужен этому кому-то.

Наташка смотрит на меня неотрывно и, похоже, даже не моргает, настолько сенсационно это звучит.

— Участников тендера всего было двое, кто все условия смог соблюсти. Это наш «Базис-М» и известная местная фирма «Инвестжилстрой», но она вроде бы никак не связана с Правительством. — Продолжаю я.

— Знаешь, что, — перебивает меня Наташа, — строить предположения мы все умеем, но похоже это тот редкий случай, где нам вдвоем тут не разобраться. Надо поднимать службу безопасности, пусть ищут концы. Не может так вдруг все начаться сыпаться одновременно, кто-то за этим стоит.

Глава 43

Просыпаюсь утром четверга с колотящимся сердцем. Вчера снова работали с Наташей допоздна, зато хотя бы с проверкой по эскроу-счетам разобрались. И районный отдел по защите прав потребителей даже согласился с нашими аргументами. Хотя жалоба была написано действительно грамотно, и судя по тексту, написана отменным специалистом.

Только это был не только специалист по юриспруденции, но и специалист по «притягиваю за уши», так как эскроу-счета не доступны для пользования застройщику, то есть нашей компании.

Это было самое простое. С вновь выявленными жильцами домов, которые уже были снесены для освобождения строительной площадки пришлось повозиться, и мы пока не очень преуспели в этом. Понятно, что «Базис-М» должна всем бывшим жильцам снесенных предоставить или новое жилье или денежную компенсацию, только было непонятно откуда вдруг взялись семнадцать человек. Дома были снесены еще полгода назад. И за расселением я следила лично, потому что это было одно из условий участия в тендере на строительство, иначе бы никакой тендер не состоялся.

Так что мы работали снова до позднего вечера, складывали мозаику из обрывков документов, устали как собаки, но в понимании — откуда взялись эти люди — мы продвинулись не сильно.

Служба безопасности работала по нашему вопросу, но тоже пока безуспешно. Начальник СБ уверял меня, что все решается, и информация будет добыта, но просто сделать это за один день нереально. Скорей всего, потребуется дня три-четыре, может больше.

Так что спать я легла поздно, и сразу провалилась в сон. Снилось мне, как будто я стою на городской площади у фонтана, и вокруг меня множество людей, я озираюсь по сторонам, и ищу кого-то, заглядываю в лица, перехожу от одного человека к другому. Как вдруг на город опускается густой туман, который скрывает от меня людей и здания, оставляя лишь очертания и воспоминания.

Я не могу идти, останавливаюсь, а туман все гуще и гуще, и уже невозможно дышать. Я пытаюсь шагнуть вперед, но дикий страх держит меня на месте. Чувствую такое отчаяние от одиночества, и животный ужас от надвигающегося тумана. Наконец бегу сквозь него, но не понимаю куда бежать, виляю, сворачиваю, разворачиваюсь обратно, задыхаюсь от бега, но никак никуда не прибегу и даже понять не могу куда же я бегу.

Просыпаюсь. Сердце колотится, выбивая чечетку по моим ребрам. Нехорошее предчувствие сковывает тело. Пытаюсь понять к чему был этот сон, только ничего не приходит на ум.

Обычный кошмар, решаю я про себя по пути на работу. В офисе снова море дел закручивают в свой водоворот. Так что я чуть не опаздываю на встречу к заместителю Губернатора. Бегу по высокой лестнице к дому правительства на высоких каблуках, и сердце стучит в такт стуку каблуков по ступенькам: так же гулко и громко.

Меня встречает пресс-секретарь с натянутой фальшивой улыбкой и приветствует словами:

— Рады вас видеть в наших краях, Надежда Игоревна! Спасибо, что почтили своим

присутствием нашу скромную компанию. Я провожу вас.

Ведет меня к кабинету заместителя Губернатора на самом высоком этаже. Я знаю, из этих окон открывается потрясающий вид на город, но мне некогда сейчас любоваться видом. Чиновник не утруждает себя длинными приветствиями, он еле заметно мне кивает на мое «Добрый день!» и сразу начинает:

— Мы с вами, Надежда Игоревна, виделись в день подписания контракта на комплексную застройку микрорайона. Я вас еще думал познакомить с генеральным директором нашей компании-застройщика, которая выиграла тендер. И поразился, что у вас фамилии одинаковые. Но вы оба уверили меня, что не являетесь родственниками. Наша служба безопасности проверила данную информацию, — он делает многозначительную паузу и пристально смотрит на меня.

Я выдерживаю его взгляд, внутренне заледенев. Он продолжает:

— Данная информация подтвердилась. Однако, у нас возникли подозрения на возможный служебный роман у вас и Ярлова Александра Владимировича, что не является хорошим признаком, и должно вести к разрыву контракта, поскольку наша служба безопасности усматривает в этом конфликт интересов. Думаю, можем не доводить дело до прокуратуры, а попробуем договорить без лишних людей. Что скажете, Надежда Игоревна?

Собираю всю свою силу воли в кулак и произношу ледяным тоном:

— От меня ничего не зависит в вашей игре. Я наемный сотрудник. О факте служебного романа мне ничего не известно, удивлена, что известно вам.

Чиновник смотрит на меня как на мелкую букашку, которая возомнила себя хищником, ухмыляется и говорит:

— Видимо, я вас недооценил слегка. Давайте будем прямо говорить. От вас ничего и не требуется. Вы сейчас доносите эту информацию до Александра Владимировича, он принимает решение. Выхода у него в общем-то два: жениться на ком-то, кто не попадает под определение конфликта интересов или разорвать контракт и выплатить неустойку порядка пятидесяти миллионов рублей. Решение его. Если не выбирает ни то, ни другое, то выберу я. И тогда контракт будет расторгнут по решению прокуратуры, а там и до СИЗО недалеко.

Пока я думаю, что мне ответить на это, в диалог включается пресс-секретарь, произносящий елейным голосом:

— Надежда Игоревна, прошу вас принять два пригласительных билета на наше празднование годовщины образования края. Ждем в нетерпении вас с вашим спутником.

И в мою ладонь ложатся два тисненых золотом приглашения.

Глава 44

Выйдя из здания Правительства, решаю пройтись пешком до работы, чтобы хоть как-то привести в порядок мысли и успокоить тревогу.

Я знаю, что выберет Саша, он уже выбрал не меня. И это ужасно ранит. Но во мне еще жила какая-то робкая надежда на чудо, зароненная Наташкиными словами. Теперь же и ее нет.

Я отлично понимаю, что для Саши его бизнес — это его детище, он будет биться за него и пойдет на что угодно, лишь бы его сохранить. Да и цена слишком высока, штраф пятьдесят миллионов рублей почти наверняка означает отказ от всех действующих проектов, заморозку стройки и не выплаты по кредитам, и, как следствие, банкротство фирмы.

Не знаю, на что мы надеялись, что сможем скрыть наши отношения. Видимо, за нами явно кто-то следил, потому что и отношений толком не было, а вот информация о них в

Правительстве есть.

Думаю, что сейчас надо подойти к начальнику Сашиной службы безопасности, и, видимо, рассказать все как на духу. Может он не знает, что мы бывшие супруги с Сашей, может ему станет проще выяснить, кто стоит за жалобами в прокуратуру и отдел защиты прав потребителей, обладай он этой информацией. Мне теперь всюду видятся враги, я так напряжена и испугана, что полагаю, что мой телефон прослушивается. Поэтому убеждаю себя не звонить немедленно Саше. Все равно он скоро вернется, скажу ему лично.

На улице так душно, как будто погода повторяет мое состояние. Мне не хватает воздуха, и мысли медленно ворочаются, словно ленятся собираться в стройные ряды. Прогулка ничуть не успокоила меня, я еще больше разнервничалась.

В офисе рассказала все Наташе, и на мое удивление, она согласилась, что видимо, придется рассказывать службе безопасности про наши отношения с Сашей. Только в одном подруга спорит со мной, она считает, что прежде всего надо рассказать шефу, а потом уже начальнику СБ.

— Ладно, — наконец соглашаюсь с ней, — позвоню ему. Но мне нужно сил, я ведь и не разговаривала с ним толком с того момента, как узнала, что Катя — это его девушка и она ждет от него ребенка.

— Про силы не волнуйся, — улыбается подруга, — я знаю прекрасное средство. Это твое любимое фисташковое мороженое. Считай, что я уже за ним бегу. Ты еще будешь разговаривать, а мороженое будет уже тебя ждать. — Заверяет меня она.

Я выжидательно на нее смотрю, рассчитывая, что он вот-вот скроется за дверью, но она еще не все сказала, и продолжает:

— А вот насчет Кати этой ты очень зря. Я уже говорила тебе, что ей не стоит верить. Не понимаю, что ты так вцепилась в ее слова? И не слушаешь свое сердце? А еще лучше — своего Сашу.

— Сердце я как раз и слушаю, — говорю я, — сердце мне и подсказывает, что он выбрал не меня. Но ты права, мне надо позвонить ему. Сейчас ему будет не до моего сердца, да и нам с тобой тоже.

Наташа уходит, а я еще пару минут бездумно пялюсь в экран телефона с Сашиным контактом, прежде чем решаюсь ткнуть пальцем в «позвонить». В Москве сейчас очень раннее утро, запоздало соображаю я, но прежде чем я успеваю нажать «отбой» с мыслями, что он спит наверное еще, Саша уже берет трубку и говорит сонным голосом:

— Как приятно, Кисунь, когда меня утром будит твой звонок.

— Привет, — выдавливаю я.

— Привет, киса! — Его голос хриплый ото сна, и это вызывает во мне толпы мурашек.

— Ты один? — Глупо интересуюсь.

— Та-а-а-ак, — тянет он, откровенно веселясь, — ревнивая Кисуня опять себе чего-то надумала?

Стоп. О чем мы говорим вообще? Это все магия его сонного голоса, и картинки в моей голове, вызванные этим голосом. Как он потягивается на смятых простынях, ерошит свои волосы, лежит закинув руки за голову, щурит глаза на луч солнца, касающийся его лица и разговаривает со мной. Мое воображение готово пойти и дальше, но я останавливаю его и произношу как можно нейтральной:

— Саш, это очень важно. Это касается меня и тебя. Пожалуйста, выслушай меня и не перебивай.

Но конечно же он перебивает:

— Хорошо, я готов. Сам хотел поговорить. — Его голос больше не сонный. Он бодро продолжает: — Только сначала я, а ты не перебиваешь. А потом ты, и я не перебиваю. Иначе мы опять начнем спорить. Или, наоборот, флиртовать. И опять не поговорим, а разговор давно назрел. — В голосе Саши отчетливо слышатся властные нотки.

Я пытаюсь вставить слово и начинаю:

— Это я сна...

Но даже не могу произнести до конца «сначала», как Саша говорит:

— Успеешь, Кисунь, мы не торопимся, времени — вся жизнь. Давай про Катю. Мы с ней недолго были вместе, но расстались, прежде чем я взялся за проект. То есть даже до встречи с тобой в этом году. И уж точно она не может быть беременная от меня. Никаких семей с ней я не планировал. Она просто любила мои деньги и продолжает их любить. А я и вообще даже не помнил, как она выглядит, пока она с Эвелиной в кабинет мой не заявила пару недель назад.

Глава 45

— Знаешь, Кисунь, вообще-то, так во мне сомневаться — это что-то за гранью. То есть ты думаешь, что я провожу с тобой ночь, бегаю за тобой по Гонконгу, вытаскивая из лап главаря триады, стараюсь изо всех сил тебе понравиться, и в то же время за твоей спиной планирую жениться на силиконовой кукле без мозгов? Так ты обо мне думаешь? Что я не понимаю с кем заводить детей и выбрал в качестве матери своим детям недоразумение типа Кати? — в его словах я слышу упрек и злость на меня.

И вдруг понимаю, что они обоснованы. Саша не давал мне поводов для сомнений в его словах или действиях. Это я сама нашла этот повод, который и поводом-то назвать смешно — это слова его секретарши и Кати, а что если это действительно вранье? Мне некогда было выяснять, я была занята страданиями и своей болью от услышанного. Понимаю, что должна была спросить его сначала.

— Прости, — произношу я заплетающимся языком.

— Я в этой ситуации знаешь, что понял? Какой я был идиот, что поверил другу пять лет назад. И что ты сейчас просто мне отплатила той же монетой. Только поверила не подруге, а вообще левым девицам каким-то.

— Прости, — повторяю я вновь чуть громче.

— Да не за что прощать, Кисунь. Как раз из-за этого лучше дошло до меня, что нельзя так делать. Сначала злился, конечно, ужасно на тебя, как ты так могла поверить в такую ерунду? А потом через пять минут дошло, что я еще больше тогда накосячил. Так что будем считать — сравняли счет. — Невесело усмехается он. — Но давай больше так не будем делать оба, идет?

В его голосе столько надежды, что не могу ничего с собой поделаться и откликаюсь эхом:

— Идет.

В сердце ноет щемящая тоска, мне так тепло от его слов, как давно уже не было, я буквальное греюсь в лучах теплого солнца. И хоть он не говорит прямо ни о любви, ни о нашем будущем, в его фразеях и его голосе так много всего отзывается мне, трогает меня до глубины души, что может и не надо признаний.

Саша будто читает мои мысли и произносит тихо-тихо:

— Я тебя люблю. Соскучился ужасно, скоро прилечу уже, дождись и нормально поговорим. Эти разговоры по телефону, не видя твоего лица, без возможности прикоснуться

— чушь полная. Хочу, чтоб сразу за «я тебя люблю», я мог бы тебя целовать.

У меня заходится сердце, я понимаю, что сейчас я должна все разрушить ради него самого, для него его фирма важнее всего, это дело всей его жизни, я не могу допустить, чтоб ее обанкротили только потому, что мне нравится слышать его слова любви и нежности.

Смотрю на часы, еще чуть-чуть оттягивая время, представляю, что Наташка уже купила мороженое, и оно мне сейчас пригодится, не даст разреветься среди бела дня, зато позволит пожалеть себя самую малость, а потом начать решать свои проблемы и проблемы фирмы.

— Только не перебивай, — мы произносим эту фразу одновременно. И одновременно смеемся, но Саша раньше прекращает смеяться и начинает говорить первым:

— Я от тебя уехал в воскресенье, думал, сейчас за полчаса метнусь бегом к тебе, но, ты не поверишь, уснул. Я почти не спал, пока у тебя был, так волновался, что тебе хуже станет, пока я сплю, и я не смогу помочь, кофе литрами пил, энергетики даже пару раз бахнул. А тут зашел домой, и не помню совсем как уснул, разбудил меня звонок. Соседи звонят по квартире в Москве, говорят что грохот там у меня в квартире стоял час, потом стихло все, но сейчас их заливают. Короче, — он делает паузу, как будто собирается с силами, и наконец произносит: — оказалось, у Кати были дубликаты ключей. Она мне квартиру разнесла, больная реально. Но это бы все ерунда. Я управляющую компанию на уши поднял, порешали все по телефону. Я бы не улетел. Но тут же позвонили аудиторы наши, никак без меня налоговая проверка не проходит нормально. Пришлось срочно рвать в аэропорт. Вот завис, Кисунь, еще недельку наверно надо тут побыть. Ты только звони мне, скучаю очень, хоть и зашиваюсь совершенно. Просто звони, не по работе. Или по работе. Без разницы в общем-то. Просто голос твой слышать хочу. Все будет хорошо, Кисунь, не переживай, я все решу и примчусь. Не успеешь соскучиться даже. Сплетням только не верь разным, договорились?

— Да. — Произношу я сдавленным голосом.

И тут дверь распаивается и на пороге появляется Наташка, размахивающая ведерком с мороженым:

— Та-дам! — восклицает она, — я все принесла! Вы поговорили уже?

Она такая шумная, что ее конечно же слышит Саша за тысячи километров отсюда и смеется:

— Что там принесла твоя подруга? И как это связано с разговором со мной?

Глава 46

Набираю в легкие побольше воздуха и быстро произношу на одном дыхании:

— Саш, послушай. Я сегодня с замгубернатора встречалась, было сказано тебе передать, что есть информация, что мы с тобой встречаемся, при том, что служебный роман недопустим, так как в нашем случае он попадает под определение конфликта интересов. Передаю, что ты должен жениться на ком-то, а если не женишься, то они расторгнут госконтракт, а ты выплатишь неустойку пятьдесят миллионов. И еще мне кажется, что наши разговоры прослушиваются.

Напряженно вслушиваюсь в тишину в трубке, кажется, целую вечность, прежде чем слышу короткое Сашино:

— Ясно. Мне нужно время подумать. Сама ничего не предпринимай пока. Помни, пожалуйста, в любом случае, я тебя люблю.

— Да, — мой голос срывается, я сдавленно произношу: — Пока, Саш.

И не дождавшись ответа, нажимаю «отбой»

Слезы застилают глаза, сердце ухнуло в пропасть, но я усилием воли заставляю себя

поднять взгляд на Наташку, которая обнимает меня одной рукой, другой подвигает ко мне упаковку мороженого и говорит, что я молодец.

И когда я доедаю последнюю ложку, на экране уведомления одновременно вспыхивают два уведомления о пришедших сообщениях, одно из них от Саши, а второе от Макса.

Саша пишет, что прилетит через неделю, и все решит. Перечитываю это сообщение несколько раз, прежде чем до меня доходит, что, видимо, он согласился со мной, что разговоры прослушиваются, и сейчас мы будем говорить обтекаемо.

Сообщение от Макса в три раза длинней:

«Привет! Как ты себя чувствуешь? Надеюсь, что все ок. Мы с тобой должны были увидеться в прошлые выходные, но ты разболелась, так что давай встречу перенесем на эти выходные? Смотри, больше не болей!»

Быстро печатаю в ответ обоим короткое «ок».

Погружаюсь в работу, то и дело мысленно возвращаясь к нашему разговору с Сашей, потом к разговору в Правительстве, снова к разговору с Сашей, и так по кругу. То мне кажется, что Саша действительно придумает какой-то другой, правильный выход, кроме тех, что предложены в Администрации Губернатора.

Невесело усмехаюсь, когда неожиданно на ум приходит мысль, что как вовремя возникла Катя с известием о беременности и желании создать семью. Представляю, как Саше эта мысль тоже должна была прийти в голову. И возможно, даже показаться правильной. Это ведь так просто: набрать номер Кати и сказать, что готов жениться. Даже искать никого не надо, просто протяни руку и возьми.

И хоть мне невыносимо больно от этой мысли, глубоко внутри я понимаю, что брак с Катей — это выход, он позволит Саше сохранить фирму от банкротства.

Прогоняв целый день мысли по кругу, я так устаю, и не прихожу ни к какому выводу, кроме того, что от меня ничего не зависит, я могу только сделать вид, что никаких отношений у нас с Сашей нет, в остальном решение будет за ним. Вывод настолько простой и ошеломительный, что меня вдруг отпускает, и на душе становится легче. Решаю, что я просто буду ждать и запрещаю себе думать, просто говорю сама себе как героиня Унесенных ветром: «Я подумаю об этом завтра».

Эту же фразу я повторяю и накануне встречи с Максом, убеждая себя, что это не свидание, а встреча однокурсников. Тем не менее, не зная, чем занять свое время, я тщательно крашусь и укладываю волосы.

Макс оценивает мои старания восхищенным взглядом, приветствуя меня словами:

— Привет, красотка! Завидую сам себе, что ты со мной.

Смущаюсь, но решаю расставить все по местам сразу, и, глядя ему в лицо, произношу:

— Привет, Макс! У нас же не свидание. Мы встречаемся в одиннадцать утра и просто идем на поздний завтрак.

— Конечно, — легко соглашается он.

И мы действительно легко проводим время вместе. Макс все время расспрашивает меня о работе, я отвечаю, мне даже нравится, что мы не переходим на личные темы и он больше не смотрит оценивающе-мужским взглядом. Наш завтрак похож на деловые переговоры, и неожиданным образом это успокаивает меня.

Каждый сам оплачивает свой счет в ресторане, и, уже собираясь уходить, Макс с нечитаемым выражением лица произносит:

— Надя, а ты не могла б с Ярловым поговорить, чтоб он со мной встретился, мы бы

обсудили условия сотрудничества. Я вижу, что он может дать мне субподряд на остекление фасадов.

Не задумываясь особо, отвечаю:

— Да, конечно, я ему скажу, но боюсь, что все субподряды подписаны уже. Но я спрошу, обещаю.

И неожиданно для самой себя прошу:

— Макс, меня тут с Сашей заподозрили в отношениях. А это же конфликт интересов, поэтому я думаю, что мне стоит показать всем, что у меня есть кто-то другой. Понимаю, что это странно звучит, но не мог бы ты притвориться моим парнем

Глава 47

В глазах у Макса что-то такое мелькает, что я не могу разобрать. Но я рада, что это точно не возмущение или удивление моей просьбой. Он с интересом спрашивает:

— Притвориться? А на какой срок? И что ты понимаешь под словом «притвориться»?

Хлопаю глазами. Мне нравится, что он отнесся так по-деловому к моей странной просьбе, но я не готова ответить ни на один из его вопросов. Я сама еще не думала об этом. Произнесла сразу, как в голову пришло, не обдумав хорошенько.

Макс, не дождавшись ответа и видя замешательство на моем лице, продолжает сам:

— Помогу тебе по-дружески, даже не сомневайся. Про контракт не забудь только с Ярловым поговорить для меня. Тоже по-дружески.

Меня немного царапают его слова, но я не успеваю осознать свои чувства, потому что слышу как он говорит:

— Вряд ли за тобой следят каждую минуту, поэтому нашего свидания или букетика цветов могут не заметить. Давай сделаем вид по-настоящему. Ты переезжаешь ко мне. Не переживай, комнату тебе отдельную выделю.

Как ни странно, я понимаю, что это идеальное притворство. А Макс — хороший кандидат для того, чтоб побыть «моим парнем» пока не знаю какое количество времени. Мне даже кажется, что если я так поступлю, то, возможно, Саше не придется жениться. И эта мысль так ослепляет меня и обдает теплом, что я на секунду мечтательно прикрываю глаза. И тут же распахиваю их со словами:

— Хорошо. Когда мы это сделаем?

— Давай сегодня, зачем время тянуть, — предлагает он.

После чего я быстро достаю телефон и сообщаю Саше о своем решении. Стараюсь писать так, чтобы Саша понял, а если телефон прослушивают и читают переписки, то сообщение было бы непонятным для тех, кто это делает.

«Привет! Я помню все твои слова. И делаю все, как лучше. Уверена, ты поймешь. Все это не всерьез. Я переезжаю к Максиму сегодня».

Наблюдаю, как две галочки — уведомления о доставке — окрашиваются в зеленый цвет. Прочитал. Жду ответа, в нетерпении глядя на экран. Но ответа все нет, и мне приходится убрать телефон под раздраженный взгляд Макса. Но он быстро меняет его на озабоченный и произносит:

— Знаешь, о чем мы с тобой не подумали? О новом номере для тебя! — Он картинно хлопает себя по лбу и поясняет: — Так будет проще переписываться. Отслеживают же твой номер. Я тебе симку свою дам. Никто не будет знать, и пиши кому хочешь и что хочешь. Или даже знаешь что? — он делает паузу и всматривается в мое лицо, после чего говорит: — Лучше дам тебе свой телефон. Тогда вообще все мессенджеры и все звонки твои будут

недоступны кому не надо о них знать.

В его словах я слышу заботу и рассыпаюсь в благодарностях:

— Спасибо! Ты действительно очень помогаешь. Я даже не подумала, а ведь так реально будет правильной сделать.

Когда он дает мне новый телефон, первым делом я вбиваю в него контакт Саши и пишу ему в мессенджере: «Привет! Это Надя, у меня новый номер телефона», отправляю. Подумаю секунду, добавляю еще: «Я по тебе скучаю» и «Я свой телефон выключила».

Но ответа так и не приходит, хоть я и проверяю каждые пять минут.

Собираю дома вещи в чемодан, чтобы пережить ближайшую неделю у Макса. Долго вожусь, оттягивая время. Мне хочется получить одобрение моим решениям от Саши, и я жду ответа. Наконец решаюсь позвонить, набираю его номер дважды, но слышу только короткие гудки оба раза. Абонент занят. Решаю про себя, что видимо, он разговаривает по телефону уже долго, поэтому не прочитал еще моих сообщений. Потом освободиться и прочитает.

Долго смотрю в окно во двор, где паркуется машина Макса, который, как и обещал, заехал за мной. Телефон пиликает сообщением, я хватаю его, но тут же разочарование топит душу: это всего лишь сообщение от Макса, который интересуется долго ли мне еще, и стоит ли ему подняться. На что я отвечаю, что еще минут десять — пятнадцать, подниматься не надо, я справлюсь одна.

Снова погружаюсь в себя, чувствую какую-то неясную тревогу. Не могу разобраться, почему мне так важно одобрение Саши. Я ведь все правильно делаю. Более того, я все делаю ради него. Так почему так тревожно на сердце, и хочется закрыться на все замки, задернуть шторы, выкинуть телефоны и просидеть дома все дни до приезда Саши?

Думаю, что надо объяснить все Саше, и это действительно унимает мою тревогу, пока я пишу:

«Я тебя люблю»

Нажимаю отправить. Доставлено. Уфф, я сделала это. Впервые призналась в любви ему после развода. Эта мысль заставляет улыбнуться, на душе теплеет, и я уже смелее продолжаю:

«Я знаю, что все будет хорошо. Ведь ты обещал все решить. Я тебе верю. Верю в тебя и в нас. Я очень соскучилась, без тебя все валится из рук. Я предложила Максиму претвориться моим парнем. Он готов и предложил пожить пока у него, я согласилась. Так мы покажем, что у меня отношения с ним, а не с тобой. И это убережет тебя от расторжения контракта и выплаты неустойки. Это ненадолго. Макс — хороший друг. Кстати, он просит дать ему субподряд на остекление. Посмотри, плиз, можно ли это сделать? Он ведь так нам помогает».

Глава 48

К празднованию дня рождения края, на которое у меня два пригласительных в самый фешенебельный ресторан города, я совсем уже извелась. Саша не отвечал мне ни на одно из моих сообщений, а дозвониться до него я никак не могла, сам он тоже не звонил.

Начальник службы безопасности строительного холдинга, принадлежащего Саше, накануне праздника сообщил мне, что наконец смог дотянуться до заместителя Губернатора:

— Точно пока не могу утверждать, скорей всего в понедельник уже будет информация, — сказал он мне, — но есть основания предполагать, что наш главный конкурент в тендере, которого мы обошли и выиграли у него госконтракт в собственности у жены нашего заместителя губернатора и сестры пресс-секретаря. Поэтому они так и

заинтересованы в том, чтобы «Базис-М» сошел с дистанции.

Я выслушала это совершенно спокойно, поскольку что-то такое я и предполагала.

За день до похода в ресторан, я предупредила Макса, что у меня два пригласительных, и мы идем вместе с ним на празднование юбилея края, где мы должны с ним выглядеть как пара. Макс ухмыльнулся и сказал, что готов на все сто, лишь бы я не подвела.

Неделя пролетела как в каком-то тумане, я все ждала, что Саша прилетит в пятницу, но он не появился в офисе до вечера последнего рабочего дня, значит, не прилетел. Я очень расстроилась, но взяла себя в руки, убедила сама себя, что осталось немного подождать, и мы будем вместе.

Только червячок сомнений точил мою уверенность доводами о том, что Саша вообще-то уже неделю не общается со мной напрямую. Только я была уверена, что он очень занят, что много работы, да и вообще он не любитель общаться по телефону, предпочитая личное живое общение.

Как бы мне не хотелось закрыться в комнате, выделенной мне Максом и просидеть там до самого понедельника, в пятницу вечером я должна была показать заместителю Губернатора, что мой парень — Максим. Я сделаю это — убедила я себя.

И вот этот момент настал. Я видела нас как будто со стороны, все это происходило не со мной, ведь я должна была сыграть роль, придуманную мной же. Все началось прекрасно: мы вошли в зал и сразу привлекли внимание. Я надела красное струящееся платье в бельевом стиле, обнимающее меня как струи воды, и волнами лежащее книзу. В приглашениях был указан дресс-код, так что все были в вечерних нарядах, мой был самый скромный: никаких разрезов и декольте. Но шелк так струился по коже, что многие оглянулись, разглядывая меня, стоило мне войти в зал. Мое представление началось.

Я взяла Макса под локоть, и набравшись смелости, пошла с ним между людей, большую часть из которых составляли чиновники высокого уровня, их супруги, а также местный бомонд. Пройдя почти весь зал, я наконец заметила группу людей, среди которых стоял вице-губернатор. Мы направились туда, поприветствовали друг друга.

— Рада вам представить моего спутника, — начала свою заготовленную речь я, пока заместитель губернатора с интересом разглядывал меня и Макса.

Только он перебивает меня и заявляет довольно громко, так что на нас оглянулись даже люди за соседними столиками.

— Надежда скромничает. Сегодня я сделал ей предложение, и она конечно же согласилась. Так что она моя невеста. Официально.

Я уставилась на него во все глаза, но он резко дернул мою руку, что я покачнулась на каблуках и почти упала в его объятия под стройный хор раздающихся поздравлений.

Когда внимание к нам ослабло, я развернулась к Максиму и одними губами произнесла:

— Ты что творишь? Мы так не договаривались.

— Я подыгрываю тебе, — сказал он тихо-тихо, потом гораздо громче произнес: — Делюсь со всеми радостью, что скоро ты будешь моя жена. Мы живем вместе, пора узаконить отношения.

На нас снова оборачиваются люди, и кто-то даже поздравляет с помолвкой.

Внезапно спиной чувствую прожигающий взгляд, мне не нужно даже оборачиваться, чтоб понять, что это Саша. Все мои рецепторы настроены на него, я просто знаю, что это он. Сердце начинает гулко стучать, разгоняясь до космических скоростей за считанные мгновения. Уши закладывает, я как будто в пузырь попала, нас там двое — я и Саша — хотя я

даже не знаю, далеко ли он стоит.

Пытаюсь обернуться, но Макс обнимает меня за талию и прижимает к себе. Мне неудобно вырываться, хотя я стараюсь аккуратно снять его руку. Ищу глазами Сашу, он должен быть здесь. Надеюсь в его глазах сейчас прочитать благодарность мне за это представление.

Макс тянет меня за собой из зала, когда за спиной я слышу Сашин громкий голос. Кажется, он звучит как гром среди ясного неба, настолько неожиданно и слышно, кажется, всем присутствующим, несмотря на шум голосов.

— Добрый вечер, Надежда Игоревна! Слышу, вас поздравляют с помолвкой? Присоединяюсь к поздравлениям, а когда свадьба?

Глава 49

В его голосе столько металла, что каждое слово звучит как выстрел. Непонимающе смотрю на Сашу, перевожу взгляд на Макса, который ухмыляется и снова берет меня под локоть, заявляя:

— Сегодня не успели заявление подать, но как только будет известна дата, пригласим всех друзей и коллег.

Краем глаза отмечаю, что на нас заинтересовано смотрят и пресс-секретарь, и вице-губернатора. Я должна отыграть сцену до конца, напоминая я себе, улыбаясь Саше и пытаясь произнести глазами то, что хочет сорваться с моего языка — о том, что я соскучилась, что я люблю его, и что это все — только представление для чиновников. Не понимаю, почему Саша злится, вообще-то это я должна злиться. Это он не отвечал на мои звонки и сообщения, из-за его игнора я не смогла с ним согласовать свой план, но я хотя бы предупредила его, верней, попыталась.

Все равно отчего-то ощущаю себя как будто я совершаю непоправимую ошибку. Саша так смотрит на меня, что у меня в глазах закипают слезы. Меня качает навстречу ему, и тут наш молчаливый диалог разрывает голос заместителя губернатора:

— Как хорошо, что все здесь собрались. Александр Владимирович, давайте оставим влюбленных, у меня к вам серьезный разговор насчет конфликта интересов при заключении госконтракта.

Тут одновременно происходит сразу две вещи. Мой мир осыпается осколками, раня мое сердце, когда Саша холодно скользит взглядом по руке Макса, обнимающей меня за талию. Потом он разворачивается к выходу, роняя на ходу:

— Готов обсудить, но давайте не здесь. — И идет вперед, больше не оборачиваясь.

А Макс еще крепче обнимает меня и буквально шипит мне в ухо:

— Нам пора уходить, ты сейчас сорвешь весь план. Мы — пара, забыла? Это ведь в твоих интересах, а ты ведешь себя как влюбленная семиклассница.

После чего с силой тащит меня к противоположному выходу, я еле поспеваю за ним на своих высоких каблуках.

Едва мы выходим на улицу, Макс усаживает меня в стоящее рядом такси, и уже в машине начинает меня отчитывать как девочку:

— Ты могла сломать весь план. Реагируешь на Ярлова своего как влюбленная дура! Мы же должны были показать, что вы не пара? Я стараюсь изо всех сил, а вы мне все рушите!

— Макс, потише, — прошу я, подкрепляя свои слова умоляющим взглядом.

Он чуть сбавляет обороты, но все равно не унимается:

— Все так хорошо шло, я свадьбу нам придумал, по-моему, это был идеальный ход.

Кстати, мы реально можем пожениться, — вдруг заявляет он, пристально глядя на меня, — тогда вообще никаких сомнений ни у кого не будет, что ты — моя жена, у Ярлова — своя жена.

— Что?

— Ну поженимся давай, — повторяет он мне как двоечнице.

— Ты сошел с ума, я не планировала так далеко, — отвечаю я, удивленная его словами.

— Ладно, как знаешь. В любом случае, за нами возможно следят, поэтому поехали ко мне, а завтра решим на свежую голову, что нам делать. Запомни: я забочусь о тебе. И если ты не будешь все портить со своим Ярловым, у меня все получится.

Я молча соглашаюсь с ним, мне неловко выяснять это все на повышенных тонах при таксисте. Отворачиваюсь к окну, и вижу, что мы едем в другую от дома Макса сторону. Дома города становятся все ниже, мы приближаемся к окраине, и буквально через несколько минут вижу, что мы выезжаем на междугороднюю трассу.

Обернувшись к Максиму, спрашиваю:

— А куда это мы?

— Да я вроде говорил. Ты забыла что ли? На выходные за городом живу в своем доме, зачем менять привычки? Поедем вдвоем, там хорошо: коттеджный поселок, все очень ухоженно, воздух свежий. Хочешь, даже Ярлова своего в гости зови, заодно и поговорим. — На последней фразе голос его становится резче.

— У меня все вещи в твоей квартире, — говорю я.

— Не волнуйся, я все перевез, пока тебе в салоне укладку делали.

— Макс, ты точно не говорил. Для меня это сюрприз, не самый приятный — поездка за город. Мы вроде бы так не договаривались, — шепчу я.

— Ладно тебе, договаривались — не договаривались. Я обо всем сам позаботился, тебе понравится, это недалеко.

Машина и правда уже сворачивает к пригородному коттеджному поселку и въезжает под шлагбаум, и, проехав еще метров двести, останавливается у одного из аккуратных домиков.

Я выхожу из такси, и мы заходим с Максимом в дом. В коридоре действительно стоит мой чемодан. Мне, с одной стороны, нравится это, потому что я не осталась без своих вещей. Но с другой — он копался в моих вещах. Мне все меньше нравится моя затея притвориться парой с Максимом. Как-то уж слишком рьяно он за нее схватился. Будто это больше его план, чем мой.

Пока я замерла на пороге, раздумывая о странном поведении Макса, он уже развил бурную деятельность на кухне и громко зовет меня:

— Красотка, иди сюда. Выпьем чаю и спать.

Я иду к нему, сажусь за стол и беру чашку в руки. Запах чая очень ароматный, наверно с мятой и еще какими-то травами, с удовольствием делаю глоток. Мне нужно успокоиться и поспать. Только вкус какой-то странный у чая, совсем не мятный.

Глава 50

Саша

Смотрю в темнеющее небо, вообще ничего не понимаю. Вице-губернатор несет какую-то чушь про конфликт интересов, что я знал о нем, что он меня уничтожит. Смешно даже слушать. Я злой как тысяча чертей, нет хуже даже: я зол, как тот, кого достала эта толпа чертей. Устал жутко.

Не неделя, а сплошь отстой. Проблемы в Москве вроде и решались, но медленно. Хотя без меня вообще бы никак не решились.

С Надей вообще непонятно что происходит. После нашего последнего разговора, где я обещал приехать через неделю и все решить, от нее приходит странное сообщение, каждое слово которого въедается в мой мозг и травит кровь:

«Привет! Я помню все твои слова. И делаю все, как лучше. Уверена, ты поймешь. Все это не всерьез. Я переезжаю к Максиму сегодня».

Все. И больше никаких сообщений, дозвониться ей не могу, телефон выключен.

Орал на своих безопасников как бешенный, что не уберегли, но нет, говорят, нормально с Надеждой Игоревной все, на работу ходит, подавленной не выглядит.

Начальник службы безопасности прислал отчет еще о проделанной им по просьбе Нади работы. Я читал его и перечитывал, срачивал все детали, пока сидел в зале ожидания аэропорта.

По отчету выходило, что я хорошенько потоптал дорожку вице-губернатора края, а не просто ее перешел. Он несколько лет через фирмы своей жены и ее матери, а также фирмы родственников Пресс-секретаря получал госконтракты на строительство, и не сомневался, что и строительство микрорайона также будет за ним. Все было шито белыми нитками, торчащими то тут, то там. Схема простая и эффективная. Поэтому ему было важно любыми путями расторгнуть контракт с «Базис-М».

Пока летел в самолете, додумался до того, что не шантажируют ли Надю, это было не в ее привычке отключать телефоны и игнорировать звонки. А тут почти недельное молчание — явно неспроста.

В аэропорту меня встретили два невзрачных типа, представились сотрудниками администрации края и снова повторили то, о чем говорила Надя в последнем нашем разговоре. Даже дослушивать не стал, сказал, что в курсе уже. Вручили мне тут же пригласительные на вечер в честь дня рождения края, погрузились в серый джип и уехали. Я бешенстве таком был, что думал, зашибу кого-нибудь, кто слово еще мне скажет.

До дома доехал, планировал только душ принять и на работу, а взял и отрубился, проснулся вечером только, какой там офис, уже и на званый ужин опаздывал. Рванул туда.

Примчался. Лучше б в Москве остался, честное слово! Надя под руку с Максимом этим. Приблизился к ним, и первое что услышал — известие об их помолвке. Бред какой-то. Сюр. Но вице-губернатор потащил поговорить, вот стоим. Он о чем-то мне толкует. А мне скучно.

Я все решил, он не в курсе просто, что мне известно про его подставные фирмы, и его конфликты интересов уж похлеще моих будут. Но я не спешу его просвещать о своей информированности. Просто слушаю, ну или делаю вид, что слушаю, а сам пытаюсь срастить Надино недельное молчание, и известие о ее помолвке, да и наличие этого Максима рядом. Откуда вообще нарисовался он? Бесит, Надя!

Холодно сообщаю заместителю губернатора, что благодарен ему за его «заботу», возвращаюсь в зал в твердой решимости найти Надю и потребовать объяснений что за ерунда происходит. Но только зря трачу полчаса времени на рыскание между группами людей, прежде чем доходит, что ее тут нет.

Градус накала внутри, кажется, достигает максимума. Ощущение, что все вокруг рухнет: и работа, и личная жизнь. С удивлением понимаю, что знаю как решить рабочие проблемы, пару схем себе в голове уже прикинул что делать. Но что за проблемы у нас с Надей не догоняю совершенно. И это просто отрубает все мои рабочие схемы. Я готов биться

на нее и за нас. Но как быть, если ей это не нужно? Или я чего-то не понимаю?

Набираю раз за разом ее номер, прослушивая «Абонент недоступен». Я уже тысячу раз обрывал ее телефон, неделю недоступна. Вот только что тут была, рядом стояла. Я видел, как смотрела на меня, сам реагировал на нее, как зверь: хватать ее охота и прятать от всего мира, для себя только. Моя она, моя! Никому не позволю отобрать. Лишь бы она сама хотела. И тогда горы сверну.

Нервы звенели не хуже проводов под высоким напряжением, пока до дома добрался. Потому что сначала к ней поехал, трезвонил в дверь, но ее дома не было, да и свет в окнах не горел.

Пригрузил безопасников своих найти мне адрес Макса этого. Сделали. Поехал туда — там та же история: нет его.

И только доехал до дома, поднялся в квартиру, раздумывая что мне теперь делать, как телефон разразился трелью входящего звонка.

Глава 51

Саша

Смотрю на экран, номер незнакомый, но рука сама тянется к «ответить». Подношу трубку к уху и слышу:

— Здорово, Санек! Дела как? Нормально? Слушай сейчас внимательно. Я вообще по-хорошему хотел, но по-хорошему не получается что-то.

Убираю трубку от уха, и еще раз смотрю на экран. Судя по голосу, если я не ошибаюсь, мне звонит Макс, который продолжает:

— Я вообще субподряд хотел от тебя, по-нормальному тебе вроде предлагал, ты не захотел. Сейчас ставки подросли. Я хочу весь госконтракт на себя, ты у родни моей его из-под носа увел. Не понятно было, как с тобой совладать, ты ведь весь такой правильный, фиг найдешь, к чему придраться. А тут Надюша, просто как подарок на голову свалились мне. В общем, к чему это я все. Надя твоя у меня, если ты умный парень, а я надеюсь, что это так, то ты от госконтракта отказываешься, платишь неустойку, получаешь обратно свою бывшую жену. Если не очень умный, то забываешь этот разговор, и тогда будем по-плохому разговаривать. Двадцать четыре часа у тебя. Засекаю. Время пошло.

И прежде, чем я успеваю хоть что-то сказать, слышу в трубке короткие гудки. Дозвониться не получается, меня, похоже, в черный список внесли.

Мысль про блокировку моего номера спусковым крючком запускает воспоминание, что я тоже блокировал ведь чей-то номер. Еще весной в момент тендера и подписания контракта, мне бесконечно написывали и звонили в разное время, что я в итоге задолбался и номер отправил в бан.

Лезу в телефон, нахожу его и вывожу из черного списка. Сообщения сыпятся, как из рога изобилия. Читаю последние, и понимание бьет обухом по голове. Больно. Аж затылок начинает ломить.

Последние сообщения от Нади. Читаю их, она пишет, что любит, и что вся эта котовасия на тему пожить у Максима — это она ради меня. Ну вот как? Это не ради меня ни разу. Ради меня — это вот если б она сейчас в кровати моей лежала и спала, а еще лучше ждала меня, когда я приду. В голове рисуется в подробностях картина, как я бы вернулся сейчас с вечера по поводу юбилея края, как торопился бы улизнуть поскорей, потому что дома меня ждет она. Как открыл бы своим ключом дверь и свет не зажигал, чтоб не будить никого. Эта мысль прошивает током. Никого? Я что о детях сейчас? И понимаю, что да, я бы

хотел возвращаться домой, к жене и детям.

Беру себя в руки, выходя из мира фантазий в свою тревожную реальность. Читаю сообщения с самого начала и до конца. После чего в голове складывается пазл. Неприятный. Но хотя бы понятно, что это не Надя выбрала другого, стоило мне уехать на несколько дней. Еще понятно, что Макс — не одинокий игрок на этом поле. И вкупе с вице-губернатором и пресс-секретарем Правительства края — он реальная сила.

Похоже, реально пришел момент выбора. Или я плачу свою цену, расторгаю контракт и отдаю неустойку, и в обмен получаю Надю. Идиотский выбор. Когтями царапает мысль, что денег, вероятней всего, не будет у нас. Что я смогу ей предложить? Как она будет со мной, если фирма обанкротится? В голове взрывами звучат десятки вопросов, на которые у меня нет ни одного ответа. И контрольным выстрелом вопрос — а где она сейчас, что с ней, не навредит ли ей этот придурок?

Ладони сами сжимаются в кулаки. Надо отставить эти вопросы в стороне пока. Включить логику и здравый рассудок. Главное, чтоб она не пострадала. Сама потом выберет с кем ей быть. И готова ли она быть со мной если денег не будет.

Набираю своего зама, кратко сообщаю, что случилось, и что я планирую отказаться от контракта. Это самое сложное. Для него фирма — такое же детище, как и для меня. Столько бессонных ночей, столько сил в нее вложено. Но он принимает мое решение, соглашаясь, что это все еще будет у нас, сейчас важнее Надя.

Утром следующего дня я набираю вице губернатора и сообщаю ему о своем решении отказаться от госконтракта, по голосу слышу, как он рад, чуть не вопит от радости.

— Мое решение обусловлено тем, что сейчас же в течении пяти минут я смогу поговорить с Надей. — чеканю я: — И через час она должна быть дома.

Фирме — конец. Мне важнее моя женщина, чем деньги. Их я еще заработаю. Выбор сделан.

Глава 52

Мутное серое марево на мгновение разрывается, когда меня трясут изо всех сил. Слышу откуда-то издалека голос Макса:

— Просыпайся, ау! Саша твой требует тебя к телефону!

Но я никак не могу сосредоточиться и понять, что происходит, до меня не доходит смысл слов. Но Макс и не думает отступать и трясет меня еще сильнее:

— Эй! Подъем! Хорош прикидываться! Надо, чтоб ты Ярлову ответила, а то всем будет нехорошо.

— Ты что мне подсыпал? — произношу с трудом ворочая языком.

В мозгу всплывают воспоминания, как я пила чай, а потом — провал, ничего не помню. Последнее что врезалось в память — выпавшая из моих рук кружка.

— Да успокоительное простое, чтоб поспала ты. А то нервничаешь. — со злобой произносит он. — Ты давай просыпайся уже, некогда валяться. Нас ждут великие дела! — сам гаденько хихикает своей шуточке.

А мои глаза против воли закрываются, очень хочется снова провалиться в сон. К тому же Макс наконец перестал трясти меня за плечи и ничего не говорит. Погружаюсь в темноту, но ненадолго. Потому что Макс отстал от меня на минуту, пока ходил за телефоном, и сейчас снова дергает и сует мне в лицо телефон, требуя звонить Саше.

Губы пересохли, я еле шепчу:

— Спать хочу.

В горло как будто песка насыпали, закашливаюсь от своих же слов.

Но Макс неумолим, набрал сам Сашин номер сам, постоянно трясая меня, чтоб я очнулась и поговорила с ним.

Откуда-то очень издалека слышу родной и любимый голос:

— Надя! Надя, ты как? Что он с тобой сделал? — Саша встревожен не на шутку.

— Я не знаю, спать хочу, — выдавливаю из себя через силу. — Спать.

И снова падаю на подушку. Сон так притягательно тянет меня в свои глубины, что я не могу ему сопротивляться. Слышу Сашин голос, но уже не могу разобрать, о чем же он спрашивает.

Сил нет не то что разговаривать, но даже держать трубку. Макс ловко выхватывает телефон из моих слабеющих пальцев, и сам что-то отвечает Саше. Но и его слова ускользают от моего понимания. Сознание покидает меня.

Долго лежу с закрытыми глазами. Чувствую сквозь закрытые веки, что мне в лицо светит солнце. Пытаюсь понять, где я, не открывая глаз. Ничего не получается. Тогда начинаю пытаться вспомнить что произошло и пытаюсь сложить целую картинку из оборванных воспоминаний.

Помню, что мы были на званом ужине, помню, как Макс заявил про свадьбу, как укоризненно смотрел на меня Саша, как Макс увез меня в коттеджный поселок. Вдруг яркой вспышкой озаряет воспоминание, что я звонила Саше. Только не могла поговорить, сон просто накрывал меня с головой. За меня разговаривал Макс.

— Макс, — зову я осторожно.

Никто не откликается, и тогда я решаю, что надо открыть глаза. Это дается с трудом, веки тяжелые и опухшие, будто я рыдала сутки напролет. Вижу незнакомую обстановку, по которой понимаю, что я вероятно в больнице, в отдельной палате. На тумбочке стоит красивый букет и стакан воды. Тянусь к стакану, пить хочется невероятно, но руки меня не слушаются, пальцы не могут его удержать, он опрокидывается с грохотом, вода разливается.

Зато на шум распахивается дверь, и мне не нужно смотреть кто вошел, потому что сердце мне однозначно подсказывает, что это Саша.

Он порывисто бросается ко мне и сжимает в объятьях:

— Ну ты меня и напугала. Больше так не делай, ладно? — он на секунду отстраняется и с тревогой вглядывается в мои глаза.

Прикрываю глаза, с наслаждением дыша его запахом, покачиваясь в его руках.

— Саша. — только и могу произнести я.

— Я тут, с тобой. — Откликается он немедленно и еще крепче сжимает меня.

— Я ничего не помню. Пить хочу, принеси пожалуйста воды. — Прошу я.

Он срывается со словами:

— Конечно-конечно, подожди секунду.

И действительно появляется обратно почти молниеносно, неся мне стакан воды.

Сам садится на кровать рядом со мной, ерошит свои волосы, гладит потом по моей руке и тихо произносит:

— Я все тебе расскажу. Ты меня жуть как напугала. Отмороженный Макс этот дал тебе какие-то очень сильные снотворные препараты. Ты никак не просыпалась. В итоге он сам тебя в больницу и привез, правда сказал, что ты его подруга, и ты сама таблеток наглоталась. Потом мне позвонил и сказал, где тебя искать.

— Я не глотала никаких таблеток! — моему возмущению нет предела.

— Я знаю, милая. Я знаю, — успокаивающе говорит Саша, — мы со всем разберемся, не переживай. Главное — ты пришла в себя, и ты рядом. Сейчас домой поедem, как врач тебя отпустит. Как ты себя чувствуешь?

— Вроде нормально, — говорю я. — Домой очень хочу.

— Все будет хорошо, не волнуйся! Сейчас все решу.

Глава 53

Просыпаюсь ранним утром с пониманием, что я дома. И тут же распахиваю глаза. Рядом спит Саша, положив мне голову на живот. Пока спала не чувствовала этого, а сейчас мне становится неудобно, и завозившись, я пытаюсь аккуратно выбраться из-под него. Не очень-то это у меня получается, тем более, что одной рукой он еще и обнимает меня и прижимает к постели.

На мои слабые попытки выбраться, спустя несколько мгновений Саша с недовольным сонным стоном поднимает голову и открывает глаза. Видит меня и тут же взгляд из сонного становится пристальным. И под своим сканирующим меня взглядом интересуется:

— Как ты, Кисунь? Все спишь и спишь. Я так волновался, все ждал, когда ты проснешься, и сам отрубился.

Я и сама вижу, что он в одежде заснул, видимо, сидел на кровати и наблюдал за мной долгое время, и сон его сморил.

Мне так стыдно перед Сашей, что я это все устроила, что я так ошиблась в Максе, думала, он друг, а он как шпионку меня использовал расспрашивая о работе.

Я порывисто закрываю лицо руками и опускаю голову вниз. Волосы падают завесой, из-под них не видно, как мучительно я краснею.

— Я нормально, Саш, спасибо. — Шепчу и еще тише добавляю: — Прости меня пожалуйста, я не думала, что так все выйдет, доверяла Максy.

— Киса-киса, — с теплотой отзывается он, — за тобой нужен глаз да глаз и круглосуточный присмотр.

Упрека в его голосе не улавливается ни нотки, поэтому я поднимаю лицо и встречаюсь с его взглядом.

— Все равно прости, — настаиваю я. — Я подумала, что телефон слушают, Макс подтвердил мои предположения, что это возможно, и дал свой мобильный. Я сразу же тебе с него написала, но ты не отвечал и даже не читал. А когда я звонила, все время было занято у тебя. Так что я перестала и пытаться.

Саша материт Макса вполголоса, и потом говорит:

— Тварь он. Он мне с этого номера писал по весне, доставал меня своими «предложениями сотрудничества» бредовыми какими-то. И после десятка сообщений его идиотских, я его заблокировал. Он видимо понял, что номер в блокировке и отдал его тебе, понимая, что все, что ты напишешь до меня не дойдет. Так и вышло. — Грустно произносит он.

Я только ахаю, пытаюсь осознать произошедшее.

— А с госконтрактом что? — Спрашиваю я и невольно ежусь под Сашиним леденеющим взглядом.

— А с госконтрактом все. Расторгли мы его. — Произносит он сухо.

От неожиданности я резко сажусь в постели.

— Зачем расторгли? Мы же могли что-нибудь придумать! — Восклицаю я.

— Да нет, Кисунь, хватит. Напридумывала уже. Макс мне позвонил, сказал, что отдаст

тебя только если я контракт расторгну. Голос у него был совершенно безумный. Он оказывается дальний родственник жены вице-губернатора, поэтому всегда субподряды получал на госконтрактах. А тут получается оказался без денег.

— Саш, это же огромные деньги на неустойку, — еле могу выговорить я.

— Деньги заработаю, это ерунда. Ты должна быть в безопасности в самом правильном месте в мире. И оно вот тут, рядом со мной.

Он обнимает меня и смотрит в глаза. Мой мир сужается до его взгляда. Я вижу только его, когда произношу шепотом:

— Я тебя очень люблю.

С замиранием сердца понимаю, что мы сказали эту фразу одновременно. Оба начинаем смеяться от такой синхронности.

Вдруг Саша резко обрывает смех и еще ближе подвигается ко мне, заслоня свет, и целует меня. Поцелуй длится целую вечность, прежде чем Саша, чуть отстраняясь, хриплым голосом произносит:

— Кисунь, давай по-быстренькому в ЗАГС сгоняем? Вторая попытка должна быть удачней.

Несмотря на шуточный тон его слов, его глаза очень серьезны, буквально прошивают меня насквозь.

Момент врезается в мою память, как будто время замедлилось и растянулось. Вот мы целуемся, солнце заливают ярким светом комнату и смятую постель с белоснежным бельем. Я даже вижу пылинки, танцующие в луче света.

Со двора доносятся отголоски шума и криков детворы, гуляющей на детской площадке. Птицы шумят, сидя на ветвях ближайшей березы. Шум ее листвы наполняет комнату. Это летнее утро навсегда останется в моей памяти таким, как я его вижу сейчас.

Я с трудом сглатываю, пытаюсь унять бешенное сердцебиение, но это мне никак не удается. Поэтому я просто обнимаю его голову руками, тяну к себе и произношу почти без звука, одними губами:

— Я что-то не уверена, что хочу второй раз. Может не стоит?

Глава 54

Саша чуть не рычит на меня, глаза сверкают, сжимает меня в объятьях крепче и зловеще шепчет на ушко:

— Я тебя освободил. И злодея победил. Так что жениться надо, ты что не понимаешь? Чтоб ты была моя Муха-Цокотуха.

Он откровенно ржет надо мной:

— Все, перестану тебя звать Кисуня, будешь Муха-Цокотуха.

И хоть я была серьезна, поневоле заражаюсь его весельем. Он даже не рассматривает всерьез, что я могу отказать. Если честно, я и не хочу. Только совесть немного мучает, потому что мне кажется, что я все могу исправить, надо только как-то показать, что мы не вместе. И тогда не будет никакого конфликта интересов, отыграем все назад: переподпишем госконтракт на других условиях. Но это лучше, чем платить огромную неустойку.

И хотя я пока не говорила не слова, Саша начинает хмуриться:

— Кисунь, ты какую гадость задумала? Честно сразу говори пожалуйста. А то ты так меня спасаешь без спросу, что мне потом нужно тебя спасать. А это дорого стоит. Ты самая дорогая Кисуня на свете. — Он произносит это улыбаясь, но я вижу, что на дне его глаз притаилась грусть.

— Саш, мне очень жаль, что все из-за меня случилось, — начинаю я оправдываться вновь.

— Прекрати, — перебивает он меня, морщась, как будто лимонного сока выпил. — Я в тендер то этот полез, потому что он был в этом городе, где ты живешь. Думал, выиграю и найду тебя. Приеду к тебе такой красивый, король жизни, и ты поймешь, кого потеряла. Бросишься мне на шею. А судьба еще лучше подарок приготовила, тебя мои безопасники нашли, что твоя фирма осуществляет представительство при заключении госконтракта. Ты просто летела в мои широко расставленные сети. — Он хитро улыбается, поглаживая меня по волосам и по спине.

От его ласки мне хочется выгибать спинку и урчать, как кошке. Не зря все-таки он зовет меня Кисуней. Улыбаюсь от своих мыслей, а он в это время продолжает, вздохнув:

— Только как выяснилось, что не один я сети расставлял на тебя. Еще и Макс этот, и вице-губернатор. Ты просто как лакомый кусочек, Кисунь. Не могу тебя отпустить, давай говори уже «да», — шепчет он, уткнувшись в мои волосы и жадно вдыхая. И продолжает: — Не представляешь, как я скучал по твоему запаху. По тебе. Нет таких как ты, даже отдаленно похожих на тебя, и то нет. Ты одна такая. Я очень хочу, чтобы ты рядом со мной была. Тогда все эти испытания — ерунда. Ну подумаешь фирма обанкротится. Мы еще молоды, все еще будет у нас: и новая фирма и миллионы. Главное скажи «Да». Сейчас мне главное самое — услышать, что ты моя. Обстоятельства идиотские, кольца я не купил. Но у тебя уже есть мое, и мне нравится, что ты его носишь. — Он подносит мои пальцы к своим губам, чтобы поцеловать, и замечает, что кольца нет.

На мгновенье его взгляд темнеет, но он быстро справляется с собой, пока я говорю:

— Я и так твоя, ты же знаешь. Это ничего не меняет между нами — есть у нас штампы или бывшие мы.

Я, конечно, внутри себя знаю, что свадьба меняет все. Но я все еще верю, что могу спасти фирму, поэтому мне кажется, что если мы не будем жениться, то все еще можно как-то наладить. Мне страшно, что вдруг Саша начнет меня спустя годы винить, что именно его отношения со мной, наша любовь стали причиной разорения его фирмы. А что будет, если он разлюбит меня из-за этого?

Из моих размышлений меня вырывает звонок Наташки:

— Ты в курсе уже, да? — Начинает она без лишних предисловий. — Ярлов твой расторг все контракты. И наш с тобой по всей видимости тоже. Что будем делать? — Спрашивает она. И тут же сама предлагает: — Можем подать на «Базис — М» в суд с требованием выплаты неустойки, но что-то мне подсказывает, что после выплаты неустойки взять нам с «Базис-М» будет нечего. Что происходит вообще?

Приходится ей рассказывать наш детектив. Выслушав, удивительно притихшая Наташка изрекает:

— Да уж. И что теперь?

— Не знаю, — честно отвечаю я. — Саша предлагает замуж.

Ярлов, подслушивающий разговор, довольно зажмуривается, будто кот на сметану. Меня так и тянет к нему, чтоб взьерошить его волосы и легко коснуться губами щеки.

— Отлично! — Радует за меня подруга. — Когда свадьба?

— Она раздумывает еще соглашаться или нет, — Саша беспардонно влезает в наш с Наташей разговор.

Та охает и возмущенно вопит мне прямо в ухо:

— Что-о-о-о? Ты в своем уме вообще? Или просто хочешь нервы ему помотать? Только попробуй мне отказаться!

— Да ну тебя! Уже и так нервы достаточно истрепаны у него. — произношу.

И глядя Саше в глаза, убрав подальше телефон, произношу:

— Я говорю «Да»!

Тут же пылающий Сашин взгляд обжигает меня, что я забываю все на свете, а он забирает телефон у меня из рук, и не отрывая своих глаз от моего лица, произносит в трубку:

— Дата свадьбы будет сообщена вам позднее.

И положив трубку, интересуется у меня:

— А где твое обручальное кольцо, кстати? Почему нет на пальце?

Глава 55

— Пойдем позавтракаем в кафе? Умираю, кофе хочу. — Предлагаю я, — Потом я все тебе расскажу. После кофе.

Вообще-то мне нужна пауза. Я очень отвыкла от того, что я не одна, что рядом Саша, что он все замечает и обо всем задает вопросы, на которые не отмолчишься. Мне нужно выдохнуть, выпить кофе, тогда уже смогу говорить спокойно.

— Кофе? Отлично! — Соглашается мой бывший и будущий муж Саша. — Но ты же не надеешься, что я забуду о чем спрашивал?

— Нет, — смеюсь я, — не надеюсь. Просто хочу сначала кофе, а потом уже рассказывать.

И только встав наконец с постели, я понимаю, что собираться мне ни из чего. У Саши нет моей одежды, поэтому сначала надо ехать ко мне домой, и только потом в кофейню. По дороге в свою квартиру, я начинаю рассказ, так и не дождавшись кофе:

— Мы когда развелись, я хотела выбросить обручальное кольцо, но так и не смогла. Я сняла его в тот же день, как в ЗАГС меня позвали по телефону, чтобы я пришла и подписала твое заявление о разводе со мной. Поехала в ЗАГС на старой площади, сломала каблук, вывернула себе лодыжку, еле доковыляла до ЗАГСА, на меня сотрудница наорала, что я опоздала, и заявление не приняла, сказала, приходить в другой день. Поехала домой, выяснилось, что я соседей залила, так как забыла кран закрыть. И так всю неделю, ты не поверишь. — Я поворачиваю к нему голову, но он смотрит только на дорогу. И только по побелевшим костяшкам пальцев можно понять, что он нервничает, и что для него мои слова не просто пустой звук.

Молчим. Я набираюсь сил, чтобы произнести:

— Всю неделю мне капитально не везло, я даже не могла никак подписать на заявлении о разводе поставить, то одно, то другое. В итоге, я не выдержала, решила, что кольцо заговоренное и приносит мне удачу, и стала его изредка надевать, когда нужна была удача. Поэтому и на сделку в мае его надела, когда встретились с тобой. Обычно я его не носила. Просто вот так совпало. А потом как мы встретились, почему-то удача нужна была мне постоянно, я и стала его все время почти носить.

Чувствую, как кровь бросается к щекам. Саша не поворачивает головы, но правой рукой не глядя находит мою руку и накрывает своей, чуть сжимая ладонь.

— Кисунь, я буду рядом, — произносит хрипло.

— Саш, я знаю, что ты в это веришь, но вдруг все снова повторится?

Рассказом разбередила я свою незажившую рану от развода, снова погружаюсь в пучину неверия в любовь и счастливый конец:

— Просто любовь — это так хрупко, — делюсь с ним своими мыслями. — Вдруг опять что-то встанет между нами? Я боюсь, что мы слишком торопимся. Может еще не время? Мне кажется, что ты просто сейчас хочешь получить награду за то, что отдал свою фирму. Тебе невозможно подумать, что и фирмы нет и семья у нас может не получиться.

В машине воцаряется оглушающая тишина, и я пытаюсь немного исправить сказанное:

— Поверь, я так не думаю. Только может через год или два, или может быть пять, десять лет твоя любовь пройдет, станет привычкой, и тогда ты припомнишь мне, что потерял из-за меня. Ты не станешь упрекать, но в сердце будет точить червь сомнения — правильный ли ты сделал тогда выбор?

— Ого, Кисунь. — Наконец откликается Саша, косясь на меня. — Предсказательницей не пробовала быть? Вообще то я тебе замуж предлагаю не потому, что только что фирму просрал свою на раз-два. А потому что хочу быть рядом с тобой. Потому что не переставал любить тебя, хоть и пытался изо всех сил забыть, и одно время даже казалось, что удачно. Но не смог. Каждую сравнивал с тобой, и никто не дотягивал, никто не трогал сердца, как ты умеешь. Даже не бесил так никто, как ты меня сейчас бесишь. Нереально просто бесишь! — говорит он в сердцах.

— Я просто пытаюсь быть откровенной. — отвечаю твердо. — Решила для себя, что наши недомолвки нам дорого стоят. Потому что молчание ничего не решает, а только позволяет другому надумать то, чего и нет на самом деле. Так что да, наверно это тяжело слышать тебе, но я буду откровенна. И в ответ тоже прошу откровенности. Даже если мне будет больно ее слышать, я хочу знать правду из первых рук, от тебя самого.

На этих словах Саша ловко паркует машину на переполненной парковке моего двора. Быстро отщелкивает ремень безопасности и разворачивается ко мне со словами:

— Правду? Ты хочешь правду? Уверена?

Его тон немного взвинчен. Но я решаю идти до конца, поэтому просто смотрю в его потемневшие глаза, сглатываю и тихонечко киваю, одновременно опуская ресницы вниз.

— Ладно. — произносит он уже спокойнее. — Правда в том, что я же сказал тебе никаких действий без меня не предпринимать, а ты потащила жить к этому Макс, придумала свадьбу с ним. А он и рад стараться, давай тебе подсыпать снотворное. Бесит! Ты вообще понимаешь, как ты рисковала?

— Я ради тебя, — шепчу я, понимая как по-идиотски это звучит.

— Ради меня? Seriously? Просто представь, что я бы ради тебя потащился бы жить к Кате, а потом всем про свадьбу с ней стал сообщать. Нормально? Ты б оценила? Наверно прониклась бы любовью и доверием?

Глава 56

— Вряд ли. — тихо соглашаюсь я, вдруг в красках представляя, что бы я сама подумала и представила, окажись на Сашином месте. — Я так рада, что ты понял все правильно. Я очень виновата, так хотела помочь тебе, что получается все из-за меня и произошло. Я не хотела, прости.

— Да уж, Кисунь, — примирительно говорит он, — Будем учиться как-то слышать друг друга и сначала разговаривать, прежде чем делать что-то. Будем считать, статус-кво восстановлен: сначала я создал фирму, расставшись с тобой, теперь, когда ты рядом, я фирму потерял.

Внимательно всматриваюсь в его лицо, понимая, как сложно ему даже слова о потере контракта и разорении фирмы даются. Меж бровей залегли глубокие морщины, взгляд

потухший.

— Прости. — повторяю я, стараясь вложить в это простое слово все свои сожаления. И после воцарившейся паузы продолжаю: — Благими намерениями выложена дорога в ад. Только похоже, я выложила дорогу для тебя, желая тебе помочь.

— Проехали, Кис. — неожиданно бодро говорит он. — Давай проведем сегодняшний день вместе. Радостно. Завтра будем проблемы решать. Как-нибудь вырулим. В офисе и обсудим, ты пока еще работаешь на меня. А сегодня — выходной. Все остальное — завтра. В конце концов, это не конец жизни.

— Не конец, — эхом повторяю за ним.

И выхожу из машины, где Саша остается ждать меня со словами:

— Иди одна, я подожду тут. Если я поднимусь, то до кофе мы доберемся не скоро.

В его взгляде столько горячих обещаний, что у меня начинает бешено колотиться сердце и потеют ладошки. Может подняться вдвоем — не такая уж плохая идея? И кофе подождет. Примерно до завтра.

Наверно, Саша умеет читать по моему лицу, потому что он улыбается и хрипло говорит:

— Давай, Кисунь, не тупи. Поехали уже за кофе, раньше начнем, быстрее вернемся. — Поторапливает он меня.

После чего я взлетаю по лестнице за пару мгновений. Сердце и не думает замедлять свой бешенный ритм. Колотится где-то в горле с такой силой, что даже каждую новую порцию вдыхаемого кислорода надо проталкивать с силой из-за чего получается шумно дышать.

Мои сборы похожи на метания. Хватаю то одну вещь, то другую, то решаю помыть волосы, то передумываю, ведь их будет долго сушить. Наконец после пяти минут сборов, которые ни к чему так и не приводят, я останавливаюсь и подхожу к окну.

Внизу стоит Сашина машина. Он вышел, облокотился на нее, и просто смотрит по сторонам. И вдруг, будто почувствовав мой взгляд, поднимает лицо и глядит прямо на меня. Улыбается и машет рукой. В его жесте столько радости, что меня неожиданно это успокаивает. Я тоже машу ему ладошкой из-за стекла. Сашино ли веселое настроение настолько заразительно для меня, или просто шарашат мои гормоны в его присутствии, но чувствую, что хочется выбежать на балкон и кричать на весь мир, что я люблю его.

Усмехнувшись своим желанием, я все-таки начинаю собираться.

Уже в дверях я останавливаюсь и возвращаюсь в комнату, чтобы взять и надеть свое обручальное кольцо. Оно приносит мне счастье, да и Саше приятно будет. Так я говорю себе, хотя отлично знаю, что мне и самой до безумия приятно носить его.

Понимаю правильность своего решения, когда спустившись, целуя его, извиняюсь за свое долгое отсутствие. Он берет мою ладошку в свою, подносит к губам и целует сначала каждый пальчик, а потом и обручальное кольцо.

— Непросто в этом сознаваться, я ведь большой и грозный босс, — усмехается он, — но знаешь, я загадал. Верней, как-то сама эта мысль в голову залетела. Что если ты оденешь обручальное кольцо, то все хорошо у меня будет. Вот прям все, понимаешь?

Сашины глаза лучатся весельем. Я порывисто обнимаю его и хитро шепчу на ушко:

— Я свою часть работы выполнила: кольцо надела. Теперь твоя очередь. Что ты будешь делать, чтоб все было хорошо?

— Садись, Кисунь, расскажу. А будешь хорошо себя вести, и покажу тоже, — отвечает он мне в тон, поигрывая бровями.

Заводит мотор, и мы плавно выкруливаем из двора. Саше не надо спрашивать куда ехать, чтоб взять верное направление. Он знает, что ничего не изменилось за прошедшие пять лет, кофейня наша с ним одна на двоих любимая.

— Ехать недалеко, — начинает он, — Поэтому обещаний будет немного.

И после этих слов, находит своей рукой мою руку, переплетает наши пальцы и, понизив голос, говорит:

— Моя часть сделки. Я обещаю всегда тебя слышать. Не слушать других, когда они несут чушь про нас или про тебя. Надеюсь, и ты тоже поняла на примере Кати, что не все слова про меня, беременности от меня и тому подобное являются правдой?

Он мельком бросает взгляд на меня, когда я изо всех сил киваю, подтверждая правоту его слов. Тогда он продолжает:

— Значит, договорись. Будем доверять друг другу, а потом уже всем остальным. Еще я буду тебя любить. Носить на руках, если захочешь. Считаться с твоим мнением. Еще я очень хочу выполнять все твои желания. От самых мелких — вроде вот этого, что сейчас: выпить кофе и поговорить. До самых заветных. Очень хочу знать обо всех твоих желаниях. Расскажешь?

Глава 57

Кофе пьем в молчании, Саша злится, что своим желанием я назвала то, чтоб его фирма не обанкротилась и продолжила выполнять госконтракт.

— Надь, мы же проехали вроде уже? Выбор сделан, соглашение о расторжении я подписал. Уверен, что в правительстве при всяческом содействии замгубернатора, уже тоже все подписали. — говорит мне он на мои слова. — Я вообще-то надеялся, что ты скажешь что-нибудь более женское что ли. Свадьбу и свадебное путешествие на Мальдивы, родить близнецов, а лучше тройняшек, ну не знаю, розовый кадиллак что ли.

— Ты же знаешь, что это все не про меня. Я очень сильно переживаю, что тебе пришлось выбирать между мной и делом всей твоей жизни.

— А я рад, что мне пришлось выбирать, и я выбрал женщину — любовь всей моей жизни! — Отрубает он.

В машине воцаряется молчание, длящееся всю поездку и растянувшееся на наш завтрак в кафе.

Саша первым нарушает тишину:

— Кисунь, ну давай не будем ссориться.

— Мы не ссорились, — парирую я. — Я просто сказала свое мнение. Озвучила мечту, как ты и просил.

Он на секунду замирает, внимательно глядя на меня, потом на его лице расцветает ехидная улыбка:

— За это наверно тебя и люблю, мисс несгибаемая честность, — произносит он полушутя, полусерьезно. — Я понимаю, что ты хочешь, и наши желания совпадают. Мне тоже жаль, это не первый крупный проект, но в настоящее время — единственный. Так что выплата неустройки за расторжение контракта приведет к тому, что на счетах будет пусто, значит мы не сможем расплатиться с кредиторами, и это почти стопроцентно приведет к банкротству. Так что несмотря на наши желания, все будет именно так.

Тянусь к нему за поцелуем, время как будто замирает. Решаю, что пока мы тут в тени раскидистых деревьев, сидим в кафе и пьем свой кофе, мы имеем право пожить здесь и сейчас, насладиться моментом. Тут Саша прав. Только не верю его «проехали»- завтра будет

новый день, и проблемы будут валиться как из прохудившегося кармана мелочь. Сегодня же нас спасает от этого выключенные у нас обоих телефоны.

Этот день наш, мы не будем его портить ничем. В наших силах прожить его как последний день перед надвигающейся бурей. А что она будет ни он, ни я не сомневаемся ни на секунду.

Видимо, Саша думает о том же, и приходит к такому же выводу: этот день наш. Потому что глубокие морщины, залегшие между его бровей, понемногу разглаживаются, и он накрывает своей ладонью мою руку, чуть сжимая ее. Сам наклоняется ко мне и шепчет, что любит меня и что я самая — самая красивая. И пока я млею от его слов, он добавляет вдруг севшим голосом:

— Думать ни о чем больше не могу, очень хочется утащить тебя в свою берлогу, спрятать от всех и не выпускать никогда. Ты не представляешь, что ты со мной делаешь. И что ты для меня значишь.

— Саш, смотрят же, — я озираюсь по сторонам, волнуясь, что нас кто-нибудь увидит.

— Да и пусть сдохнут все от зависти, что ты моя. Должны же быть плюсы в этом всем. Нет контракта, нет фирмы — можно не переживать про конфликты интересов и прочую фигню, — совершенно безбашенно заявляет он.

Расплачиваемся, и, взявшись за руки, уходим из кафе. Саша гонит машину, превышая скорость, благо, что пустынные воскресно-летние улицы города это позволяют.

— Хочу побыстрее затащить тебя в постель, — даже не думает он скрывать свои тайные мысли.

— Эй, а как же завтра на работу? — пытаюсь я вернуть его благоразумие.

— Ну нет, я не в силах сейчас везти тебя домой за вещами на завтра, давай с утра и заедем, не сейчас, — рычит он так, что я быстро соглашаюсь, и краснею. Это так непривычно — планировать среди бела дня оказаться с ним в постели. Но так приятно и горячо, что кружится голова. Между нами словно разряды тока бегут, постреливают в моих кончиках пальцев, откликаются сбившимся сердечным ритмом.

Целоваться мы начинаем сразу, как только Саша глушит мотор во дворе своего дома. С трудом оторвавшись от него, я прошу:

— Пойдем домой.

И мы снова целуемся. Потом он целует меня, пока мы ждем лифта, и в лифте, а потом еще на лестничном пролете, едва выйдя из дверей. Не можем пройти ни ступеньки, потому что это невозможно оторвать мои руки от его широкой спины, невозможно разорвать объятия и прекратить поцелуй.

Даже не помню, как мы все-таки преодолеваем все ступени, открываем дверь и оказываемся дома. Потому что его руки везде, стискивают меня, гладят нежно и требовательно одновременно, губы целуют меня и шепчут мне ласковые слова, от которых я таю и теряю голову. Отвечаю ему тем же. Будто не было этих пяти лет, что мы были врозь и далеко друг от друга. Наконец-то все правильно и все как надо. Саша относит меня на руках в постель, роняет на подушки и падает рядом, заявляя:

— Ты моя. Никому не отдам.

И целует в подкрепление своих слов так глубоко и нежно, что у меня перехватывает дыхание. Мне приходится отдышаться прежде, чем я могу ответить:

— Я никуда не денусь.

Наслаждаемся друг другом до утра, засыпая только, когда на улице начинает светлеть

темное ночное небо.

А просыпаюсь я одна.

Глава 58

Не сразу понимаю который час, глядя в серость за окном. Не выдержав, тянусь за смартфоном, и он тут же оживает звуком входящего сообщения, будто только и ждал, когда я проснусь, чтоб его доставить.

Мельком глянув на время ужасаюсь, что уже пол одиннадцатого, и, выходит, я безбожно проспала. Вскакивая с кровати, и несусь на кухню, но в квартира пуста. На кухонном столе нахожу записку: «Ты так сладко спала, что решил тебя не будить. Жду в офисе, как проснешься». Чувствую легкий укол разочарования, что оставил меня одну и одновременно с ним благодарность, что позволил мне выспаться.

Начинаю спешно и суматошно собираться, чтоб выскочить из дома как можно скорей, попутно заказываю себе такси. И уже в машине начинаю читать скопившиеся сообщения. Последнее оказывается от Саши: «Кисунь, не уверен, что ты проснулась, поэтому решил не звонить. Мне срочно надо в Москву на три-четыре дня. Я уже в самолете. Люблю тебя».

Тут же набираю его номер, но он уже недоступен. С тоской понимаю, что ближайшие часов семь, а может и восемь он будет недоступен.

Офис гудит как растревоженный медведем улей. К моему счастью, никто меня не останавливает и не спрашивает что же произошло, и почему генеральный директор расторг контракт. Может быть, все невероятно тактичные, а может просто не знают причину.

В кабинет пробираюсь на трясущихся ногах, так всеобщая паника отражается и на мне, заставляя нервничать и суетиться. Никто не замечает не только моего опоздания, но и вообще меня, чему я несказанно рада.

Только сажусь за свой стол, на меня насадет Наташка, требующая подробного рассказа. И восклицающая в конце:

— Должен же быть какой-то выход! Это просто шантаж, за это наказание предусмотрено уголовным кодексом! — Распаляется подруга. — Поверить не могу, что шеф готов такое спустить на тормозах. Да и вообще, безопасники неужели наши будут сидеть сложа руки?

— Кстати, это надо обдумать, — вдруг нащупываю в своей голове мелькнувшую мысль.

Почти бегу к начальнику службы безопасности, который слегка остужает мой пыл. Но начинает смотреть с зарождающимся уважением, пока я излагаю свои соображения.

День подходит к концу, когда наконец самолет Саши приземляется в Москве, и он звонит мне, и чуть усталым с дороги голосом произносит в трубку:

— Привет, Киса моя! Я долетел, прости, что так срочно пришлось. Очень срочные важные дела, потом расскажу.

— Привет! — отвечаю ему в тон, пытаюсь на расстоянии передать ему немного моего тепла и моих сил. Рассказываю свой план.

Саша молча слушает и в конце произносит:

— Ты же понимаешь, что это фактически уголовное дело и для Макса и для теплой компании, собранной вице-губернатором? Они все окажутся под следствием.

— Я понимаю, и не собираюсь никого жалеть. Они нарушают не только закон, но и нормы морали, давили и шантажировали, когда сами гораздо в большем конфликте интересов находятся, и вероятно, использовали эту схему как отработанную долгое время,

получая госконтракты «по родству и знакомству». А тут ты прилетел из Москвы и порушил всю схему.

— Ладно. — Осторожно начинает Саша. — В принципе мне нравится ход твоих мыслей. Мне бы тоже не хотелось это просто так спускать никому. Такое нельзя прощать. — Голос его становится злым. — То, что меня шантажировали твоей свободой, запредельное дно. И что Макс в итоге связан и с распределением госконтрактов — это тоже отдельная песня. Она должна прокуратуре понравится.

Слышу в его голосе невеселую усмешку. Саша продолжает:

— Кисунь, мне пора. Дела. Считай, у тебя карт-бланш на действия от «Базис-М» по восстановлению справедливости. Но только пожалуйста, не совершай все одна. В офисе полно народа, который не знает, куда себя приткнуть в новых обстоятельствах. Тебе все будут готовы помочь. Раздавай поручения, делегируй.

— Эхх, не даешь ты мне побыть супер-женщиной! — Шучу я.

— Не надо подвигов, Кисунь. Это никто не оценит. Я хочу, чтоб ты заботилась сначала о себе, а потом уже обо всех людях на свете, в том числе и обо мне. А то я знаю тебя, готова все отдать, лишь бы другим жизнь облегчить. Так вот — не надо!

В его словах столько искренней заботы. Мне очень греет душу, что он хорошо знает меня и понимает мотивы моих поступков. Прикрываю от удовольствия глаза и тихо говорю в трубку:

— Я тебя очень люблю, Саш. Ты у меня самый-самый лучший. Все будет хорошо, правда?

— Конечно, Киса. Все будет даже лучше, чем просто хорошо. Потому что я тебя тоже очень люблю. Помни пожалуйста, что я ни о чем не жалею. Все, что связано с этим контрактом — все вело тебя ко мне. Так что мне уж точно не на что жаловаться. — Саша делает паузу на мгновение и тихим голосом продолжает: — Я не говорил тебе, но я то и вцепился в этот тендер, только потому, что думал, что тебя увижу. Думал, ты давно забыла меня уже, просто был готов увидеть. Увидел. И понял, что врал себе, что мне все равно, что я все забыл. Люблю тебя. Не переставал любить никогда. Я уже в выигрыше.

Глава 59

Мои дни как на ксероксе откопированы: не отличаются друг от друга совершенно. Только даты на календаре меняются, в остальном все одинаковое. Ранним утром пробежка, это мой единственный шанс увидеть солнце и облака не мельком через окно кабинета, а воочию. Потом быстрые сборы на работу.

В офис захожу, как в прорубь ныряю каждый раз: так же страшно и неудобно, да и непонятно когда вынырнешь, требуется полнейшая концентрация, про время совершенно забываешь, все подчинено одной цели. С работы выхожу, когда уже на улице совершенно темно, а придя домой, моментально падаю в кровать и засыпаю.

Если б Наташка не заказывала регулярно доставку, то, наверное, я бы и не ела — некогда совершенно. Едим обе, уткнувшись в бумаги или мониторы, иногда — обсуждая тот или иной рабочий вопрос, бросая друг другу короткие фразы.

И только переписка с Сашей позволяет мне не чувствовать себя роботом, настроенным на решение единственной рабочей задачи — не допустить банкротства фирмы.

В переписке я — любимая женщина. И осознание этого так греет душу, что кажется, мне не нужен особо ни сон, ни еда. У нас разница во времени восемь часов. Он просыпается, когда я уже обедаю. Это тоже мой маленький ритуал. Одновременно с вилкой или ложкой, в

другую руку я всегда беру телефон и бужу его сообщением:

— Привет, солнц, просыпайся! Тебя ждут великие дела! — и выбираю смайлик. Сообщение каждый день одинаковое, а вот смайлы я все время разные к нему выбираю. Сегодня посылаю солнышко.

Едва сообщение доставлено, вижу, что Саша набирает ответ. Мы оба в сети, и ощущение, как будто он рядом со мной, и мы просто разговариваем. Нет разницы во времени и тысяч километров между нами. Он отвечает:

— Привет, Кисуня. Как твой день?

— Как обычно, скучаю без тебя, — набираю в ответ.

— Я тоже. Ты мне сегодня снилась.

— О, вот как. Эротический сон? — Чувствую, как кровь бросается к лицу, выдавая мое смущение. Выбираю краснеющий смайл и отправляю его вместе с сообщением.

— Нет. Вообще был странный сон. Ты одна? Давай созвонимся с видео? — предлагает вдруг он.

— Одна. Звони. — набираю быстро в ответ.

Телефон тут же оживает в моих руках запросом видеозвонка. Выбираю «ответить», и мгновенно на экране возникает Сашино лицо с взлохмаченными со сна волосами. Он весь такой домашний сейчас и уютный, что мне очень хочется дотянуться до него и запустить пальцы в его шевелюру, лохматя ее еще больше.

Видю, что Саша с таким же чувством рассматривает меня. Мы не виделись в нем пять дней, а у меня кончики пальцев покалывает от того, что я жутко хочу к нему прикоснуться, но не могу.

Саша буквально пожирает меня глазами. Молчим минуту или две, занятые разглядыванием друг друга, после чего Саша сглатывает и хрипло произносит:

— Снова привет, Кисунь! Соскучился по тебе. Долго писать, решил созвониться и понял, что дурак был, что раньше не созванивались. Люблю с тобой переписываться, но видеть тебя — это совсем другое. Лучше всего, конечно, прикоснуться. Но и видеть — тоже уже хорошо.

Я улыбаюсь в ответ на его слова и предлагаю:

— Давай рассказывай сон. Как там я тебе приснилась?

— Ничего такого, Кисунь. — уверяет он. — Как будто я в каком-то тумане стою. И он настолько плотный, что даже сложно дышать, не видно абсолютно ничего. Я знаю, что я стою на центральной площади, но не узнаю ее, только смутные очертания зданий. В своем сне я знаю, что я должен куда-то идти, мне нельзя стоять на месте. Но при этом я совершенно не понимаю куда идти, в какую вообще сторону. Пробую двигаться — туман не дает это сделать, мешает идти, цепляется за руки и ноги. Но я все равно пытаюсь. В итоге сначала иду, потом начинаю бежать. Сталкиваюсь с чем-то. Раздвигаю туман руками. Долго бессмысленно бегу, и уже когда совсем выбиваюсь из сил, и понимаю, что больше не могу, не выбраться мне, тогда туман начинает редеть.

— Блин, Солнц, какой-то кошмар тебе снился, причем тут я? — Перебиваю я его.

— Ты самое главное не дослушала, Кисунь, — говорит он. — В этом редющем тумане я вдруг не то что вижу, просто каким-то десятым чувством понимаю, что впереди меня — ты, и стоит руку протянуть и я дотронусь до тебя. Ты не представляешь какое это облегчение. Оказывается, я все это время бежал за тобой, даже не зная, куда бегу. Просто догонял. Протянул руку, и сразу нет тумана, ничего нет. Только ты. Оборачиваешься ко мне и

улыбаешься, как ты одна умеешь. Будто тысячу солнц включили снаружи меня и внутри — так тепло, даже жарко и очень ярко. Так что сон мой про тебя. И про мою жизнь. — заключает Саша.

— Ты не поверишь, — говорю я ему тихо-тихо, но мне недавно снился такой же сон, я тоже была в каком-то густом непроходимом тумане. Но я не помню, чем же он там закончился, кажется, ничем. Я просто проснулась. Так что мне очень нравится твоя версия окончания сна.

— Люблю тебя, Кисунь, — сворачивает разговор Саша. — скоро увидимся. Я уже билеты на понедельник купил на самолет. Прости, но надо задержаться тут на выходные дела порешать. Зато потом вместе будем.

— Я тоже тебя люблю, — стараюсь вложить в свои слова все свои чувства.

Едва я кладу трубку, в кабинет врывается Наташка со словами:

— Супер-новость! Садись скорей, а то упадешь!

Глава 60

Кто бы мне сказал еще полгода назад, как сложится моя жизнь. Вот бы я покрутила пальцем у виска и посмеялась над причудливой фантазией у человека.

Но вот она я. Стою в аэропорту и встречаю своего бывшего. Настоящего. И надеюсь, будущего тоже. Сашу. Все это он один.

Сердце барабанит в ребра. Я не предупредила его, что приеду встречать. Зато предупредила Наташку, что опоздаю, на что она понимающе поулыбалась и сказала:

— Давай, Ярлову привет. Он тебя теперь не то что на руках носить должен, вообще молится пусть на тебя! Так и передай ему.

Самолет уже приземлился, жду его с минуты на минуту. Представляю как вот он сейчас появится, как я рвану к нему сквозь толпу, как брошусь на шею. Так ярко себе это представляю, даже глаза прикрываю, и чувствую его руки на своей талии. Так, стоп. Это я что, пропустила его появление получается? Саша уже рядом, совсем близко, окутал меня своим запахом, который я из миллиарда других узнаю.

Он улыбается, целует меня крепко-крепко и только потом произносит севшим голосом:

— Привет, Кисунь. Соскучился дико. Хорошо, что ты приехала. Не представляю как бы мы с тобой в офисе встретились. Пришлось бы всех разогнать, чтоб не отвлекали нас.

— Привет, Саш.

— У меня хорошие новости. — Эту фразу произносим оба как сговорившись хором. И сразу же удивленно смотрим друг на друга.

— Какие новости? — снова одновременно пытаемся задать один и тот же вопрос.

— Кисунь, давай ты первая. Что там за новости у тебя? — и с нескрываемым интересом вглядывается в мое лицо, будто хочет по глазам прочитать все ответы заранее, еще до моего рассказа.

И хоть меня раздрает от необходимости узнать поскорей какая же у него новость, я все-таки присмиряю свое любопытство и начинаю рассказывать:

— Мы с Наташей старались максимально собрать все документы, доказывающие, что вице-губернатор и пресс-секретарь долгое время, использовал фирмы родственников и друзей для получения госконтрактов. Мы можно сказать преуспели в этом. Можно было уже писать заявление в прокуратуру, нести собранные доказательства, а дальше бы они сами уже все раскрутили. Единственное, что у нас никак не получалось — это подобраться к Максиму. Фирма его в тендерах напрямую ни разу не то, что ни побеждала, даже не участвовала. Но

наша служба безопасности выяснила, что Макс почти всегда получал субподряды от фирм родни этих чиновников.

— Да, понимаю. Я это предвидел. — Грустно констатирует Саша. — Хотя конечно вот его охота наказать больше всех. Чиновники просто деньги государственные пилят, а этот гад — шантажировал меня, что отпустит тебя только, если я контракт расторгну. Такое не прощают. — Голос его свирепеет.

— Так вот, тебе понравится, — убеждаю я Сашу. — Наташка выяснила, что Макс — это дальний родственник жены замгубернатора. Так что конфликт интересов и тут есть. Но это еще полдела.

— Ничего себе она у тебя шпион! — только и может сказать Саша.

За время моего рассказа, мы уже вышли из аэропорта и сели в машину. Макс неспешно рулит, слушая меня. Я продолжаю:

— В общем, замес в том, что жена замгубернатора поймала его похоже на измене. Очень расстроилась, что-то там совсем некрасиво было. В общем, она сама пошла в прокуратуру и всю схему им раскрыла, можешь себе представить? Все фирмы, всех родных и знакомых. Так мы про родственные отношения Макса и узнали. Наташке знакомый ее из прокуратуры позвонил и рассказал, что вот такие дела. Теперь следствие интересуется не оказывалось ли на нас давление при проведении тендера или впоследствии при исполнении госконтракта. Мы конечно же сказали, что оказывалось.

— Очуметь. — Саша шокировано смотрит на меня. — Мне нужно кофе. Кажется, я сплю, так это все нереально.

— Поехали в кофейню заедом, — предлагаю я. — Потому что это еще не все.

— Не все? — неверяще спрашивает мой любимый. — А что еще?

— А то, что я сразу же рванула в прокуратуру. Дала пояснения, что давление оказывалось. И вообще все рассказала. В том числе и про роль Макса. Сотрудники очень заинтересовались и запросили данные у оператора сотовой связи. Так что у них все звонки и сообщения Макса теперь в их распоряжении. Мне только оставалось дать показания. Документы, собранные нами, я тоже привезла.

Окончание истории я рассказываю, сидя в кафе и ожидая свой заказ:

— В общем, соглашение о расторжении контракта сейчас на проверке в юридической службе правительства. Скорей всего, его признают недействительным. Так что — это чистая победа. «Базис-М» по прежнему владелец госконтракта на строительство микрорайона. — Пафосно произношу я.

— Я впечатлен. Какое-то невероятное везение с изменой вице-губернатора и обидой его жены.

Саша внимательно смотрит в мое лицо, что-то явно считывает по нему и задает самый важный вопрос:

— А кто подал жене замгубернатора идею об измене мужа? Ты?

— Угадал. — совсем нескромно заявляю я.

Глава 61

К счастью, Саша не таращится на меня удивленно, а расслаблен и спокоен, как будто что-то такого именно и ожидал. Хотя я сама от себя такого не ожидала. Нанять частного детектива, кто проследит за высокопоставленными чиновниками было очень рискованно, но мне уже нечего было терять. Зря они пытались загнать нас в угол. Сами за это и поплатились. Детектив не успел обнаружить родственных связей между организаторами и

победителями торгов. Но сразу же засек любовницу у вице-губернатора.

Пересказываю Саше, как детектив отчитался о внебрачной связи замгубернатора:

— Я тогда приняла решение, что стоит следить тогда за ним именно по поводу любовницы. Он раздобыл море доказательств. Любовница у него была давным-давно. На нее были оформлены недвижимость и даже яхта. Эти доказательства и отправили жене чиновника. Я не знала конечно, как она отреагирует. Но что-то мне подсказывало, наверно женское чутье, что она придет в бешенство. И в аффекте сдаст своего благоверного куда следует. Она так и сделала.

— Вот это история, Кисунь. — Восхищается Саша. — Хоть кино снимай. Даже как-то неудобно теперь рассказывать свои новости. Нет в них никакой драмы, и детектива тоже нет. — говорит он и улыбается.

По его расслабленности и по улыбке я понимаю, что его новости не просто хорошие, а чудесные, что он доволен был и даже без моих новостей.

— Рассказывай скорей! — Требую я.

— Любопытная киса какая, — продолжает он тянуть время, испытывая мое терпение.

И только когда я хмурю брови и начинаю нервно тарабанить пальцами по столику, Саша приступает к рассказу:

— В прошлый понедельник я проснулся в полной уверенности, что госконтракт расторгнут, и вопрос выплаты многомиллионной неустойки за его расторжение — это только вопрос времени. Через неделю или максимум месяц надо будет ее заплатить. Так же я понимал, что расторжение контракта на стадии начала строительства будет воспринято как команда «фас» всеми какие только можно представить себе контрольные органы в сфере строительства. Для них «Базис-М» станет врагом номер один, сорвавшим строительство целого микрорайона. Так что я опасался, что, возможно, к неустойке добавятся еще и разного рода проверки и штрафы.

— Я даже об этом не подумала, — признаю я. — Даже без штрафов это была бы катастрофа для фирмы.

— Да, Кисунь, — он успокаивающе накрывает мою ладонь своей. — Но это неважно уже теперь. Неделю назад я думал, что фирме грозит неминуемое банкротство. Поэтому когда мне мои конкуренты позвонили из Москвы и предложили субподряд на строительство торгового центра с гостиницей и аквапарком, я не мог оставаться в стороне, рванул в Москву. Неделя напряженных переговоров, составления смет и калькуляций. И субподряд у нас в руках. А также предложение по работе в Сочи. Даже если бы «Базис-М» вынужден был бы заплатить неустойку, то с новыми контрактами, банкротство ему бы не грозило совершенно.

Вид у Саши очень гордый, я вижу, что он доволен собой. Смотрю в его глаза и говорю:

— Даже не представляю, как ты это все смог повернуть за неделю.

— О-о-о, Кисунь, ты не поверишь, я и сам до конца не верю. Но у меня одно объяснение, что ты приносишь мне удачу. То, что ты рядом была, что ты ждала меня, верила в меня, и я не мог проиграть.

На этих словах мой взгляд опускается вниз на Сашину ладонь, накрывшую мои пальцы. Я потрясенно вижу, что на безымянном пальце сверкает его обручальное кольцо. Видимо, он тоже сохранил его. Я безмолвно поднимаю свои глаза к его лицу, не в силах вымолвить ни слова. Его взгляд обжигает меня до глубин души. Даже вдохнуть сложно, воздух кажется горячим и плотным. Но Саша решает еще добавить огня словами:

— Да-да, Кисунь, ты правильно смотришь. Мне так врезался в память твой рассказ, что обручальное кольцо приносило тебе счастье. Вспомнил наше время, когда мы вдвоем были. Это правда были самые счастливые мои времена. И подумал, что не одной тебе обручальное кольцо удачу приносит, что возможно и мне тоже. Так и случилось. Как одел — как талисман какой оно стало. Даже самому не верится, что это возможно. Но контракт подписан, оферта выдана. Предоплата сорок миллионов — на счету фирмы.

— Ого! — я действительно впечатлена. — Мои поздравления!

— В общем, похоже, что вместо банкротства мы вытянули счастливый билет! — ликует Саша. И тут же резко меняет тему: — Кисунь, и раз мы оба такие счастливики, то не пора ли нам обсудить дату свадьбы? Предлагаю на этой неделе заявление подать. Не хочу ждать.

— Оу. Ничего себе поворот! Не будешь потом жалеть, что поторопился?

— Ну нет, — заявляет он, — я буду жалеть только об одном. Что потерял тебя на целых пять лет. Поехали прямо сейчас? — предлагает он с воодушевлением.

И на волне то ли эйфории от хороших новостей, то ли на волне нашей взаимной любви, я соглашаюсь:

— Поехали!

Только в ЗАГСе нас ждал сюрприз.

Глава 62

Этот случай я буду рассказывать нашим детям. Наверное. Но сейчас мне совсем не смешно. Я даже не могу описать все свои чувства, такой коктейль намешан, что сразу и не разберешь.

Сразу из кафе, предварительно проверив есть ли у меня с собой паспорт, мы поехали в ЗАГС. Вообще я предлагала подать заявление онлайн, но Саша был против, заявив:

— Нет, Кисунь, нечего традицию ломать, если семь лет назад мы лично подавали заявление, то и второй раз тоже лично пойдем. Онлайн мы уже разводились. Это было плохо и неправильно.

Я хмыкнула, но внутренне согласилась, что в таком важном вопросе как регистрация брака видимо любые приметы оправданы. Да и вообще, если ехать самим — это дополнительный час, а то и два вдвоем.

Работница ЗАГСа очень удивилась, увидев нас на пороге кабинета. Во-первых, мы действительно были единственные, все другие вероятно не имели предубеждений против онлайн подачи заявления. А во-вторых, когда она окинула нас внимательным взглядом, он задержался на Сашиной сумке, с тегом авиаперевозчика и пристегнутой подушкой для шеи.

Только сейчас я тоже обратила на это внимание, выглядела наша парочка конечно более чем странно. Как будто мы подростки, сбежавшие от родителей, взяли билеты на самолет, чтоб улететь в другой город и бежать в ЗАГС сразу после посадки, пока нас не хватились родные. Чувствуя себя как в романтическом фильме, я взяла Сашу за руку, а он наклонился ко мне и прошептал:

— Мы как Ромео и Джульетта, тайно обвенчаемся вдали ото всех.

Его глаза так радостно горят, что это шутливое сравнение кажется мне вполне жизненным планом. В конце концов, пышная свадьба у нас уже была. Почему бы не устроить тайную?

Усталая работница ЗАГСа, еще раз смерив нас взглядом и удостоверившись, что мы не испаримся, протянула нам бумажные анкеты-заявления, буркнув:

— Заполняйте! Как будете готовы, так проходите вон в тот кабинет, — машет она в

конец коридора.

— Да мы быстро, не переживайте, не первый раз! — пытается шутить Саша.

Недовольство сотрудницы становится почти осязаемым. Я тушуюсь и тяну его за руку, одновременно протягивая бланк. Мы действительно быстро все заполняем и заходим в кабинет. Сотрудница пробегает глазами по бланку буквально за секунду, и ее тон из просто усталого становится ядовитым:

— Однофамильцы? Очень редкая фамилия.

— Мы были женаты уже, я оставила фамилию мужа, — быстро тараторю я и протягиваю ей свой паспорт, со штампом о браке и о разводе.

Она внимательно изучает страницу и поднимает глаза на Сашу:

— Ваш паспорт давайте.

Похоже, у сотрудницы сбой программы, она зависла на мгновение. Потом смотрит на нас, снова в Сашин паспорт, и снова на нас. Интересно, что ее так заинтересовало?

Мне недолго приходится мучиться этим вопросом, потому что она медленно, как будто не веря произносит:

— Но вы, Александр Владимирович, состоите в браке. Как можно зарегистрировать брак, если бы уже женаты?

— Это недоразумение, — Саша непонимающе хмурит брови. — В смысле женат?

Я готова хлопнуться в обморок. Смотрю на Сашу во все глаза. Как напрягается его взгляд, на лбу залегают морщины.

— Ну полюбуйтеесь! — Заявляет сотрудница ЗАГСа и отдает паспорт Саше.

На его лице пробегает озарение понимания ситуации, он радостно оборачивается ко мне и показывает разворот документа:

— Гляди, Кисунь, я все еще женат. На тебе. Ты со мной развелась, а я с тобой — нет.

На странице действительно только один штамп — с датой регистрации нашего брака. Штампа о разводе нет.

— Как так? — недоумеваю я.

Но на самом деле испытываю облегчение. Вот бы был сюрприз, оказался Саша женат. Я примерно это уже и успела подумать. Например, что он женился на какой-нибудь Кате, чтоб спасти фирму от разорения. Или может был уже женат до момента нашей встречи этой весной.

— Действительно, молодой человек! Поясните ситуацию! Как такое может быть у жены брак расторгнут, а у мужа — нет? — вмешивается работница ЗАГСа.

— Да мы в разных городах жили, и развелись по почте. Я просто заявление прислал о разводе, — Саша говорит сдавленно, как через силу.

Он заглядывает в мое лицо. Для нас обоих до сих пор это сложные воспоминания, лежащие черным пятном на нашем прошлом. Я киваю и продолжаю сама, стараясь его поддержать.

— Я получила заявление его и пришла сюда. Здесь сразу штамп о разводе и поставили. А он был в Москве, его заявление тут. Мне сказали, что сами все документы нужные в московский ЗАГС перешлют, — я пожимаю плечами.

— А я в ЗАГС не ходил больше, не смог. Одно дело — в запале заявление написать и отправить, а совсем другое — ждать, когда придет заявление от жены, ехать, стоять в очереди за штампом о разводе. Не захотел разводиться. — Почти шепотом заканчивает он, так что слышно последнюю фразу только мне.

— Понятно все с вами, молодые люди, — вдруг оживает тетка. — Ну и история у вас!

И я неожиданно вижу, что наша история и в ней самой что-то такое всколыхнула, что она отбросила в сторону свою усталость, в глазах заискрилось веселье. Она начинает бодро стучать по клавишам и наконец произносит:

— Регистрация брака через месяц, двадцатое сентября пятнадцать часов устраивает вас? Надо только что-то придумать с вашим паспортом, Александр Владимирович. А то будете двоеженцем.

Глава 63

— Итак, дата свадьбы назначена, — Саша легко подхватывает меня на крыльце ЗАГСа и кружит.

На нас косятся парочки, у которых свадьба уже сегодня. У них все атрибуты: шампанское, гости, белое платье невесты, жених в костюме, букет, шум, суета. А мы, без преувеличения, тут самые счастливые. Глаза Саши просто сверкают счастьем. Я всегда считала его красивым, но теперь я вижу, как я ошибалась. Вся его красота — это его эмоции, и сейчас он просто нереально красив. На него оглядываются люди. Он просто как маяк, который притягивает все внимание. Им нельзя не любоваться. Я даже не могу объяснить, в чем именно изменения. Вот этот бешенный огонь в глазах, такой, что они сверкают?

— Поставь, где взял, — прошу его, потому что он так и держит меня обхватив руками под колени и подняв вверх. А я стесняюсь взглядов окружающих и привожу убедительный на мой взгляд аргумент: — Я же тяжелая!

— Ты — пушинка. О какой тяжести ты говоришь? Мне кажется, я горы могу свернуть, просто вот плечом поддену легонько и весь мир перевернется в ту сторону, как я захочу. — Саша неподдельно искренен.

Я ему верю на все сто процентов, потому что чувствую тоже самое. Все, чего мне только захочется пожелать — непременно сбудется. Вот прямо сейчас.

Саша смотрит на меня снизу вверх восторженными глазами:

— Я говорил, что ты самая красивая на свете?

— Говорил, — смеюсь я, — но как-то давно.

— Ты самая красивая на свете. Обещаю теперь каждое утро начинать с этой фразы. Ты не представляешь, что ты значишь для меня, — шепчет он, зарывшись в мои волосы, после того, как, наконец, опустил меня на землю.

Спускаемся по ступенькам вниз, взявшись за руки. Я спиной чувствую завистливые взгляды, они так красноречивы, что мне от них печет затылок. Хочется обернуться и язык показать. Пусть завидуют на здоровье, это — мой жених.

— Саш, у тебя нет дежавю? — спрашиваю я.

— Нет конечно. Но если ты намекаешь на то, что мы уже подавали как-то заявление, то-о-о, — он делает паузу, и заявляет: — все равно нет. Сейчас все по-другому, неужели ты не чувствуешь?

— Чувствую, — признаюсь я. — Знаешь, я правда чувствую, что я семь лет назад тоже очень тебя любила, но сейчас к моей любви добавился опыт, что как легко можно все разрушить, как все хрупко. Поэтому я еще больше ценю. А еще мне кажется, что мы оба повзрослели, и, надеюсь, сможем сохранить, то, что у нас есть.

— Конечно, Кисунь. Именно так. — Соглашается со мной мой бывший муж и мой настоящий жених.

— Поверить не могу, что мы сделали это. — Говорю я.

— Я просто взял тебя неожиданностью, сразу из аэропорта в ЗАГС наверно никто еще не ездил. — Смеется Саша.

Потом мы конечно едем в офис, где дела и заботы растаскивают нас, как заигравшихся щенков, по разным кабинетам и по разным делам. Как ни странно, я совершенно забываю, про то, что скоро свадьба, и вздрагиваю, когда Наташка интересуется:

— Ну все, Надь, рабочий день закончен. Давай колись, что там у вас происходит? Что ты как лампочка сияешь? Я весь день умираю от любопытства, а даже некогда спросить.

Отрываю глаза от монитора и действительно вижу, что в нашем кабинете уже горит свет, а за окном сгущаются чернилами сумерки.

— Ого, как день пролетел.

— Ты от вопроса-то не уходи. — Требуется подруга: — Рассказывай давай! Что, заявление подали?

Я округляю глаза, уставившись на Наташку:

— Откуда ты знаешь?

— Да я не знаю. Но догадываюсь. Ярлов твой тоже светится, как гирлянда огней. Так что я просто сложила один плюс один.

— Ты права. Как-то вдруг решили по-быстренькому прошвырнуться из аэропорта. — пытаюсь я пошутить.

— Да ладно тебе! Какое такое «вдруг»? Вы же как магнитики притягиваетесь к друг другу. Я ничуть в вас не сомневалась. — Сообщает она.

А я в этот момент размышляю всем ли это было так очевидно, или только моей прозорливой подруге? Потому что мне было совсем не все так ясно и просто.

— Так что приглашаю тебя на свадьбу. — Зову я Наташку.

— Спасибо, буду рада зарядиться от вас счастьем. На свадьбе вы оба наверно вообще как электростанции атомные будете свет выделять! — Наташка как всегда в своем репертуаре.

Я хочу обнять подругу, делаю шаг к ней с распростертыми руками, но в эту секунду у нее звонит телефон. Она берет трубку, знаком показывая мне, что важный разговор. Резко садится на стол, выдыхает «спасибо» в трубку, и поднимает на меня глаза:

— Ну что, сегодня суд вынес постановление о заключении под стражу вице-губернатора и пресс-секретаря. И козла этого недоделанного, Макса. Причем его на больший срок арестовали, потому что у него преступление похлеще — «похищение человека» ему инкриминуют.

— Ты знаешь, мне не жаль. Вот такая я кровожадная! Пусть все получают, то, что заслужили. — Запальчиво говорю я и оборачиваюсь.

В дверях стоит Саша.

Глава 64

Саша

Зашел за ней, зная, что Надя сейчас готова до полуночи работать, раз мы задержались с утра. Открыл дверь и услышал, что ей коллега говорит, замер. Испугался, что ответит сейчас Надя. Одно дело — защищать мою фирму от расторжения контракта и банкротства. И совсем другое — узнать о том, что виновники в тюрьме будут сидеть. Тем более, что один из них — это ее друг, которого мне, правда, очень хочется убить.

Скажи она сейчас, что Макс не заслужил, что я буду делать? Почувствовал, что разрывает меня. С одной стороны, мое желание мстить всем и каждому, кто плохо сделал

тому, кого я люблю. И тюрьма в этом смысле — вполне не кровожадный вариант, учитывая, что я убить его готов. А с другой, я понимаю, что готов исполнять любое ее желание, лишь бы счастлива она была. Чтобы улыбалась как сегодня утром, когда встречала меня в аэропорту.

Увидел ее и понял, что вообще больше ни на секунду не отпущу. Хочу ее улыбку видеть каждое утро. Хочу возвращаться туда, где она меня ждет. Смысла нет в деньгах просто вообще никакого, если Нади нет рядом. Ради нее — есть, к ее ногам весь мир хочется бросить.

В ЗАГС и предложил ей ехать сразу же. Охота привязать ее к себе, и никуда чтобы надолго не отходила, не то, что штамп поставить. Хочется крикнуть на весь город, что моя она, не трогайте чужое.

Смешно конечно с паспортом вышло, я ведь реально забыл, что штамп о разводе с ней не поставил. И только когда регистраторша протянула мне его в ЗАГСе, как молнией озарило. Точно ведь. Заявление я тогда написал, отправил, но почему-то надеялся, что она сейчас получит его, позвонит, все объяснит, развода не будет. Но позвонила мне не она, а сотрудница ЗАГС, и монотонно пробубнила, чтоб шел за свидетельством и штампом о разводе. Помню разозлился тогда. Метался по квартире как раненный зверь. Косяк разбил кулаком, когда долбанул по нему. Причем злился я на тетку эту, что мне новость сообщила о разводе.

А сейчас вот понял, что злился-то я на себя. Поэтому и не поехал никуда за штампом. Вроде как сам отменил свое решение.

Хорошо, что она смогла меня простить. Не знаю, вот что бы я сейчас делал, приедь я, а у нее семья, муж, дети. Аж пелена на глаза падает, как представляю, что она с другим. Моя она, только моя!

Мысли эти мелькают с бешеной скоростью, пока я жду ее ответа на новость. Кажется, я даже дышать перестал, и резко вздохнул, когда услышал, ее слова, что ее не жаль, все должны получить то, что заслужили.

Слышу в этой ее фразе и то, что мы получается заслужили счастье и право быть друг с другом, справились со всем. И это наполняет меня такой силой, что мне немедленно надо что-то сделать. Желательно весь мир перевернуть. Но пока я порывисто шагаю к любимой, хватаю ее в объятия и шепчу:

— Поехали домой скорей, — поднимаю ее на руки, пока она не успела возразить и несущ к лифтам.

Смеющаяся ее подружка догоняет на пол пути, сует мне в руки Надину сумочку со словами:

— Эй, влюбленные! Вещами не разбрасывайтесь! — и исчезает куда-то.

Мир сужается до нас двоих. Невозможно устоять, когда Надя так близко и смотрит пристально своими глазами, в которых я тону. Наклоняюсь к ней и целую.

— Люблю тебя, — шепчу после каждого поцелуя.

И потом еще всю ночь. Она отвечает, откликается на мои слова и на ласки. Моя девочка.

Засыпаем только под утро. Она устраивается на моем плече, обнимает меня, тихонько засыпает. Слушаю еще какое-то время ее дыхание. Это и есть счастье. Сейчас очень четко это осознаю. Как и то, что я всегда буду рядом с ней. Все для нее сделаю, лишь бы она хотела быть рядом со мной.

Эпилог

Когда ровно три года назад на приеме у губернатора ко мне подошел мой бывший, могла ли я себе представить, что сегодня утром, спустя три года после той неожиданной встречи, я буду смотреть на тест с двумя полосками и медленно осознавать, что у нас, похоже, будет еще один ребенок. К той королевской парочке, что сопят в своих кроватках сейчас. Наши ненаглядные детки, мальчик и девочка. Мамина радость, гордость папы. Саша, когда узнал, что их двое будет, просто с ума сошел от радости.

Правда, потом эта парочка, когда родилась, устроила нам веселую жизнь. Спали они исключительно по очереди. Если засыпал Марк, то Марина немедленно просыпалась. Помучившись так недели две, мы наняли няню, которая мне очень помогала.

С работы я ушла сразу же после свадьбы. Мы так решили с Сашей, чтобы не было конфликта интересов. Наташка меня полностью сменила на моем посту, к нашей обоюдной радости.

И вот малышам два года, а у меня в руках тест с двумя полосками. Мы решили, что не стоит тянуть время, и три года — отличная разница в возрасте. Правда, я малодушно надеюсь, что в этот раз только один ребенок. Двойняшки уже есть у нас.

Выхожу из детской, тихонечко прикрыв дверь, чтоб не разбудить наших малышек. Осторожно ступаю по коридору и выхожу на кухню. Саша уже там. Любуюсь им как будто в первый раз вижу. Так люблю встречать его на кухне, в домашней одежде, делающего нам завтрак. Он поворачивается, то ли услышав мои шаги, то ли почувствовав мое присутствие, и с улыбкой произносит:

— Доброе утро! Выспалась, моя хорошая?

— Да! — я тянусь на цыпочках к нему за поцелуем.

И только получив его, заглядывая в Сашины глаза, показываю ему тест.

— Правда? — он все еще не верит.

Я только киваю и смеюсь. А он подхватывает меня на руки и кружит:

— Надя! С ума сойти какой я счастливчик! Красавица-жена, королевская двойня, и беременность. Как мы и мечтали. Это надо немедленно отпраздновать!

— Да-да, — соглашаюсь я. — Овсяной кашей и морсом, вместе с детьми, как одна семья.

Он смеется моей шутке и предлагает другой вариант:

— Можем и так, а потом сбежим с тобой вдвоем в кафе, когда няня придет.

В моей душе такое умиротворение. Кухня залита солнечным светом, за окном поют птицы, приветствуя начало нового дня. В квартире тишина, мы шепотом переговариваемся с Сашей, обсуждая варианты имен нашему будущему малышу. За стеной, в детской спят наши дети. Саша ставит передо мной тарелку с завтраком со словами:

— Кушать подано, моя королева!

— Я так тебя люблю, Саш, ты даже не представляешь, — говорю я и целую его.

— И я тебя люблю, — отвечает он. — ты — моя жизнь, кто я без тебя? Хорошо, что я тогда придумал в тендере поучаствовать. Я очень счастлив.

Последние слова он шепчет мне в макушку. Я знаю, что может быть будет непросто с тремя малышами, что могут случаться трудности на работе, но пока мы есть друг у друга, пока жива наша любовь — все это легко преодолимо. Мы справимся хоть с чем, главное — любовь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net